

BIBLIOTECA NAȚIONALĂ A REPUBLICII MOLDOVA

MOȘTENIRI COMUNE COMMON HERITAGE ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

„2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei”
Materialele Conferinței Științifice Internaționale
Chișinău, 12 iunie 2018

„European Year of the Cultural Heritage 2018: Multiculturalism and Tradition of Austria”
Proceedings of the International Scientific Conference
Chișinău, 12 June 2018

«Европейский год культурного наследия 2018:
Мультикультурализм и традиция Австрии»
Материалы Международной научной конференции
Кишинев, 12 июня 2018 г.

BIBLIOTECA NAȚIONALĂ A REPUBLICII MOLDOVA

MOȘTENIRI COMUNE COMMON HERITAGE ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

„2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei”

Materialele Conferinței Științifice Internaționale
Chișinău, 12 iunie 2018

„European Year of the Cultural Heritage 2018: Multiculturalism and Tradition of Austria”

Proceedings of the International Scientific Conference
Chișinău, 12 June 2018

«Европейский год культурного наследия 2018:

Мультикультурализм и традиция Австрии»

Материалы Международной научной конференции
Кишинев, 12 июня 2018 г.

Chișinău, 2019

CZU 008:02(082)=00

M 91

Lucrarea a fost discutată și recomandată spre editare la ședința Consiliului redacțional, proces-verbal nr. 3, din 19.06.2019.

Director general: **Elena Pintilei**

Alcătuitor: **Elina Bolgarina**

Coordonator de ediție: **Ludmila Corghenci**

Coperta: **Cristina Ceoinac**

Redactor: **Jana Badan**

Paginare computerizată: **Diana Odobescu**

Publicația a fost realizată cu suportul financiar al Forumului Cultural Austriac București.

The publication has received funding from the Austrian Cultural Forum Bucharest.

Издание было осуществлено при финансовой поддержке Австрийского культурного форума в Бухаресте.

Traducerile materialelor din limbile engleză și germană în limba română au fost realizate de către Forumul Cultural Austriac București.

The documents written in English and German were translated into Romanian by Austrian Cultural Forum Bucharest.

Переводы документов с английского и немецкого языков на румынский язык были выполнены Австрийским культурным форумом в Бухаресте.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

„Moșteniri comune = Common Heritage = Общее наследие”, conferință științifică internațională (2018 ; Chișinău). Moșteniri comune = Common Heritage = Общее наследие. „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei” : Materialele Conferinței Științifice Internaționale, Chișinău, 12 iunie 2018 / dir. gen.: Elena Pintilei ; alcăt.: Elina Bolgarina ; coord. ed.: Ludmila Corghenci. – Chișinău : BNRM, 2019 (Tipogr. „Primex-Com”). – 112 p.

Antetit.: Bibl. Naț. a Rep. Moldova. – Tit., sumar : paral.: lb. rom., engl., rusă. – Text : lb. rom., engl., germ. – Rez.: lb. rom., engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. și în subsol. – Apare cu sprijinul financiar al Forumului Cultural Austriac București. – 70 ex.

ISBN 978-9975-3290-2-6.

008:02(082)=00

M 91

SUMAR

CONFERINȚA ȘTIINȚIFICĂ INTERNAȚIONALĂ „2018 – ANUL EUROPEAN AL PATRIMONIULUI CULTURAL: MULTICULTURALISMUL ȘI TRADIȚIA AUSTRIEI”: INTRODUCERE		6
Thomas KLOIBER. O inițiativă valoroasă în Republica Moldova pentru experți și cadre universitare din domeniul istoriei și literaturii!		7
MESAJE DE SALUT		
Elena PINTILEI, director general, Biblioteca Națională a Republicii Moldova.....		13
Christine FREILINGER, ambasador extraordinar și plenipotențiar al Austriei în Republica Moldova		15
100 DE ANI DE LA DESTRĂMAREA IMPERIULUI HABSBURGIC: RECULEGERE ISTORICĂ ȘI EVALUAREA MOȘTENIRII CULTURALE AUSTRIECE ÎN SPAȚIUL CENTRAL-EUROPEAN		16
Johannes FEICHTINGER. Pluriculturalitatea în Monarhia Habsburgică târzie – contribuția specifică a Austriei la moștenirea culturală europeană		19
Lilia ZABOLOTNAIA. Problema identității național-confesionale în spațiul post-habsburgic		33
Veaceslav STEPANOV. Rutenii de pe granița dintre două imperii în descrierea autorilor din a doua jumătate a sec. XIX - începutul sec. XX		39
PATRIMONIUL CULTURAL AUSTRIAC PE TERITORIUL BASARABIEI ISTORICE ȘI AL REPUBLICII MOLDOVA		50
Veronica COSOVAN. Cartea românească tipărită în Imperiul Austriac: din colecțiile Bibliotecii Naționale.		53
Olga GARUSOVA. Clubul lui Vincentice Fux în spațiul sociocultural al Chișinăului din anii 1820		59
Elina BOLGARINA. Heinrich von Lonski, architect al Chișinăului vechi		66
FRANZ KAFKA ȘI CONTEMPORANII SĂI, ÎN TIMPUL SĂU ȘI AL NOSTRU		76
Manfred MÜLLER. Franz Kafka și mediul său (Scurtă introducere).....		79
Olga SIVAC. Codul evreiesc al percepției lumii de F. Kafka și ecoul creației sale în opera scriitorilor evrei din Galiția de Est.....		92
Ivan PILCHIN. Receptarea operei lui Franz Kafka în literatura română din Republica Moldova.....		99
Emilian GALAICU-PĂUN. Poem recitat de autor la inaugurarea expoziției „Franz Kafka – 135 de ani de la naștere”		103
COMENTARIILE pe marginea Conferinței Științifice Internaționale „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei”		105
PROGRAMUL Conferinței		110
MOȘTENIRI COMUNE / COMMON HERITAGE / ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ		3

TABLE OF CONTENTS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE „EUROPEAN YEAR OF THE CULTURAL HERITAGE 2018: MULTICULTURALISM AND TRADITION OF AUSTRIA”: INTRODUCTION	
	6
Thomas KLOIBER. A Valuable Initiative in the Republic of Moldova for Experts and Academics of History and Literature!.....	7
OPENING ADDRESSES	
Elena PINTILEI, General Director, National Library of the Republic of Moldova..	13
Christine FREILINGER, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of Austria in the Republic of Moldova	15
100 YEARS OF THE END OF HABSBURG RULE: COMMEMORATION AND VALORIZATION OF AUSTRIAN CULTURAL HERITAGE IN CENTRAL EUROPE	
	16
Johannes FEICHTINGER. Die Plurikulturalität der späten Habsburgermonarchie als Österreichs spezifischer Beitrag für das europäische Kulturerbe.....	19
Lilia ZABOLOTNAIA. The problem of national and confessional identity in the post-Habsburg space	33
Veaceslav STEPANOV. The Two Empires’ Frontier Rusyns as Described by Researchers in the Latter Half of 19th and Early 20th Centuries.....	39
AUSTRIAN CULTURAL HERITAGE AT THE TERRITORY OF HISTORICAL BESSARABIA AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA	
	50
Veronica COSOVAN. Romanian books published in Austrian Empire: From collections of the National Library	53
Olga GARUSOVA. Club of Vincentice Fux in the Social and Cultural Space of Kishinev during 1820s.....	59
Elina BOLGARINA. Heinrich von Lonski, the architect of old Chişinău	66
FRANZ KAFKA AND HIS CONTEMPORARIES, IN HIS TIME AND OURS	
	76
Manfred MÜLLER. Franz Kafka.....	79
Olga SIVAC. Jewish Code of Franz Kafka’s Weltanschauung Echoed in the Work of Eastern Galician Yiddish Writers	92
Ivan PILCHIN. Perception of Franz Kafka’s works in Romanian literature of the Republic of Moldova.....	99
Emilian GALAICU-PĂUN. Poem recited by the author at the opening of the exhibition „Franz Kafka’s 135th Anniversary”	103
COMMENTS to the International Scientific Conference „European Year of the Cultural Heritage 2018: Multiculturalism and Tradition of Austria”	
	105
PROGRAM of the Conference	
	110

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОД КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 2018: МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ТРАДИЦИЯ АВСТРИИ»: ВВЕДЕНИЕ	6
Томас КЛОЙБЕР. Важная инициатива, осуществленная в Республике Молдова для экспертов и преподавателей в области истории и литературы!.....	7
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	
Елена ПИНТИЛЕЙ, генеральный директор Национальной библиотеки Республики Молдова.....	13
Кристин ФРАЙЛИНГЕР, чрезвычайный и полномочный посол Австрии в Республике Молдова	15
100-ЛЕТИЕ РАСПАДА ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПОМИНАНИЕ И ОЦЕНКА АВСТРИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ	16
Иоханнес ФАЙХТИНГЕР. Плюрикультурализм поздней Габсбургской монархии – особый вклад Австрии в европейское культурное наследие.....	19
Лилия ЗАБОЛОТНАЯ. Проблема национально-конфессиональной идентичности в пост-габсбургском пространстве	33
Вячеслав СТЕПАНОВ. Русины фронта двух империй в описаниях авторов второй половины XIX - начала XX вв.	39
АВСТРИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕССАРАБИИ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	50
Вероника КОСОВАН. Румынская книга, напечатанная в Австрийской империи: из коллекций Национальной библиотеки	53
Ольга ГАРУСОВА. Клуб Винцентиса Фукса в социокультурном пространстве Кишинева 1820-х гг.	59
Элина БОЛГАРИНА. Генрих фон Лонский, архитектор старого Кишинева...	66
ФРАНЦ КАФКА И СОВРЕМЕННОСТИ, В ЕГО И НАШЕ ВРЕМЯ	76
Манфред МЮЛЛЕР. Франц Кафка и его среда (Краткое введение)	79
Ольга СИВАК. Еврейский код мироощущения Ф. Кафки, эхом отозвавшийся в творчестве еврейских писателей Восточной Галиции	92
Иван ПИЛКИН. Восприятие творчества Франца Кафки в румынской литературе Республики Молдова	99
Эмилиян ГАЛАЙКУ-ПЭУН. Стихотворение прочитанное автором на открытии выставки «Франц Кафка – 135 лет со дня рождения»	103
КОММЕНТАРИИ к Международной научной конференции «Европейский год культурного наследия 2018: Мультикультурализм и традиция Австрии»	105
ПРОГРАММА Конференции	110

Conferința Științifică Internațională „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei”

Introducere

Conferința Științifică Internațională „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei” a fost organizată la 12 iunie 2018, la inițiativa Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova, Ambasadei Austriei la Chișinău și Forumului Cultural Austriac București.

Fiind prilejuită de consemnarea a 100 de ani de la destrămarea Imperiului Austro-Ungar, conferința a avut drept scop de a informa comunitatea privind evenimentul istoric, accentuând în acest context rolul și importanța studierii moștenirii culturale a Imperiului Habsburgic, al patrimoniului cultural/documentar austriac prezent în Republica Moldova. În cadrul conferinței au fost prezentate și aspecte ce țin de creația marelui scriitor austriac Franz Kafka (în contextul consemnării a 135 de ani de la naștere), reliefate valoroasele publicații ale scriitorului din colecțiile Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova și altor biblioteci și instituții de cultură din țară. În general, conferința a avut 3 axe de reper:

- consemnarea a 100 de ani de la destrămarea Imperiului Habsburgic: reculegere istorică și evaluarea moștenirii culturale austriece în spațiul central-european;
- identificarea, valorificarea patrimoniului cultural austriac pe teritoriul Republicii Moldova (context istoric);
- reliefa evenimentului: 135 de ani de la nașterea scriitorului Franz Kafka – personalitate remarcabilă a prozei moderne, cu influență semnificativă asupra literaturii universale din secolul XX și XXI.

Programul conferinței a fost variat. Pe lângă comunicările pe marginea subiectelor de reper, participanții la lucrările conferinței au avut ocazia să asiste la:

- prezentarea expozițiilor de carte: expoziția-eveniment dedicată aniversării a 135 de ani de la nașterea scriitorului austriac Franz Kafka din colecțiile BNRM; Cartea românească în Imperiul Austriac din colecțiile BNRM; (Ne)-Liniștea dinaintea furtunii / Bewegte Ruhe vor dem Sturm, expoziție oferită de Forumul Cultural Austriac București;
- recitalul de muzică vieneză clasică, muzică evreiască și moldovenească: Avraam Baltaga (nai), Centrul Cultural Evreiesc „KEDEM”, Chișinău;
- proiecția filmului artistic „Stefan Zweig. Farewell to Europe” (2016), drama biografică a scriitorului austriac Stefan Zweig (1881-1942), realizată de regizorul Maria Schrader.

La lucrările conferinței au participat cercetători din Republica Moldova și Austria, istorici, culturologi, scriitori și critici literari, biblioteconomiști, reprezentanți oficiali ai Ambasadei Austriei la Chișinău, Forumului Cultural Austriac – Ambasada Austriei la București, Ministerului Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova.

Prezentul volum cumulează materialele conferinței internaționale, fiind structurate conform programului acesteia: mesaje de salut, comunicări din cadrul a 3 blocuri tematice, comentarii. Volumul este adresat cercetătorilor, cadrelor didactico-științifice, biblioteconomiștilor, tuturor celor interesați de conexiunile moștenirii istorice și culturale a Republicii Moldova și Austriei.

Conferința internațională a oferit un bun prilej de comunicare științifică, de diseminare a informației privind cultura, civilizația, istoria și literatura, interconexiunea acestora la nivel internațional.

Elina BOLGARINA, Ludmila CORGHENCI

A Valuable Initiative in the Republic of Moldova for Experts and Academics of History and Literature!

In 2018 Austria commemorated the historical event of the fall of the Austro-Hungarian Empire and “100 Years of the Republic of Austria”. At a European level we celebrated the “European Year of Cultural Heritage 2018”. These topics provided a perfect framework to organize a conference on the impact of both events to the historical region of Bessarabia and nowadays the Republic of Moldova.

The Austrian Cultural Forum Bucharest and the Austrian Embassy Chişinău gladly welcomed the initiative of the National Library of the Republic of Moldova to plan such a conference, which then took place on 12th June 2018. The National Library achieved to invite a number of well-respected international scientists and experts in order to offer the participants an interesting day full of new inputs on the topic: “Multiculturalism and Tradition of Austria”.

Embedded in the academic presentations and discussions, an exhibition about Franz Kafka’s works was opened by the Director General of the National Library, Ms. Elena Pintilei, the Ambassadors of Austria and Czech Republic and a representative of the German Embassy.

As Director of the Austrian Cultural Forum Bucharest and co-organizer of this event I was more than glad that two famous Austrian scientists accepted our invitation to come to Chişinău: Dr. Manfred Müller, President of the Franz-Kafka-Society Austria, who talked about Franz Kafka’s work and his contemporaries as well as Dr. Johannes Feichtinger, Corresponding Member of the Division of Humanities and the Social Sciences of the Austrian Academy of Sciences, who talked about the commemoration and valorization of Austrian cultural heritage in Central Europe.

I am convinced that this conference was a valuable initiative of the National Library of the Republic of Moldova to reflect a very specific topic of Moldova’s history. The attendance of experts and academics in the field of literature and history of all parts of the Republic of Moldova was an impressive proof of the success of this conference.

On this occasion I would like to express my deepest gratitude to the National Library for the great cooperation in the organization of this conference and also for their efforts to publish the proceedings in this volume.

Thomas KLOIBER,
Director of Austrian Cultural
Forum Bucharest

director al Forumului Cultural
Austriac Bucureşti

директор Австрийского культурного
форума Бухарест

O inițiativă valoroasă în Republica Moldova pentru experți și cadre universitare din domeniul istoriei și literaturii!

Thomas KLOIBER,
director al Forumului Cultural
Austriac București

În anul 2018, Austria a comemorat evenimentul istoric al căderii Imperiului Austro-Ungar și 100 de ani de la înființarea Republicii Austria. La nivel european am sărbătorit Anul European al Patrimoniului Cultural. Aceste evenimente au constituit un cadru perfect pentru a organiza o conferință privind impactul ambelor evenimente asupra regiunii istorice Basarabia și a actualei Republici Moldova.

Forumul Cultural Austriac București și Ambasada Austriei la Chișinău au salutat inițiativa Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova de a organiza o astfel de conferință, care a avut loc pe 12 iunie 2018. În calitate de organizator, Biblioteca Națională a reușit să invite personalități notorii din domeniul științei și culturii, experți internaționali, oferind astfel participanților o zi interesantă, plină de informații la tema: „Multiculturalismul și tradiția Austriei”.

Pe lângă prezentările și discuțiile academice, a fost inaugurată o expoziție despre opera lui Franz Kafka. La vernisare au rostit discursuri directorul general al Bibliotecii Naționale, ambasadorii Austriei și Poloniei în Republica Moldova, reprezentantul ambasadei germane.

În calitate de director al Forumului Cultural Austriac București și co-organizator al conferinței internaționale, am fost mai mult decât bucuros că doi celebri oameni de știință austrieci au acceptat invitația noastră de a veni la Chișinău: dr. Manfred Müller, președintele Societății „Franz Kafka”, Austria, care a vorbit despre opera lui Franz Kafka și despre contemporanii săi, precum și dr. Johannes Feichtinger, membru corespondent al Academiei Austriece de Științe, Secția de științe umaniste și științe sociale, care a vorbit despre comemorarea și valorificarea patrimoniului cultural austriac din Europa Centrală.

Sunt convins că această conferință a fost o inițiativă valoroasă a Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova, urmărind scopul de a reflecta un subiect foarte special din istoria Moldovei. Participarea experților, cadrelor universitare în domeniul literaturii și istoriei din țară și străinătate este o dovadă impresionantă a succesului conferinței internaționale.

Cu această ocazie, aș dori să-mi exprim profunda recunoștință față de Biblioteca Națională a Republicii Moldova pentru buna colaborare în organizarea conferinței și, totodată, pentru eforturile de a publica culegerea materialelor prezentate.

BIBLIOTECA NAȚIONALĂ A REPUBLICII MOLDOVA

**Conferința Științifică Internațională
2018 – ANUL EUROPEAN
AL PATRIMONIULUI CULTURAL:
MULTICULTURALISMUL ȘI TRADIȚIA AUSTRIEI**

**135 DE ANI DE LA NAȘTEREA MARELUI
SCRIITOR AUSTRIAC FRANZ KAFKA:**

12 iunie 2018

expoziție-eveniment

**Organizatori: Biblioteca Națională a Republicii Moldova
Ambasada Austriei la Chișinău
Forumul Cultural Austriac București**

forumul cultural austriac^{buh}

Biblioteca Națională a Republicii Moldova, str. 31 August 1989 nr. 78A

MESAJE DE SALUT

OPENING ADDRESSES

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ
КОНФЕРЕНЦИИ

P. 10 Imagine:
Afişul Conferinţei
Poster of the Conference
Афиша Конференции

Mesaje de salut adresate participanților conferinței

Conferința Științifică Internațională „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei”, pe care am onoarea să o inaugurez astăzi, este un bun prilej de a demonstra respectul față de patrimoniul cultural și documentar european.

Printr-o semnificativă coincidență, anul 2018 este marcat deopotrivă ca An European al Patrimoniului Cultural (proclamat prin Decizia Consiliului și Parlamentului European din 17 mai 2017), sloganul fiind „Patrimoniul nostru: la confluența dintre trecut și viitor”, și ca an în care se împlinește un secol de la destrămarea Imperiului Habsburgic, a dinastiei monarhice cu o tradiție de 4 secole (1526-1918), care au influențat mersul evenimentelor istorice pe continentul european.

La fel, „anul 2018 are o importanță simbolică și istorică pentru Europa și pentru patrimoniul cultural al acesteia, deoarece marchează o serie de evenimente semnificative, cum ar fi cea de-a 100-a aniversare a încheierii Primului Război Mondial și a independenței mai multor state membre...”, astfel că o asemenea marcă poate oferi „ocazii de a înțelege mai bine prezentul printr-o înțelegere mai nuanțată și împărtășită a trecutului”, se menționează în pct. 15 al Deciziei Parlamentului European.

Într-adevăr, patrimoniul cultural este un element esențial al identității europene, fiindcă moștenirea culturală reprezintă nu numai un mijloc pentru a înțelege trecutul nostru, ci și un atu susceptibil pentru a ne ajuta în construirea Europei viitorului.

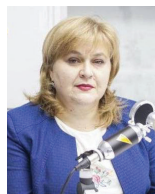
Ideile, principiile și valorile integrate în patrimoniul național cultural și cel al Europei constituie o sursă comună de memorie, de înțelegere, de identitate și dialog, de coeziune și de creativitate în Uniunea Europeană și în cadrul fiecărui stat european.

Patrimoniul cultural este deosebit de valoros pentru societatea europeană din punct de vedere spiritual și social. Grație importanței sale excepționale și în virtutea „complexului lui Noe” de a pune la adăpostul arcei patrimoniale noi valori, dezvoltat de lumea modernă, patrimoniul comun, ca resursă colectivă și bun al tuturor păstrat pentru generațiile viitoare, se impune a fi conservat, promovat și gestionat în mod durabil. Aceasta ne-am propus noi, cei de la Biblioteca Națională a Republicii Moldova, în parteneriat cu Ministerul Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova, Ambasada Austriei la Chișinău, Forumul Cultural Austriac din București, Academia de Științe a Moldovei, Universitatea de Stat din Moldova și cu multe alte persoane, pe care le veți cunoaște pe parcursul zilei de azi.

Onorată asistență!

O conferință în așa format este organizată în premieră în Republica Moldova. Am considerat oportun ca în cadrul acestui for să fie omagiat și renumitul scriitor austriac Franz Kafka (de la nașterea căruia anul acesta se împlinesc 135 de ani), care a exercitat o influență covârșitoare asupra literaturii universale atât a secolului XX, cât și a secolului XXI.

Declarăm cu mândrie că, prin activitățile acestei conferințe științifice, Biblioteca Națională a Republicii Moldova va contribui la dezvoltarea relațiilor culturale moldo-austriece, care țin de valorificarea și transmiterea spre generațiile viitoare a valorilor patrimoniului cultural universal. Vă mulțumesc.

Elena PINTILEI,
director general al BNRM

General Director of the NLRM

генеральный директор НБРМ

Mult stimată doamnă Director, Excelențe, Profesori, Doamnelor și Domnilor!

Conferința de azi tratează o perioadă fascinantă din istoria Europei Centrale. Noi, austrieci, privim cu nostalgie în trecut și mulți turiști, care vizitează Viena, Praga sau un alt oraș marcat de Habsburgi, rămân fascinați. Deși s-ar părea că această perioadă a trecut pentru totdeauna, unele chestiuni și idei de atunci astăzi sunt mai actuale ca niciodată. De aceea, mă bucur mult că Biblioteca Națională a Republicii Moldova aduce în discuție tema Imperiului multicultural Habsburgic. În special, vreau să-i salut pe cei doi profesori renumiți din Austria, care au venit la Chișinău cu ocazia conferinței și vor vorbi astăzi.

Dr. Johannes Feichtinger de la Academia Austriacă de Științe va prezenta un discurs referitor la cei 100 de ani de la sfârșitul Imperiului Habsburgic, unde existau 11 limbi recunoscute. Mentalitatea austriecilor este marcată și azi de faptul că în instituții și în armată printre Habsburgi se comunica în 11 limbi și că nu exista nicio limbă de stat. Unul dintre străbunicii mei era din Polonia și era colonel al Armatei imperial-regale. Evident că el era multilingv, fapt care cu siguranță l-a ajutat în activitatea sa. Această multiculturalitate a monarhiei habsburgice târziu ar putea fi văzută și azi ca o sursă importantă pentru gândirea actuală, o contribuție specifică a Austriei la patrimoniul cultural european.

Dr. Manfred Müller, președintele Societății Austriece „Franz Kafka”, va povesti despre scriitorul proeminent Franz Kafka, care la timpul său reprezenta concomitent două minorități distincte: scriitor vorbitor de limbă germană și evreu din Praga începutului sec. XX. În jurul anilor 1900 doar aproximativ 8% dintre cetățenii din Praga vorbeau limba germană și doar circa 6% erau evrei. Kafka a fost marcat de sfârșitul Monarhiei Habsburgice. Cu toate acestea, eu nu l-aș atribui unui singur stat, deoarece el prin opera sa a realizat un aport semnificativ la patrimoniul cultural mondial. Mă bucur enorm că azi la această conferință sunt prezenți ambasadorul Cehiei Zdeněk Krejčí și doamna Jessica Fernandez de la Ambasada Germaniei, iar Centrul Cultural Evreiesc „KEDEM” va aduce o contribuție muzicală.

Mulțumirile mele sunt adresate Bibliotecii Naționale, în special doamnei director general Elena Pintilei și doamnei Elina Bolgarina, șefa secției Literaturile lumii, din cadrul Bibliotecii Naționale. Totodată, aș vrea să-i mulțumesc sincer consilierului cultural Thomas Kloiber, care, în calitate de șef al Forumului Cultural Austriac București, a contribuit substanțial la realizarea acestei conferințe.

Christine FREILINGER,
ambasador extraordinar și
plenipotențiar al Austriei în Republica
Moldova

Extraordinary and Plenipotentiary
Ambassador of Austria in the
Republic of Moldova

чрезвычайный и полномочный по-
сол Австрии в Республике Молдова

100 DE ANI DE LA DESTRĂMAREA
IMPERIULUI HABSBURGIC:
RECULEGERE ISTORICĂ ȘI
EVALUAREA MOȘTENIRII CULTURALE
AUSTRIECE ÎN SPAȚIUL
CENTRAL-EUROPEAN

100 YEARS OF THE END OF HABSBURG
RULE: COMMEMORATION AND
VALORIZATION OF AUSTRIAN
CULTURAL HERITAGE
IN CENTRAL EUROPE

100-ЛЕТИЕ РАСПАДА ГАБСБУРГСКОЙ
ИМПЕРИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАПОМИНАНИЕ И ОЦЕНКА
АВСТРИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Moderatori:
dr. Lilia ZABOLOTNAIA,
Muzeul Național de Istorie a Moldovei;
Thomas KLOIBER,
Forumul Cultural Austriac București

P. 16 Imagine:

Clădirea Tribunalului Regional (1887, arhitect Heinrich von Lonski)

Building of Chisinau Court (1887, architect Heinrich von Lonski)

Здание Окружного суда (1887, архитектор Генрих фон Лонский)

Die Plurikulturalität der späten Habsburgermonarchie als Österreichs spezifischer Beitrag für das europäische Kulturerbe

Abstract: Acest articol se referă la Monarhia Habsburgică târzie ca spațiu pluricultural, care a dispărut în mare măsură odată cu dezintegrarea sa în 1918. Astăzi însă este redescoperită ca model pentru viitor. În statele succesoare monarhiei, a predominat ideologia uniculturalismului. Fiecare popor trebuia să aibă propria sa cultură și limbă. În noua Europă a diversității culturale, această ideologie a supraviețuit, dar nu este prioritară. Totodată, fundalul pluriculturalist al experienței și acțiunii Monarhiei Habsburgice târzii deschide noi perspective pentru viitor. Astfel, Austria a contribuit într-un mod specific la patrimoniul cultural european.

Cuvinte-cheie: Monarhia Habsburgică, uniculturalism, pluriculturalism, Europa, multilingvism.

Abstract: The article refers to the late Habsburg monarchy as a pluricultural space, which largely disappeared with disintegration of Austrian Empire in 1918. Today it is rediscovered as a model for the future. In the states - successors of the monarchy the ideology of uniculturalism prevailed, every nation had to have its own culture and language. In the new Europe of cultural diversity, this ideology has survived but is not a priority. At the same time, the pluricultural background of the experience and action of the late Habsburg monarchy opens new perspectives for the future. Thus Austria has contributed in her specific way to the European cultural heritage.

Keywords: Habsburg monarchy, uniculturalism, pluriculturalism, Europe, multilingualism.

Dieser Beitrag behandelt die späte Habsburgermonarchie als plurikulturellen Raum. Er verschwand weitgehend mit ihrem Zerfall 1918, heute wird er als Zukunftsmodell wiederentdeckt (Bhatti 2016; Csáky 2010; Feichtinger und Cohen 2014; Feichtinger und Uhl 2016). In den Nachfolgestaaten der Monarchie herrschte die Ideologie der Singularkultur. Jedes Volk sollte seine eigene eigene Kultur und Sprache besitzen. Im neuen Europa der kulturellen Diversität hat sich diese Ideologie überlebt. Sie ist zunehmend in Rückzugsgefechte verstrickt. Zugleich eröffnet der plurikulturelle Erfahrungs- und Handlungshintergrund der späten Habsburgermonarchie neue Zukunftsperspektiven. Darin, so wird im Folgenden argumentiert, liegt Österreichs spezifischer Beitrag für das europäische Kulturerbe.

Der indische Kulturwissenschaftler Anil Bhatti weist darauf hin, dass zahlreiche Staaten der Welt plurikulturell verfasst sind (Bhatti 2016). Sie sind charakterisiert durch komplexe Gesellschaften, in denen Hierarchisierungen über kulturelle Differenzen nicht mehr funktionieren. Im Alltagshandeln sei Kategorisierung in „eigen“ und „fremd“ fragwürdig

dr. Johannes FEICHTINGER,
Wissenschaftlicher Mitarbeiter,
Österreichische Akademie der
Wissenschaften (ÖAW)

colaborator științific,
Academia Austriacă de Științe

научный сотрудник,
Австрийская академия наук

geworden. Das heißt, dass Diversität in plurikulturellen Handlungszusammenhängen kaum als Problem erkannt wird. Denn hier, so stellt Bhatti fest, sei es „wichtiger [...] miteinander auszukommen als einander zu verstehen“ (Bhatti 2016: 174). Plurikulturalität ist demnach nicht mit Multikulturalismus zu verwechseln. Im Multikulturalismus wird Sprachgruppenzugehörigkeit mit kulturellen Unterschieden gleichgesetzt, Vermischungen werden bekämpft (Feichtinger und Cohen 2014). In plurikulturellen Handlungszusammenhängen hingegen spielt das Feststellen und Verstehen von kulturellen Unterschieden, d.h. das Nebeneinander verschiedener sprachlicher, kultureller, konfessioneller Gruppen, nur eine geringe Rolle. Der Begriff Plurikulturalität beschreibt eine soziale Alltagspraxis in gemischten Räumen, in der kulturelle Differenzen durch gesellschaftliche Interaktionen und transkulturelle Beziehungsgeflechte überbrückt werden.

Im Folgenden soll gezeigt werden, dass in der Alltagspraxis der späten Habsburgermonarchie plurikulturelle Handlungszusammenhänge bestimmend waren. Folgende Fragen werden diskutiert. Erstens: Worin bestand das charakteristische Merkmal plurikultureller Handlungszusammenhänge in der späten Habsburgermonarchie? Zweitens: Warum funktionierte diese Alltagspraxis und woran scheiterte sie? Drittens: Wie wurde sie später im 20. Jahrhundert erinnert und bewertet, und warum wird sie heute wieder als zukunftsweisend erkannt?

Zunächst möchte ich fünf kurze Vorbemerkungen machen.

Erstens: Heute hört man noch vielfach, dass das Habsburgerreich infolge des so genannten Nationalitätenkonflikts zerfiel. Der Historiker Pieter M. Judson betont in seinem neuesten Buch *The Habsburg Empire. A New History* (2016, dt. 2017), dass die „nationalistischen Konflikte“ in Österreich das Produkt zentralstaatlicher Schaukelpolitik und unerfüllter regionaler Forderungen waren (Judson 2017: 24): Die der einen wurden erfüllt, die der anderen nicht. Dadurch hatten Nationalisten leichtes Spiel, der Bevölkerung nationale Überzeugungen einzuimpfen. Ihr wurde die Bedrohung vorenthaltener Rechte und Privilegien vor Augen geführt. Bemerkenswert bleibt, dass sich auch die Wiener Zentralregierung den nationalen Emanzipationsbestrebungen und Autonomieforderungen in den Kronländern nicht gänzlich verschloss; umgekehrt erhoben die Nationalisten ihre Stimme aber *nicht*, um das Habsburgerreich zu Fall zu bringen. Beide Akteure – Zentralregierung und Nationalisten – traten für seine Erhaltung ein. Reich und Nation entwickelten sich in der konkreten politischen Praxis, so Judson, „im Dialog miteinander und nicht in Opposition zueinander“ (Judson 2017: 24; Cohen 2013: 111). Somit war das Habsburgerreich vor dem Ersten Weltkrieg keineswegs von vornherein zum Untergang verurteilt.

Zweitens: Nach vier Jahren blutigen Kriegs zerfiel das habsburgische Vielvölkerreich in neue Nationalstaaten. Das Bild vom Zerfall ist nach wie vor von zwei Mythen bestimmt, von nationalem Triumph und nationalem Trauma. Während die „Gewinner“ die neuen Staaten, die neuen Grenzen, die neuen Staats- und Regierungsformen, Republik und Demokratie, feierten, beklagten die „Verlierer“ den Zerfall eines jahrhundertealten Herrschafts-, Macht- und Wirtschaftsraumes.

Drittens: Pieter Judson betont auch, dass die Nachfolgestaaten de facto keine Nationalstaaten, sondern vielmehr neue kleine Vielvölkerreiche waren, wie z.B. Polen, die Tschechoslowakei, Jugoslawien und Rumänien. In ihnen entstanden neue nationale Minderheiten, die der österreichische Rechtsstaat von 1867 mit der Gewährung individueller Grundrechte nicht vorgesehen hatte. In der übernationalen Dezemberverfassung war die „Gleichberechtigung der Nationalitäten“ (Stourzh 1985) als Individualrecht verankert worden. Insbesondere wurden alle „landesüblichen Sprachen in Schule, Amt und öffentlichem Leben“ als gleichberechtigt anerkannt.¹ Jeder konnte, aber keiner musste die Sprache des jeweils anderen erlernen. Eine Staatssprache gab es in Österreich demnach nicht. Das änderte sich mit dem Zerfall der Monarchie. Durch die österreichische Bundesverfassung von 1920 wurde die „deutsche

¹ Staatsgrundgesetz vom 21. Dezember 1867, über die allgemeinen Rechte der Staatsbürger für die im Reichsrat vertretenen Königreiche und Länder - St GG, Artikel 19, Abs. 2. StF: RGBL. Nr. 142/1867.

Sprache“ zur „Staatsprache der Republik“ deklariert.² So entstanden auch in der Republik Österreich neue „autochtone“ Sprachminderheiten, deren Schutz zuletzt im „Volksgruppenengesetz“ von 1976 geregelt wurde (Hentges 2009: 192-197).

Viertens: Was vom Habsburgerreich blieb, ist das Bild vom ewigen Nationalitätenkonflikt, der den Vielvölkerstaat als nicht mehr zeitgemäß erscheinen ließ. Davon ist heute kaum noch die Rede. Angesichts neuer gesellschaftlicher Herausforderungen richtet sich der Blick vielmehr darauf, worin die Monarchie modern war. Modern war sie u.a. in den Formen und Praktiken Sprachgruppen übergreifender gesellschaftlicher Interaktion, nationaler Indifferenz sowie in ihren transnationalen Institutionen und administrativen Praktiken. In der daraus folgenden weitgehend konfliktfreien Kooperation liegt eines der wichtigsten Vermächtnisse der Donaumonarchie.

Fünftens: Dieses Potential österreichischer Geschichte wurde zuletzt verstärkt erkannt und gewürdigt. Hatte zur Jahrtausendwende die Anwendung der postkolonialen Theorie auf die Analyse der späten Habsburgermonarchie noch den Blick auf vielschichtige Machtasymmetrien und kulturelle Hegemonien geschärft (Feichtinger, Prutsch und Csáky 2003), so wird heute deutlich, wie sehr der postkoloniale Blick noch den dichotomen Leitvorstellungen von Gleichheit und Differenz, Zentrum und Peripherie, „eigen“ und „fremd“ verpflichtet war. In den jüngsten Forschungen werden diese binären Kategorien zunehmend auf den Prüfstand gestellt. Aus dieser neuen Perspektive wird der Blick darauf geschärft, dass die im 19. Jahrhundert von nationalen Aktivisten geführten Selbstermächtigungsdiskurse, die auf konstruierte ethnisch-nationale Unterschiede aufbauten (Feichtinger 2016), jene Lebensweisen und Handlungsformen ausgeblendet, die nicht von der behaupteten Differenz, sondern vielmehr von Gemeinsamkeiten („cross-cultural interactions“, Raj 2013: 343) bestimmt waren. Demnach wird heute dem Reich als Ganzem vermehrt neue Aufmerksamkeit geschenkt. Pieter Judson zeigt zuletzt, „dass eine Annäherung an die Geschichte des Habsburgerreiches aus der Perspektive gemeinsamer Institutionen, Praktiken und Kulturen, die herkömmlichen Darstellungen fragwürdig werden lässt, die die unterschiedlichen Völker und ihre Differenzen in den Vordergrund rücken.“ (Judson 2017: 17). Aus kulturtheoretischer Perspektive wurde zuletzt die Denkfigur der Differenz um den Begriff der Ähnlichkeit/Similarity (Bhatti und Kimmich 2015, engl. 2018) erweitert. Damit lassen sich die plurikulturellen Alltagspraktiken der späten Habsburgermonarchie genauer beschreiben (Feichtinger 2015; Feichtinger 2018). Davon handelt nun auch der folgende Beitrag.

Worin bestanden die wesentlichen Voraussetzungen für die plurikulturellen Handlungszusammenhänge in der späten Habsburgermonarchie?

Zum einen gab es Verwaltungsbehörden und Gerichte, welche die Konflikte, die sich aus der Nationalisierung ergaben, zu lösen versuchten (Stourzh 1985; Judson 2016: 13, 294); zum anderen verblieben große Teile der Bevölkerung weitgehend „national indifferent“ (Zahra 2008; Zahra 2010). Diese Indifferenz wurde durch die soziale Praxis im Alltag, übernationale Eheschließungen, die weit verbreitete Zwei- und Mehrsprachigkeit und wechselseitige Aneignungen materieller und immaterieller Kultur (Csáky 2010: 66-75; Csáky und Lack 2014; Luthar 2014) genährt und gefördert. Auf die Zwei- und Mehrsprachigkeit werde ich später näher eingehen. Rechtsförmige Verwaltungsverfahren, eine Indifferenz in weiten Teilen der Bevölkerung gegenüber nationalen Homogenisierungsbestrebungen sowie sprachlich-kulturelle Hybriditäten boten wesentliche Voraussetzungen für ein Auskommen miteinander in der späten Habsburgermonarchie. Historiker sprechen auch von einem „Pragmatismus des Zusammenlebens“ (Csáky 1996: 169), Zeitgenossen von einer charakteristischen „Vermischung der verschiedensten Nationalitäten“ [... die] sich nirgends in Europa in so augenfälliger Weise beobachten [ließen], wie eben in unserem Vaterlande“, „so daß Oesterreich, in dem zwölf Nationalitäten, fünf verschiedenen religiösen Bekenntnissen angehörig, seßhaft sind,

² Gesetz vom 1. Oktober 1920, womit die Republik Österreich als Bundesstaat eingerichtet wird (Bundes-Verfassungsgesetz). StF: BGBl. Nr. 1/1920.

heute das bunteste Völkergemisch zeigt, das Europa aufzuweisen hat.“ (Umlauf 1876: 2).

In seinem *Geographisch-statistischen Handbuch* bezeichnete der Wiener Geograph Friedrich Umlauf 1876 die Österreichisch-Ungarische Monarchie als einen „Staat der Contraste“, der „die grellsten Gegensätze in Beziehung auf physische Verhältnisse, Bevölkerung und geistige Cultur in sich“ vereinte (Umlauf 1876: 1f). Zugleich betonte er aber, dass die „Völker nicht durchweg scharf abgegrenzte, abgeschlossene Gebiete“ bewohnten, „sondern sich in vielen Gegenden gegenseitig“ durchdrangen. Im Besonderen bezog er sich auf die „Grenzbezirke“, in denen „häufig eine eigenthümlich gemischte Bevölkerung zu finden“ war. „Ja die Vermischung der verschiedensten Nationalitäten lässt sich nirgends in Europa in so augenfälliger Weise beobachten, wie eben in unserem Vaterlande.“ In der Habsburgermonarchie befände sich „das bunteste Völkergemisch“, „das Europa aufzuweisen hat“ (ebd.).

In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts steigerte sich die Heterogenität der Zusammensetzung der Bevölkerung durch den verstärkten Zuzug in die Städte bedingt durch Industrialisierung und Arbeitsmigration. Die Hauptstadt Wien verzeichnete zum Beispiel um 1900 einen der weltweit höchsten ‚Fremden‘-Anteile von mehr als 50% (Csáky u.a. 2004: 18). Das Wien zur Jahrhundertwende war nicht nur eine der größten deutschsprachigen Städte, sondern zugleich auch die zweitgrößte tschechische Stadt (nach Prag) und die drittgrößte jüdische Stadt (nach Warschau und Budapest).

Das vermischteste Kronland der Habsburgermonarchie war die Bukowina: Die ca. 800.000 Einwohner umfassende und relativ arme östliche Provinz wurde von sechs Sprachgruppen (Ruthenen, Rumänen, Deutsche, Juden, Polen, Magyaren) bewohnt, die Angehörige von vier unterschiedlichen Konfessionen (griechisch-orientalische, katholische, evangelische Kirche und Judentum) waren. Bemerkenswert bleibt, dass die Bukowina trotz ihrer großen Diversität keine gravierenden nationalistischen Konflikte verzeichnete.

Anders im wirtschaftlich prosperierenden Großraum Österreich/Böhmen/Ungarn, wo es trotz konfessioneller Gemeinsamkeiten ständig zu nationalistischen Konflikten kam. Hier verfügte die katholische Kirche über eine Mehrheit. Überdies war Deutsch eine auch für viele verständliche Sprache. Politisch entscheidend wurden allerdings nicht die Gemeinsamkeiten, sondern Vorstellungen von nationaler Differenz, die der Bevölkerung von den Nationalisten ständig vor Augen geführt wurden.

Wir können daraus lernen, dass Wohlstand nicht notwendig Harmonie verhiess und Armut nicht Konflikt. Ob man miteinander auskam oder nicht, lag weniger an der Erfahrung von kulturellen Unterschieden, wie das Beispiel Bukowina gezeigt hat, sondern vielmehr daran, wie erfolgreich nationale Aktivisten waren, aus diesen Unterschieden politische Forderungen abzuleiten.

Warum funktionierte die plurikulturelle Alltagspraxis in der Habsburgermonarchie, woran scheiterte sie?

Anzunehmen ist, dass die gezielte Förderung der Zwei- oder Mehrsprachigkeit wesentlich zum Funktionieren plurikultureller Handlungszusammenhänge im Alltag beitrug. Vor 1867 war Polyglossie keineswegs nur den elitären, urbanen Schichten vorbehalten, und auch noch später war sie stark verbreitet: „Wir haben Fälle“, so schrieb der tschechische Dichter, Philosoph und Physiologe Jan Evangelista Purkyně (1787-1869) in *Austria polyglotta* 1867, „wo der böhmische länger gedient habende Soldat außer seiner Muttersprache und der allgemein in Übung seienden deutschen auch italienisch, magyarisch, polnisch auch wohl rumunisch versteht und auch leidlich sprechen kann.“ (Purkyně 2002: 356) Mehrsprachigkeit hatte – so „im Gebiete des österreichischen Kaisertums eine eigene Wichtigkeit für die Näherung dieser Völker, welche in Oesterreich unter einer Regierung verbunden sind“. Ihre Wichtigkeit sei „eine politische.“ (Purkyně 2002: 353) Hier erfüllte die Politik der Mehrsprachigkeit ihren Zweck, nämlich den „mitteleuropäischen Ideenvorrat voller Gegensätze“, von dem Robert Musil im *Mann ohne Eigenschaften* sprach, zu überwinden (Musil 1983: 373).

Auch andere Schriftsteller wie Heimito von Doderer stellten insbesondere für Wien eine „polyglotte[n] Bereitwilligkeit“ fest (Doderer 1971: 324). Deutsch war die allgemeine Verkehrssprache. Auf diese färbten aber die unterschiedlichen Sprachen der Monarchie ab. „Die österreichische Umgangssprache“, vermerkte Hugo von Hofmannsthal, sei „sicherlich unter allen deutschen Sprachen die gemengteste, denn sie „war die Sprache der kulturell reichsten und vermischtesten aller Welten“. Die Schattierungen im Sprachschatz zeugten von den „siebzehn sozialen Schichten“ und vom „Wust jener Fremdwörter“, die seit Jahrhunderten die „Allerweltssprache“ in Österreich geformt hätten (Hofmannsthal 1979b: 363-366). Die Sprachvermischung verfeinerte nicht nur den Sprachschatz, sondern sie vergrößerte auch die kommunikative und soziale Kompetenz. Darin erblickte Hugo von Hofmannsthal im Jahr 1922 rückblickend einen charakteristischen Zug des „österreichischen [...] Wesens“, in einem „Gefühl für den anderen“, „Aufmerksamkeit auf seine zarteren Regungen“ und „eine gewisse Fähigkeit zur Identifikation“ (Hofmannsthal 1979a: 195f.).

Der ungarische Schriftsteller György Konrád schreibt: Wohl aufgrund dieser Voraussetzungen kamen Kakaniens „elf Völker“ [!], deren „größte Energie [...] sich in seinem Gemischtsein“ verbarg, „irgendwie miteinander aus“ – vielleicht, weil das gesprochene und „gedruckte Wort [...] um die Jahrhundertwende ziemlich bunt“ war, und – so sei hinzugefügt – durch die Mehrsprachigkeit ein die unterschiedlichen Sprachgruppen und sozialen Schichten übergreifender „Gemeinsamer Mitteleuropäische Markt“ entstand, in dem gemeinsam gehandelt werden konnte (Konrád 1986: 88).

Im Zeitalter des Sprachnationalismus wurden Zwei- und Mehrsprachigkeit zunehmend als Anachronismus hingestellt: Durch die im Artikel 19 des *Staatsgrundgesetzes vom 21. Dezember 1867, über die allgemeinen Rechte der Staatsbürger für die im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder* verankerte Aufhebung der Pflicht zum Erlernen der zweiten Landessprache verringerte sich die Zahl der zweisprachigen Schulen rasant, von 9% (in den Jahren 1870/71) auf 1% (1912/13) (Burger 1997: 42). Der Verlust von Sprachkompetenz hatte in einem sich nationalisierenden Staat, in dem Sprachgruppen untereinander durchmischt lebten, verheerende Folgen. Da die Zentralregierung die einzelnen Sprachgruppen ungleich behandelte, entstand eine Konfliktspirale. Den Ausweg bot ein Königsweg der Konfliktbeseitigung und Machtsicherung zugleich, die so genannten Ausgleich, Trennungen und Teilungen. Universitäten, Schulen, Amtstuben und Wahlkreise wurden national getrennt und geteilt, wie z.B. 1882 die Prager Universität. Weitere Trennungen und Teilungen ließen sich aufzählen. Ausgleich zählten dazu. Sie führten zur nationalen Segregation in der Schulverwaltung, der Landesverfassung und den Wahlordnungen. Der Mährische Ausgleich (1905) gab den Auftakt, 1910 und 1914 wurden Ausgleich mit der Bukowina und mit Galizien verabschiedet. Im Zuge der Ausgleich wurden Wähler in so genannten „nationalen Katastern“ verzeichnet. Die Zugehörigkeit zu einem jeweiligen Volksstamm wurde aufgrund der Kategorie Abstammung letztlich behördlich bestimmt. Auf Landesebene gaben Staatsbürger seither z.B. als Deutsche oder als Tschechen und nicht als Bewohner des Landes Mähren ihre Stimme ab.

Durch die Ausgleich, Trennungen und Teilungen wurde die ethnische Segregation in der Habsburgermonarchie zum Leitprinzip erhoben; damit wurden plurikulturelle Handlungszusammenhänge zerstört: Zusehends wurden Zwei- oder Mehrsprachigkeit als nationaler Verrat und nicht mehr als Gewinn an Handlungsmöglichkeiten angesehen. Die als „Meilenstein zu einer idealen Gesellschaftsordnung“ vorgestellten nationalen Reformen erwiesen sich letztlich, so der österreichisch-amerikanische Historiker Robert Kann treffend im Rückblick, als die „genaue Antithese übernationalen Staatsdenkens im pluralistischen Sinne“ (Kann 1975: 53).

Wie wurde nun das habsburgische Modell einer plurikulturellen Gesellschaft in der Republik Österreich in Erinnerung gehalten und bewertet? Seit wann wird es wieder als zukunftsweisende Lebensform erkannt?

Bemerkenswert ist, dass in den letzten 100 Jahren Historiker das Augenmerk durchwegs auf das Konfliktpotential des Vielvölkerreiches im Zeitalter des Nationalismus legten. In der Zeit des Kalten Krieges wurde die Habsburgermonarchie verstärkt als Erfahrungshintergrund für übernationale Ordnungen wie die sich anbahnende europäische Gemeinschaft. 1950 erschien in New York Robert Kanns Buch *The Multinational Empire*. In der Einleitung zur deutschen Ausgabe des Buches *Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie* (1964) bezeichnete der Verfasser das alte Österreich als eine Ressource für eine „übernationale Zukunft als Errettung vor der Zerstörung unserer Welt.“ Die Geschichte der Habsburgermonarchie könne man als „Versuch ansehen, eine solche übernationale Ordnung herzustellen“ (Kann 1964: 14). Seit den 1970er Jahren wurde das Habsburgerreich in der internationalen Nationalismusforschung als ein Sonderfall behandelt, dessen nationalistische Konflikte, die westliche Nationalstaaten nicht kannten, von Rückständigkeit zeugten. Mittlerweile hat sich das Blatt gewendet: Das Forschungsfeld Habsburg wird zunehmend zu einem Testlabor für neue Konfigurationen gesellschaftlicher Diversität in Europa (Bhatti 2016: 173). Gefragt wird, wie in der späten Habsburgermonarchie eine plurikulturelle Gesellschaft gelingen konnte und warum sie scheiterte.

Interessant erscheint uns heute, wie Mitten in Europa das Zusammenleben so vieler Sprachgruppen auf so kleinem Raum funktionierte. Erstens erkannten schon Zeitgenossen erkannt, dass Zwei- und Mehrsprachigkeit eine politische Bedeutung hatte. Zugleich wurde erkannt, dass nationale Unterschiede keineswegs als so gravierend empfunden wurden, wie es uns bis heute überliefert wurde. Die Nation war demnach eine politische Kategorie, die im Alltag oft nur eine geringe Rolle spielte. Daher wird in den Habsburg-Forschungen zweitens das Problem der nationalen Differenzen zusehends zurückgestellt: Der Blick richtet sich neuerdings auf die übernationalen Institutionen, auf Verwaltungs- und kulturelle Praktiken sowie auf die Erfahrung der Bevölkerung im Umgang damit. Somit werden auch verstärkt das Empire, seine „Miterschaffung“ (Judson 2017: 17) durch die Bürger, und nicht die unterschiedlichen Sprachgemeinschaften in den Vordergrund gerückt. Schließlich werden in den neuen Habsburg-Forschungen zunehmend soziale Formen und Praktiken des Zusammenlebens interdisziplinär und transnational untersucht. Dabei werden statt der Unterschiede die Gemeinsamkeiten zwischen den Bewohnern der Monarchie, Formen des gemeinsamen Handelns, d.h. die plurikulturellen Handlungszusammenhänge, sichtbar gemacht und Prozesse analysiert, die auch in der durchmischten Gegenwartsgesellschaft Europas von besonderer Relevanz sind. In der Plurikulturalität der späten Habsburgermonarchie liegt, wie eingangs behauptet, Österreichs spezifischer Beitrag für das europäische Kulturerbe.

Literaturverzeichnis:

BHATTI, Anil (2016): Plurikulturalität, in: Johannes Feichtinger, Heidemarie Uhl (Hg.): *Habsburg neu denken. Vielfalt und Ambivalenz in Zentraleuropa. 30 kulturwissenschaftliche Stichworte*, Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, S. 171-180.

BHATTI, Anil und Dorothee Kimmich (2015) (Hg.): *Ähnlichkeit. Ein kulturtheoretisches Paradigma*, Konstanz: Konstanz University Press.

BHATTI, Anil und Dorothee Kimmich unter Mitarbeit von Sara Bangert (2018) (Hg.): *Similarity. A Paradigm for Culture Theory*, New Delhi, New York: Tulika Books.

BURGER, Hanna (1997): Die Vertreibung der Mehrsprachigkeit am Beispiel Österreichs 1867-1918, in: Gerd Hentschel (Hg.), *Über Muttersprachen und Vaterländer. Zur Entwicklung von Standardsprachen und Nationen in Europa*, Frankfurt am Main [u.a.]: Peter Lang Verlag, S. 35-49.

COHEN, Gary (2013): *Our Laws, Our Taxes, Our Administration. Citizenship in Imperial Austria*, in: Omer Bartov und Eric D. Weitz (Hg.), *Shatterzones of Empires. Coexistence and Vio-*

lence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands, Bloomington: Indiana University Press, S. 103-121.

CSÁKY, Moritz (1996): *Ideologie der Operette und Wiener Moderne. Ein kulturhistorischer Essay zur österreichischen Identität*, Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag.

CSÁKY, Moritz (2010): *Das Gedächtnis der Städte. Kulturelle Verflechtungen – Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa*, Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag.

CSÁKY, Moritz [u.a.] (2004): Pluralitäten, Heterogenitäten, Differenzen. Zentraleuropas Paradigmen für die Moderne, in: Moritz Csáky [u.a.] (Hg.), *Kultur – Identität – Differenz. Wien und Zentraleuropa in der Moderne* (Gedächtnis – Erinnerung – Identität 4), Innsbruck [u.a.]: Studienverlag 2004, S. 13-43.

CSÁKY, Moritz und Georg Lack (2014): *Kulinarik und Kultur. Speisen als kulturelle Codes in Zentraleuropa*, Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag.

DODERER, Heimito von (1971): *Die Wasserfälle zu Slunj. Roman*, München: Deutscher Taschenbuch Verlag (Original 1963).

FEICHTINGER, Johannes (2015): Kakanische Mischungen. Von der Identitäts- zur Ähnlichkeitswissenschaft, in: Anil Bhatti, Dorothee Kimmich (Hg.), *Ähnlichkeit. Ein kulturtheoretisches Paradigma*, Konstanz: Konstanz Universitätsverlag, S. 220-243.

FEICHTINGER, Johannes (2016): Modernisierung, Zivilisierung, Kolonisierung als Argument. Konkurrierende Selbstermächtigungsdiskurse in der späten Habsburgermonarchie, in: Christof Dejung und Martin Lengwiler (Hg.), *Ränder der Moderne. Neue Perspektiven auf die europäische Geschichte (1800-1930)* (Peripherien. Neue Beiträge zur Europäischen Geschichte 1), Köln, Weimar, Wien: Böhlau, S. 147-181.

FEICHTINGER, Johannes (2018): Kakanian Mélange. Habsburg Central Europe and the Shift from the Study of Identity to the Study of Similarity, in: Anil Bhatti und Dorothee Kimmich unter Mitarbeit von Sara Bangert (Hg.), *Similarity. A Paradigm for Culture Theory*, New Delhi, New York 2018: Tulika Books, S. 225-245.

FEICHTINGER, Johannes und Gary B. Cohen (2014) (Hg.): *Understanding Multiculturalism. Central Europe and the Habsburg Experience* (Austrian & Habsburg Studies 17), Oxford, New York: Berghahn Books.

FEICHTINGER, Johannes, Heidemarie Uhl (2016) (Hg.): *Habsburg neu denken. Vielfalt und Ambivalenz in Zentraleuropa. 30 kulturwissenschaftliche Stichworte*, Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag.

HENTGES, Gudrun (2009): „Brücken für unser Land in einem neuen Europa“? Minderheiten- und Volksgruppenpolitik in Österreich, in: Christoph Butterwegge und Gudrun Hentges (Hg.), *Zuwanderung im Zeichen der Globalisierung. Migrations-, Integrations- und Minderheitenpolitik*, 4., aktualisierte u. überarb. Aufl., Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, S. 191-233.

HOFMANNSTHAL, Hugo von (1979a): Wiener Brief [II], in: ders., *Reden und Aufsätze II 1914-1924* (Gesammelte Werke in zehn Einzelbänden), hg. von Rudolf Hirsch, Frankfurt am Main: Fischer Verlag, S. 185-196.

HOFMANNSTHAL, Hugo von (1979b): Unsere Fremdwörter, in: ders., *Reden und Aufsätze II 1914-1924* (Gesammelte Werke in zehn Einzelbänden), hg. von Rudolf Hirsch, Frankfurt am Main: Fischer Verlag (Original 1915), S. 360-366.

FEICHTINGER, Johannes, Ursula Prutsch und Moritz Csáky (2003) (Hg.): *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis* (Gedächtnis – Erinnerung – Identität 2), Innsbruck [u.a.].

JUDSON, Pieter M. (2016): *The Habsburg Empire. A New History*, Cambridge, Mass., London: Harvard University Press.

JUDSON, Pieter M. (2017): *Habsburg. Geschichte eines Imperiums 1740-1918*, München: C. H. Beck Verlag.

KANN, Robert A. (1975): Die Habsburgermonarchie und das Problem des übernationalen Staates, in: *Die Habsburgermonarchie 1848-1918: Verwaltung und Rechtswesen*, hg. von Adam Wandruszka, Peter Urbanitsch. Band II, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wis-

senschaften, S. 1-56.

KANN, Robert A. (1950): *The Multinational Empire. Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy 1848-1918*. 2 Bände, New York: Columbia University Press.

KANN, Robert A. (1964): Einleitung zum ersten Band, in: ders., *Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches 1918*. Band 1: Das Reich und die Völker, Graz, Köln: Böhlau, S. 11-15.

KONRAD, György (1986): Der Traum von Mitteleuropa, in: Erhard Busek, Gerhard Wilfinger (Hg.), *Aufbruch nach Mitteleuropa. Rekonstruktion eines versunkenen Kontinents*, Wien: Herold, S. 87-97.

LUTHAR, Oto (2014): The Slice of Desire. Intercultural Practices versus National Loyalties in the peripheral Multiethnic Society of Central Europe at the Beginning of Twentieth Century, in: Johannes Feichtinger, Gary B. Cohen (Hg.), *Understanding Multiculturalism. Central Europe and the Habsburg Experience (Austrian & Habsburg Studies 17)*, Oxford, New York: Berghahn Books, S. 161-173.

MUSIL, Robert (1973): *Der Mann ohne Eigenschaften*, hg. von Adolf Frisé, Reinbek/Hamburg: Rowohlt 1983.

PURKYNĚ, Jan Evangelista. Austria polyglotta (2002), in: *Tschechische Philosophen von Hus bis Masaryk*. Ausgewählt, mit Einleitungen und einem Nachwort versehen von Ludger Hagedorn, Stuttgart, München: DVA (Original 1867), S. 303-368.

RAJ, Kapil (2013): Beyond Postcolonialism ... and Postpositivism. Circulation and the Global History of Science, in: *Isis*, Jg. 104, S. 337-347.

STOURZH, Gerald (1985): *Die Gleichberechtigung der Nationalitäten in der Verfassung und Verwaltung Österreichs 1848-1918*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 1985.

UMLAUFT, Friedrich (1876): Einleitung, in: ders., *Die Oesterreichisch-Ungarische Monarchie. Geographisch-statistisches Handbuch mit besonderer Rücksicht auf die politische und Kultur-Geschichte für Leser aller Stände*, Wien, Pest: Hartleben's Verlag, S. 1-4.

ZAHRA, Tara (2008): *Kidnapped Souls. National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900-1948*, Ithaca: Cornell University Press.

ZAHRA, Tara (2010): Imagined Noncommunities. National Indifference as a Category of Analysis, in: *Slavic Review* 69, 1, S. 93-119.

Pluriculturalitatea în Monarhia Habsburgică târzie – contribuția specifică a Austriei la moștenirea culturală europeană

dr. Johannes FEICHTINGER,
colaborator științific,
Academia Austriacă de Științe
(ÖAW)

Acest articol tratează Monarhia Habsburgică târzie ca spațiu pluricultural. Acesta a dispărut în mare măsură odată cu dezmembrarea monarhiei în 1918, însă acum el este redescoperit, fiind considerat un model de viitor (Bhatti 2016; Csáky 2010; Feichtinger și Cohen 2014; Feichtinger și Uhl 2016). În statele urmașe ale monarhiei exista ideologia uniculturalității. Fiecare popor trebuia să aibă propria cultură și limbă. Această ideologie însă nu mai este de actualitate în noua Europă a diversității culturale. Ea se află tot mai mult într-o luptă de ariergardă. În același timp, experiențele și acțiunile pluriculturale din Monarhia Habsburgică târzie deschid noi perspective de viitor. În asta, așa cum se va argumenta în continuare, constă contribuția specifică a Austriei la moștenirea culturală europeană.

Culturologul indian Anil Bhatti atrage atenția că numeroase state ale lumii au o compoziție pluriculturală (Bhatti 2016). Ele sunt caracterizate de societăți complexe, în care nu mai funcționează ierarhiile pe bază de diferențe culturale. În activitățile cotidiene, separarea în funcție de „propriu” și „străin” a devenit chestionabilă. Asta înseamnă că în contexte pluriculturale, diversitatea nu este percepută ca problematică. Căci, în asemenea cazuri, după cum constată Bhatti, este „mai important [...] să se trăiască în bună înțelegere decât să se înțeleagă unul pe celălalt” (Bhatti 2016: 174). În consecință, pluriculturalitatea nu trebuie confundată cu multiculturalitatea. În multiculturalitate, apartenența la grupuri lingvistice este egală cu diferențe culturale, iar melanjurile sunt combătute (Feichtinger și Cohen 2014). În cadrul acțiunilor pluriculturale, constatarea și înțelegerea diferențelor culturale, adică conviețuirea diferitelor grupuri lingvistice, culturale și confesionale, joacă un rol mai puțin important. Noțiunea de pluriculturalitate descrie o practică socială cotidiană în zone mixte, în care diferențele culturale sunt eliminate prin interacțiuni sociale și rețele de relații transculturale.

În cele ce urmează se va arăta că în practica de zi cu zi din Monarhia Habsburgică târzie, practicile pluriculturale erau determinante. Vor fi abordate următoarele întrebări: în ce consta caracteristica proprie practicilor pluriculturale în Monarhia Habsburgică târzie? În al doilea rând: de ce a funcționat această practică cotidiană și care au fost cauzele eșecului ei? În al treilea rând: cum a rămas ea în amintire și cum a fost evaluată mai târziu în sec. 20 și de ce este azi considerată de viitor?

Mai întâi, aș dori să propun cinci scurte remarci prealabile.

În primul rând: azi se aude foarte des că Imperiul Habsburgic s-a dezmembrat ca urmare a așa-numitului conflict al naționalităților. Istoricul Pieter M. Judson subliniază în ultima lui carte, *The Habsburg Empire. A New History* (2016, ger. 2017), faptul că acele „conflicte naționaliste” din Austria au fost produsul politicii oscilante a statului centralizat și a neluării în seamă a cerințelor regionale (Judson 2017: 24). Cerințelor unora li se dădea curs, iar celor ale altora nu. Astfel, naționaliștii puteau foarte ușor să-i insufle populației convingeri naționale. Ei i se puneau în față drepturile și privilegiile refuzate. Demn de remarcat este faptul că guvernul central de la Viena nu bloca în totalitate tendințele de emancipare și cerințele de autonomie ale țărilor din imperiu, iar, pe de altă parte, naționaliștii *nu* își ridicau vocile pentru a aduce căderea Imperiului Habsburgic. Ambii protagoniști – guvernul central și naționaliștii – sprijineau menținerea lui. Imperiul și națiunea evoluau în practica politică concretă „în dialog unul cu celălalt și nu în opoziție unul față de celălalt” (Judson 2017: 24; Cohen 2013: 111). Astfel că, înainte de Primul Război Mondial, Imperiul Habsburgic nu era nicidecum sortit apriori dispariției.

În al doilea rând: după patru ani de război sângeros, Imperiul Habsburgic multinațional s-a dezmembrat în noi state naționale. Imaginea destrămării este în continuare marcată de două mituri: triumful național și trauma națională. În timp ce „învingătorii” sărbătoreau noile state, noile granițe, noile forme de stat și guvernare, republica și democrația, „învinșii” deplângeau destrămarea unui spațiu (geografic) de dominație, de putere și economic vechi de sute de ani.

În al treilea rând: Judson subliniază și faptul că statele urmașe nu au fost de fapt state naționale, ci mai curând noi mici imperii multinaționale, ca exemplu, Polonia, Cehoslovacia, Iugoslavia sau România. În cadrul lor au apărut noi minorități naționale, pe care statul austriac din anul 1867 nu le luase în considerare, pentru a le da unele drepturi individuale de bază. În constituția supranațională din decembrie fusese statuată „egalitatea de drepturi între națiuni” (Stourzh 1985) ca drept individual. În special, limbile vorbite în acea țară fuseseră recunoscute ca egale „în școală, instituții și viața publică”.¹ Fiecare putea, dar nimeni nu era obligat, să învețe limba celuilalt. În consecință, în Austria nu exista o limbă de stat. Această situație s-a schimbat odată cu destrămarea monarhiei. Prin constituția federală austriacă din 1920, limba germană a fost declarată ca „limbă de stat a republicii”.² Astfel au apărut și în Republica Austria noi minorități lingvistice „autohtone”, a căror protecție a fost reglementată cel mai recent prin Legea etniilor din 1976 (Hentges 2009: 192-197).

În al patrulea rând: ceea ce a rămas din Imperiul Habsburgic reprezintă imaginea veșnicului conflict al naționalităților, din cauza căruia statul multinațional nu mai părea să corespundă vremurilor. Azi aproape că nici nu se mai vorbește despre asta. Datorită noilor provocări sociale, atenția se îndreaptă, se orientează mai curând către lucrurile prin care monarhia era

¹ Legea de stat fundamentală din 21 decembrie 1867, referitoare la drepturile generale ale cetățenilor țărilor și regatelor reprezentate în Consiliul Imperial (Parlamentul n.t.) – StGG, art. 19, alin. 2, prima publicare: MO Imperial Nr. 142/1867.

² Lege din 1 octombrie 1920, prin care Republica Austria este înființată ca stat (Lege federală constituțională), prima publicare: MO Federal Nr. 1/1920.

modernă. Ea era modernă, printre altele, prin formele și practicile interacțiunii sociale care cuprindea grupurile lingvistice, prin indiferența națională, dar și prin instituțiile și practicile administrative transnaționale.

Cooperarea lipsită de conflicte care a urmat este una dintre cele mai importante moșteniri lăsate de monarhia dunăreană.

În al cincilea rând: acest potențial al istoriei austriece a fost de curând recunoscut și apreciat. Dacă la trecerea dintre milenii utilizarea teoriei postcoloniale la analiza Monarhiei Habsburgice târzii trimitea la asimetrii de putere multistratificate și la hegemonii culturale (Feichtinger, Prutsch și Csáky 2003), azi devine foarte clar cât de mult era orientat punctul de vedere postcolonial asupra imaginilor dihotomice ale egalității și diferenței, centrului și periferiei, „propriului” și „străinului”. Cele mai noi cercetări se ocupă din ce în ce mai mult de aceste categorii binare. Din această nouă perspectivă se poate observa că discursurile de autodeterminare ținute de activiștii naționaliști în sec. 19, care se concentrau pe diferențe etnic-naționale construite (Feichtinger 2016), puneau în umbră acele forme de conviețuire și activitate care nu se bazau pe diferențele menționate, ci erau determinate, mai curând, de puncte comune („cross-cultural interactions”, Raj 2013: 343). În consecință, azi este acordată din ce în ce mai multă atenție imperiului ca întreg. Pieter Judson arăta de curând „că abordarea istoriei Imperiului Habsburgic din perspectiva instituțiilor, practicilor și culturilor comune pune sub semnul întrebării concepțiile de până acum, care aduceau în prim-plan diferitele popoare împreună cu diferențele lor” (Judson 2017: 17). Din perspectiva teoriei culturale, modelul de gândire bazat pe diferențe a fost extins cu noțiunea similarității/Similarity (Bhatti și Kimmich 2015, engl. 2018). Astfel pot fi descrise mai precis practicile cotidiene pluriculturale ale Monarhiei Habsburgice târzii (Feichtinger 2015; Feichtinger 2018). Acesta va fi și subiectul prezentului articol.

În ce constau premisele esențiale pentru practicile pluriculturale în Monarhia Habsburgică târzie?

Pe de o parte, erau autoritățile administrative și tribunalele care încercau să rezolve conflictele care apăreau ca urmare a naționalismului (Stourzh 1985; Judson 2016: 13, 294); pe de altă parte, existau mari părți ale populației care erau „național-indiferente” (Zahra 2008; Zahra 2010). Această indiferență era susținută și promovată prin practica socială cotidiană, căsătorii supranaționale, bi- și multilingvismul și preluarea reciprocă a culturii materiale și imateriale (Csáky 2010: 66-75; Csáky și Lack 2014; Luthar 2014). La bi- și multilingvism mă voi referi mai târziu pe larg. Procedurile administrative jurisdicționale, o indiferență a unei mari părți a populației față de tendințele de omogenizare națională, ca și hibriditățile cultural-lingvistice erau premise esențiale pentru buna înțelegere din Monarhia Habsburgică târzie. Istoricii vorbesc și despre un „pragmatism al conviețuirii” (Csáky 1996: 169), contemporanii despre un caracteristic „melanj al diferitelor naționalități” ... „care nu se poate observa atât de clar nicăieri altundeva în Europa în afara patriei noastre”, „astfel încât Austria, în care trăiesc 12 națiuni, 5 confesiuni religioase diferite, prezintă azi cel mai colorat melanj de popoare pe care-l poate avea Europa” (Umlauf 1876: 2).

În al său *Ghid geografic-statistic*, geograful vienez Friedrich Umlauf caracteriza în 1876 Monarhia Austro-Ungară drept un „stat al contrastelor” care reunește „cele mai pregnante contradicții în ceea ce privește relațiile fizice, populația și cultura spirituală” (Umlauf 1876: 1f). În același timp însă, subliniază că „popoarele nu ocupau numai regiuni compacte, bine delimitate, ci în multe zone se întrepătrundeau”. El se referea în special la „districtele de graniță, în care se găsea în mod normal o populație amestecată. Da, un amestec al celor mai diferite naționalități nu se poate observa atât de pregnant nicăieri în altă parte în Europa, decât în patria noastră”. În Monarhia Habsburgică se găsește „cel mai colorat amestec de popoare pe care îl are Europa”. (idem)

În a doua jumătate a sec. 19, a crescut eterogenitatea compoziției populației datorită migrației spre orașe, determinată de industrializare și de oferta de locuri de muncă. Capitala Viena avea, de exemplu, în anul 1900 cel mai mare procent de străini din lume, de peste 50% (Csáky ș.a. 2004: 18). Viena perioadei începutului secolului 20 nu era numai unul dintre cele mai mari orașe vorbitoare de germană, ci, în același timp, și cel de-al doilea oraș ceh (după Praga) și cel de-al treilea oraș evreiesc (după Varșovia și Budapesta).

Cea mai eterogenă regiune a Monarhiei Habsburgice era Bucovina. Relativ săraca provincie estică avea aproximativ 800.000 de locuitori, aceștia fiind împărțiți în 6 grupe lingvistice (ruteni, români, germani, evrei, polonezi, maghiari), 4 confesiuni religioase diferite (biserica ortodoxă greco-orientală, catolică, evanghelică și iudaism). Demn de remarcat este faptul că în ciuda mării ei diversități, Bucovina nu a înregistrat conflicte naționaliste grave.

Spre deosebire de aceasta, în prospera regiune Austria/Boemia/Ungaria apăreau permanent conflicte naționaliste, în ciuda elementelor confesionale comune. Biserica catolică era majoritară aici. În plus, germana era o limbă pe care o înțelegeau mulți. Hotărâtoare din punct de vedere politic nu au fost însă elementele comune, ci concepțiile referitoare la diferențele naționale, care erau prezentate permanent populației de către naționaliști.

Din cele menționate, putem trage concluzia că prosperitatea nu atrăgea după sine neapărat armonie, iar sărăcia nu atrăgea neapărat conflicte. Dacă exista sau nu înțelegere între oameni, acest lucru depindea mai puțin de cunoașterea diferențelor culturale, așa cum a dovedit-o Bucovina, ci mai curând de succesul pe care îl aveau activiștii naționaliști de a transforma aceste diferențe în cerințe politice.

De ce a funcționat practica cotidiană pluriculturală în Monarhia Habsburgică și care au fost cauzele eșecului ei?

Este de presupus că promovarea țintită a bi- sau multilingvismului a contribuit în mod esențial la funcționarea practicii cotidiene pluriculturale. Înainte de 1867, poligloția nu era nici pe departe rezervată numai claselor superioare, urbane, și chiar și mai târziu a continuat să fie foarte răspândită. „Avem cazuri”, scria poetul, filozoful și fiziologul ceh Jan Evangelista Purkyně (1787-1869) în *Austria polyglotta* în 1867, „în care un soldat boem, care a fost mai mult timp în serviciul militar, poate înțelege și vorbi acceptabil, în afara limbii sale materne și a limbii germane pe care o exersează regulat, și italiana, maghiara, polona și chiar și româna” (Purkyně 2002: 356). Multilingvismul avea astfel „pe teritoriul Imperiului Austriac importanța sa specială pentru apropierea acestor popoare, care sunt unite în Austria sub un singur guvern”. Importanța sa era „una politică” (Purkyně 2002: 353). În acest caz, politica multilingvismului și-a îndeplinit scopul, anume de a depăși „bagajul ideatic plin de contradicții din Europa Centrală”, despre care vorbea Robert Musil în romanul *Omul fără însușiri* (Musil 1983: 373).

Și alți scriitori, precum Heimito von Doderer, constatau, în special în cazul Vienei, „o dispoziție poliglotă” (Doderer 1971: 324). Germana era limba de circulație generală. Ea era însă influențată de diferitele limbi din monarhie. „Limba colocvială austriacă”, remarca Hugo von Hofmannsthal, este „dintre toate variantele limbii germane, cu siguranță cea mai amalgamată, căci era limba lumii celei mai eterogene și mai bogate din punct de vedere cultural”. Nuanțele tezaurului lingvistic demonstrau existența a „17 straturi sociale” și a „multitudinii de cuvinte străine” care formaseră pe parcursul a mai multe secole așa-numita „Allerweltsprache” (limba vorbită de toți) în Austria (Hofmannsthal 1979b: 363-366). Acest amestec de limbi nu a rafinat numai tezaurul lingvistic, ci a sporit și competența comunicativă și socială. Privind retrospectiv în anul 1922, Hugo von Hofmannsthal considera acest lucru ca fiind o trăsătură

caracteristică a „spiritului austriac”, exprimată printr-o „sensibilitate pentru celălalt”, „atenție pentru gingașele trăiri” și „o anumită capacitate de identificare” (Hofmannsthal 1979a: 195f.).

Scriitorul maghiar György Konrád consideră că poate datorită acestor premise „reșeau cumva să se înțeleagă cele 11 popoare [!]” ale monarhiei, „a căror principală energie” se ascundea „în amestecul lor” – poate deoarece cuvântul vorbit și „cel scris erau în perioada începutului de secol 20 destul de colorat” și – să adăugăm și următorul lucru – grație multilingvismului a apărut „o piață comună a Europei Centrale”, care unea diferitele grupuri lingvistice și pături sociale și în care se puteau întreprinde acțiuni comune (Konrád 1986: 88).

În epoca naționalismului lingvistic, bi- și multilingvismul au fost considerate din ce în ce mai mult drept anacronism. Eliminarea obligativității învățării a celei de-a doua limbi a țării prin articolul 19 al *Legii de stat fundamentale din 21 decembrie 1867, referitoare la drepturile generale ale cetățenilor țărilor și regatelor reprezentate în Consiliul Imperial (Parlamentul n.t.)* a micșorat drastic numărul școlilor bilingve; de la 9% (în anii 1870/71) la 1% (1912/13) (Burger 1997: 42). Pierderea competențelor lingvistice a avut urmări devastatoare într-un stat cu tendințe naționaliste, în care grupurile lingvistice trăiau amestecate. Cum guvernul central trata inegal grupurile lingvistice, a apărut o spirală a conflictelor. Soluția s-a găsit apelându-se la o cale ideală pentru înlăturarea conflictelor și, în același timp, pentru asigurarea puterii, așa-numitele compensări, separări și împărțiri. Universitățile, școlile, oficiile autorităților și circumscripțiile electorale au fost separate și împărțite pe criterii naționale, ca, de exemplu, Universitatea din Praga. Ar putea fi enumerate și alte separări și împărțiri. La acestea s-au adăugat și compensări. Ele au dus la segregări naționale în administrația școlilor, constituțiile naționale și legislația electorală. Compensarea moravă (1905) a fost începutul, în 1910 și 1914 au fost votate compensări pentru Bucovina și Galiția. În cadrul compensărilor, alegătorii au fost înscriși în așa-numite „cadastre naționale”. Apartenența la o anumită populație era stabilită de autorități pe baza categoriei „naționalitate”. De atunci, cetățenii statului votau, de exemplu, ca germani sau cehi și nu ca cetățeni ai regiunii Moravia.

Prin compensări, separări și împărțiri, segregarea etnică a fost ridicată la rang de principiu decisiv în Monarhia Habsburgică; astfel au fost distruse practicile pluriculturale: treptat, bi- și multilingvismul au început să fie considerate drept trădare națională, și nu drept un câștig pentru varierea modalităților de acțiune. Reformele naționale, prezentate ca fiind „o piatră de hotar spre o ordine socială ideală”, s-au dovedit într-un final „exact antiteza gândirii supranaționale în sensul pluralist”, conform istoricului austriaco-american Robert Kann (Kann 1975: 53).

Cum a rămas modelul habsburgic al unei societăți pluriculturale în amintirea Republicii Austria și cum a fost evaluat? De când este el considerat din nou ca formă de viață de viitor?

Demn de luat în considerare este faptul că, în ultimii 100 de ani, istoricii s-au concentrat în general asupra potențialului de conflicte al imperiului multi-etnic în epoca naționalismului. În perioada războiului rece, Monarhia Habsburgică a devenit din ce în ce mai mult o sursă de inspirație pentru o ordine supranațională, cum ar fi fost pe atunci viitoarea Comunitate Europeană. În 1950, la New York apărea cartea lui Kann, *The Multinational Empire*. În prefața la ediția germană a cărții, *Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie*³ (1964), editorul numea vechea Austrie o resursă pentru „un viitor supranațional ca salvare în fața distrugerii lumii noastre”. Istoria Monarhiei Habsburgice ar putea fi privită ca „o încercare de a crea o asemenea ordine supranațională” (Kann 1964: 14). Din anii 70, Imperiul Habsburgic a fost tratat drept un caz special în cercetarea internațională a naționalismului, căci conflictele naționaliste din cadrul lui, pe care statele vestice nu le cunoșteau, demonstau înapoieră. Între timp s-a

³ *Problema naționalităților în Monarhia Habsburgică (n.t.)*

întors foaia. Domeniul de cercetare Habsburg devine din ce în ce mai mult un laborator de încercări pentru noi configurări ale diversității sociale în Europa (Bhatti 2016: 173). Întrebarea care se pune este: Cum a putut reuși o societate pluriculturală în Monarhia Habsburgică târzie și de ce a eșuat? Azi ni se pare foarte interesant cum a funcționat conviețuirea atâtor grupuri lingvistice din Europa Centrală într-un spațiu atât de restrâns. În primul rând, contemporanii au recunoscut faptul că bi- și multilingvismul au avut o însemnătate politică. În același timp, a fost recunoscut faptul că diferențele naționale nu erau percepute nici pe departe ca fiind atât de grave, așa cum ni s-a transmis până în ziua de azi. Națiunea era prin urmare o categorie politică, care în viața de zi de zi juca deseori doar un rol neînsemnat. În al doilea rând, domeniul de cercetare Habsburg a început din ce în ce mai mult să scadă importanța diferențelor naționale. Atenția se orientează mai nou asupra instituțiilor supranaționale, asupra practicilor administrative și culturale, dar și asupra experiențelor populației în interacțiunea cu acestea. Astfel, în prim-plan este adus din ce în ce mai mult Imperiul și „cocrearea” (Judson 2017: 17) sa de către cetățeni, și nu diferitele comunități lingvistice. În final, în cadrul celor mai recente cercetări în domeniul Habsburg, formele și practicile conviețuirii sunt analizate tot mai mult interdisciplinar și transnațional. În acest context, sunt prezentate în locul diferențelor punctele comune ale locuitorilor monarhiei, formele acțiunilor comune, adică experiențele pluriculturale, și sunt analizate procesele, care sunt relevante și în pestrîta societate contemporană europeană. Așa precum arătam la început, pluriculturalismul Monarhiei Habsburgice târzii reprezintă contribuția specifică a Austriei la moștenirea culturală europeană.

Problema identității național-confesionale în spațiul post-habsburgic

Abstract: Primul Război Mondial a curmat 10 milioane de vieți și a transformat radical istoriile statelor, soarta națiunilor și criteriile mentalităților. Anul 1918 a devenit simbolul realizării ideii naționale născute de veacuri de către popoarele Europei Centrale și de Sud-Est, acesta fiind și jalonul de la care a început prima împărțire teritorială a Europei. Primul Război Mondial a condus la destrămarea celor mai mari imperii, care jucau rolul principal în regiune – acestea erau Imperiul Otoman, Imperiul Austro-Ungar și Imperiul Rus.

Înainte de Primul Război Mondial, Austro-Ungaria cuprindea suprafața de aproximativ 676.000 km², era al doilea stat ca întindere al Europei (după Imperiul Rus) și al treilea stat european ca populație cu 52,8 milioane de locuitori. Teritoriul său cuprindea în cele din urmă teritorii ale 13 următoarelor state contemporane: Austria, Ungaria, Cehia, Polonia, România, Slovacia, Slovenia, Croația, Bosnia și Herțegovina, Muntenegru, Ucraina, Serbia, Italia. După Primul Război Mondial, harta Europei s-a înnoit cu noi formațiuni statale: Polonia reînnoită, Cehoslovacia, Albania, Regatul sârbilor, croaților și slovenilor, care a reunit popoarele slave de sud din Serbia, Croația, Slovenia, Bosnia și Herțegovina, Muntenegru, Dalmația, Voivodina (Bačka, Srem, Banatul de Vest), pământurile Macedoniei.

Țările, din spațiul post-habsburgic, în curs de formare tindeau să-și consolideze statutul politic pe arena internațională, încercând să transforme frontierele teritorial-politice în frontiere etnico-naționale. Însă problema consta în faptul că frontierele etnice și naționale nu puteau să coincidă cu interesele țărilor vecine, cu care aveau tangențe naționale. Anume necoincidența frontierelor teritoriale cu cele etnice provoca multe conflicte între națiuni, atât în interiorul țărilor, cât și între țările vecine (românii transilvăneni, sârbo-croații, macedonenii ș.a.). Pretențiile teritoriale exagerate erau o caracteristică a tuturor țărilor nou formate din spațiul post-habsburgic și acest lucru era inerent în cazul poliției care se formase pe parcursul veacurilor în Imperiul Austro-Ungar. Un rol deloc neglijabil în acutizarea stării permanente de conflict l-a jucat factorul confesional. Șovinismul imperial al națiunilor titulare (cel al cehilor în Cehoslovacia, al sârbilor în Iugoslavia, al polonezilor în Polonia) față de minoritățile naționale, care se manifesta în: impunerea limbii de stat, discriminarea economică, direcționarea veniturilor către centru, administrarea forțată, lipsa autonomiilor național-

confesionale, lipsa egalității depline în drepturi în organele conducerii de stat ș.a.m.d. – toate acestea au făcut ca până la urmă să fie zdruncinate temeliile statalităților proiectate, care au fost create pe principiul federalismului (Regatul SCS) sau conform sistemului dualist (Cehoslovacia).

Cuvinte-cheie: Primul Război Mondial, destrămarea imperiilor, noi formațiuni statale, conflicte național-confesionale și teritoriale, șovinismul imperial, discriminarea economică.

Abstract: The First World War, constituting a turning point the history of states, claimed 10 million lives and lead to the most radical conversion of national and individual mentality. The year 1918 became somewhat the symbol of national sovereignty, fostered for centuries by the peoples of Central and South-Eastern Europe, and hence considered as the pillar of the first important territorial division of Europe. World War I embroiled the largest and the most influential empires of the era, namely the Ottoman Empire, the Austro-Hungarian Empire, and the Russian Empire, resulting in their collapse.

dr. Lilia ZABOLOTNAIA

colaborator științific,
Muzeul Național de Istorie a Moldovei

Scientific Researcher, National Museum of History of Moldova

научный сотрудник,
Национальный музей истории
Молдовы

Geographically, the second largest state after the Russian Empire and demographically the third most populated state in Europe, the Austro-Hungarian Empire covered approximately 676,000 km² and counted 52.8 millions inhabitants before the First World War. The Empire consisted of the union of the 13 following countries: Austria, Hungary, Czech Republic, Poland, Romania, Slovakia, Slovenia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Ukraine, Serbia, Italy.

The aftermath of the World War I has led to the configuration of the map of Europe, with borders being redrawn and new nations being formed: the reconstitution of Poland, Czechoslovakia, Albania, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes bringing together the South Slavic peoples of Serbia, Croatia, Slovenia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Bačka, Srem, Western Banat), the lands of Macedonia.

The newly formed and under development countries in the post-Habsburg space aimed for a reinforced position on the international arena and for substituting the political nature of their countries' borders with ethnic-national frontiers. The latter, however, did not concur with national tangencies of the neighboring countries' interests. In fact, the incongruity in this matter, namely the territorial and ethnic boundaries, stirred numerous conflicts between these countries,

as well as within their borders ((Transylvanian, Serbo-Croat, Macedonian, etc.).

Inherent to the polytheism developed over the centuries in the Austro-Hungarian Empire, these excessive territorial claims throughly characterised the newly formed states. A worth mentioning aspect of this dynamic was the religious factor, which exacerbated the state of conflict.

The so-called "imperial chauvinism" of the entitled nationalities (for instance, the Czechs in Czechoslovakia, the Serbs in Yugoslavia, and the Poles in Poland) with regards to the national minorities, displayed in the following ways: the institution of a state language, economic discrimination, centralized revenues, forced administration, the institution of an official religion, the legal inequality of the representatives of the executive, and so on; bearing these points in mind, it has all led to the implosion of the political union of the state, established on the principle of federalism (SCS Kingdom) or the dualist system (Czechoslovakia).

Keywords: World War I, the collapse of the empires, newly formed states, religious, national and territorial conflicts, imperial chauvinism, economic discrimination.

Secolul XX este secolul războaielor mondiale și al revoluțiilor. Această soartă nu a ocolit regiunile Europei Centrale, de Est și de Sud-Est. Dimpotrivă, anume aici s-au concentrat într-un ghem de contradicții dure interesele întregii Europe, care au generat două războaie mondiale.

Primul Război Mondial (1914-1918) a schimbat radical mersul istoriei. Istoricul italian Pareto observa, pe bună dreptate, că transformările istorice din secolul XX sunt legate direct sau indirect de două războaie „hiperbolice”. D. Kennan, istoric și diplomat american, afirma, în legătură cu aceasta, că anume Primul Război Mondial a zguduit mai mult decât orice altă catastrofă a secolului XX orânduie civilizației occidentale, declanșând profunda ei criză internă.

Războiul din anii 1914-1918 a determinat pentru mulți ani înainte dominantă dezvoltării relațiilor internaționale, ceea ce a condus la o ideologizare excesivă și a situat în centrul problemelor globale lupta deschisă și cinică pentru poziția de lider mondial, pentru hegemonie, pentru supremația militară. Au izbucnit cu o nouă putere conflictele interetnice, interteritoriale, interconfesionale, care se manifestau în formula „națiunii alese”.

Războiul a împletit într-un conglomerat distrugerea vechilor și crearea noilor structuri politice și statale, ceea ce conducea în mod inevitabil la revizuirea frontierelor, la ocuparea de noi teritorii, generând un astfel de fenomen ca „lumea a treia”. Anume Primul Război Mondial „a dat naștere” Revoluției din Octombrie din Rusia, care nu are vreun model analog în istoria mondială. A urmat o reacție în lanț pe plan mondial, cu altă formă, cu alte modele, dar cu un singur scop – libertatea și independența. Lucien Fèvre scria: „Noua omenire se naște în chinuri și sânge. Principala trăsătură a epocii devine imprevizibilitatea ei”.

Primul Război Mondial a curmat 10 milioane de vieți și a transformat radical istoriile statelor, soarta națiunilor și criteriile mentalităților.

Anul 1918 a devenit simbolul realizării ideii naționale nutrite de veacuri de către popoarele Europei Centrale și de Sud-Est, acesta fiind și jalonul de la care a început **prima împărțire teritorială a Europei**. Primul Război Mondial a condus **la destrămarea celor mai mari imperii**, care jucau rolul principal în regiune – acestea erau Imperiul Otoman, Imperiul Austro-Ungar și Imperiul Rus.

Înainte de Primul Război Mondial, Austro-Ungaria cuprindea suprafața de aproximativ 676.000 km² și era al doilea stat ca întindere al Europei (după Imperiul Rus) și al treilea stat european ca populație cu 52,8 milioane de locuitori. Teritoriul său cuprindea în cele din urmă teritorii ale 13 următoarelor state contemporane: Austria, Ungaria, Cehia, Polonia, România, Slovacia, Slovenia, Croația, Bosnia și Herțegovina, Muntenegru, Ucraina, Serbia, Italia.

După Primul Război Mondial, harta Europei s-a înnoit cu noi formațiuni statale: Polonia reînnoită, Cehoslovacia, Albania, Regatul sârbilor, croaților și slovenilor, care a reunit popoarele slave de sud din Serbia, Croația, Slovenia, Bosnia și Herțegovina, Muntenegru, Dalmația, Voivodina (Bačka, Srem, Banatul de Vest), pământurile Macedoniei.

Remedierea pașnică, care a fost realizată de statele occidentale în cadrul Tratatului de la Versailles, a determinat o schimbare cardinală a situației geostrategice a regiunii în ansamblu și a țărilor din această zonă. **În primul rând**, țările Antantei, acceptând realizarea principiului dreptului națiunilor la autodeterminare în interpretarea președintelui W. Wilson, și-au atins și scopurile proprii: au pedepsit în felul acesta țările învinse ale Uniunii Cvadripartite; au divizat Austro-Ungaria, care a dispărut de pe arena europeană în calitate de forță militar-politică independentă, iar din țările mici ale regiunii au creat un „cordon sanitar” împotriva Rusiei bolșevice. **În al doilea rând**, sistemul de la Versailles, care a decis și pentru țările învinse și pentru țările învingătoare drepturi egale în revendicarea granițelor, a traumatizat popoarele acestor țări, lezând conștiința lor națională în contextul politic și psihologic nou creat **pentru tot secolul XX**. Orientându-se strict doar spre lupta pentru propriile interese naționale și frontierele etnic determinate, țările Europei Centrale și de Est s-au pomenit într-o situație de conflict din toate părțile, când toate aveau pretenții către vecini.

Țările, din spațiul post-habsburgic, în curs de formare tindeau să-și consolideze statu-

tul politic pe arena internațională, încercând să transforme frontierele teritorial-politice în frontiere etnico-naționale. Însă problema consta în faptul că frontierele etnice și naționale nu puteau să coincidă cu interesele țărilor vecine, cu care aveau tangențe naționale.

Anume necoincidența frontierelor teritoriale cu cele etnice provoca multe conflicte între națiuni, atât în interiorul țărilor, cât și între țările vecine (românii transilvăneni, sârbo-croații, macedonenii ș.a.). Pretențiile teritoriale exagerate erau o caracteristică a tuturor țărilor nou formate din spațiul post-habsburgic, și acest lucru era inerent în cazul polietniei care se formase pe parcursul veacurilor în Imperiul Austro-Ungar. Un rol deloc neglijabil în acutizarea stării permanente de conflict l-a jucat factorul confesional. Un exemplu elocvent sunt sârbii și albanezii din Metohia și Kosovo. Intoleranța religioasă de veacuri sfâșie și nimicește aceste două popoare, care au drepturi depline să viețuiască pe aceste pământuri, până în prezent.

Șovinismul imperial al națiunilor titulare (cel al cehilor în Cehoslovacia, al sârbilor în Iugoslavia, al polonezilor în Polonia) față de minoritățile naționale, care se manifesta în: impunerea limbii de stat, discriminarea economică, direcționarea veniturilor către centru, administrarea forțată, lipsa autonomiilor național-confesionale, lipsa egalității depline în drepturi în organele conducerii de stat ș.a.m.d. – toate acestea au făcut ca până la urmă *să fie zdruncinate temeliile statalităților proiectate, care au fost create pe principiul federalismului (Regatul SCS) sau conform sistemului dualist (Cehoslovacia).*

Problemele permanente de ordin teritorial și național trebuiau să fie reglementate la nivel internațional.

Țările nou create aveau nevoie de o forță politică, capabilă să apere interesele fiecăreia dintre ele pe orbita relațiilor internaționale. În anii 20, principalul rol de intermediere l-a luat asupra sa Franța. Marea Britanie, din contra, și-a redus activitatea politică, în special în Balcani. Cu susținerea și autoritatea Franței a fost creat primul bloc politico-militar, așa-numita Mica Antantă, care s-a format în anii 1920-1921 și a existat până în anul 1938. Alianța a reunit Cehoslovacia, România și Iugoslavia și *a fost prima organizație a țărilor din Europa Centrală și de Sud-Est, creată pe principiile federalismului, democrației și ale dreptului internațional.*

Din cauza problemelor existente, de ordin național și confesional, așa și nu a mai fost creat un organ activ interbalcanic, cu atât mai puțin a putut să apară o alianță est-europeană. Fiecare țară își scotea în prim-plan propriile interese naționale, ignorând problemele interstatale din regiune. În anii 20-30 ai secolului XX, tuturor țărilor le erau proprii o serie de caracteristici:

1) *inertția politică* în cazul când trebuiau să se unească și dependența politică față de marile puteri; 2) *probleme de ordin intern*: criza libertăților democratice și parlamentare, sistemul pluripartit, bazat pe convingeri politice, naționale și confesionale au condus la instabilitate politică și la instaurarea în Bulgaria, România, Iugoslavia, Albania și Polonia a unor regimuri autoritare. Excepție făcea Cehoslovacia; 3) *nesoluționarea problemei naționale*: nerecunoașterea drepturilor constituționale ale minorităților naționale, șovinismul imperial al națiunilor titulare; 4) *dependența economică față de capitalul străin* și față de țările puternice din punct de vedere economic, în special în anii 30 față de Germania, care controla aproape toată regiunea. În anul 1938, volumul importului german era de 57,9% în Bulgaria, 50% în Iugoslavia și 48,5% în România. La rândul lor, Bulgaria exporta în Germania 63,6% din volumul producției sale, Iugoslavia – 49,9%, iar România – 35,9%; 5) *nefinisarea reformelor agrare*. În regiunea balcanică, partea dominantă a populației era agrară. În anii 30, ponderea acestei pătri era în Bulgaria de 78,6%, în Iugoslavia de 76,3%, în Albania de 82%, în România de 80%. O astfel de situație economică frâna dezvoltarea și modernizarea economiei din regiune, menținându-i caracterul de sursă de materie primă. Excepție făceau Cehoslovacia (38,7%) și Polonia (59%), care aveau o infrastructură economică dezvoltată; 6) *rata înaltă a analfabetismului* în regiunea balcanică. În ajunul celui de-al Doilea Război Mondial, populația analfabetă constituia în Bulgaria 32%, în România 50%, în Albania 85%, în Iugoslavia 44,6% (la începutul anului 1921, analfabetismul constituia în Slovenia 8,8%, în Voivodina 23,3%, în Croația 32,2%, în Dalmația 49,5%, în Serbia 65,4%, în Muntenegru 67%, în Bosnia și Herțegovina 90,5%, în Macedonia 83,8%). În ansamblu, nivelul general de cultură și instruire în regiune era cu mult mai jos decât nivelul mediu

european, fapt determinat de nivelul insuficient de dezvoltare a economiei și de lipsa unor măsuri guvernamentale; 7) după Primul Război Mondial și în special în anii de criză, o parte considerabilă a populației a fost nevoită să emigreze în căutarea unui loc de muncă. În anii 20, numai în SUA plecau circa 400 000 de oameni anual.

La începutul anilor 30 ai secolului XX, pe arena internațională au apărut două mari forțe politice, Germania și URSS, care pretindeau hegemonia și dreptul la reîmpărțirea Europei. Guvernele țărilor din Europa Centrală și de Sud-Est trebuiau să reflecte asupra pericolului fărâmițării și înghițirii lor și să-și unească forțele pentru a opune rezistență. Însă acest lucru nu s-a întâmplat. Din contra, unele țări au luat parte activă la împărțire. Interesele geopolitice ale marilor puteri au invadat din nou Europa Centrală și de Sud-Est, generând declanșarea celui mai sângeros război – cel de-al Doilea Război Mondial, care a curmat viețile a zeci de milioane de oameni.

Situația etnodemografică și etnico-confesională

Regatul sârbilor, croaților și slovenilor (Regatul SCS) ocupa un teritoriu de 248 mii km², având o populație de 12 milioane de oameni, și era un stat multinațional. Deosebit de pestrițe din punct de vedere etnic erau Voivodina, Bosnia și Herțegovina. Două dintre cele mai numeroase comunități etnice din Bosnia și Herțegovina – cea sârbă și cea musulmană – alcătuiau laolaltă 4/5 din populația țării, croații cedând din punct de vedere numeric. În conformitate cu recensământul din anul 1910, pe aceste pământuri locuiau 825 mii de sârbi, 612 mii de musulmani și 434 mii de croați. În Dalmația lucrurile se inversau. Aici sârbii erau o minoritate etnică, deoarece prevalau croații și italienii. În Voivodina slavii constituiau 38,6% din populație, ungurii – 31,7%, nemții – 28,7%, românii – 6%. În Slovenia și Croația, religia dominantă era cea catolică; în Serbia, Muntenegru și Macedonia Vardară predomina ortodoxia. Conform datelor oficiale, în anul 1931, în Iugoslavia 48,7% din populație se considerau ortodocși, 37,5% erau catolici și 11,2% – musulmani. Problema relațiilor dintre Biserica ortodoxă și stat a fost reglementată imediat după înființarea statului. Biserica catolică a rămas o confesiune, care nu avea niciun acord cu statul iugoslav, fapt ce a condus la înăsprirea relațiilor dintre cercurile politice sârbe și croate și a semănat discordie și dușmănie între catolici și ortodocși.

În realitate, această împestrițare etnică nu constituia cauza conflictului sârbo-croat, însă crea pentru el condiții favorabile. *Specificul situației în relațiile sârbo-croate constă în faptul că ambele etnii formează un spațiu etnolingvistic unic, care cuprinde regiunile cu o populație amestecată (Croația, Dalmația, Bosnia și Herțegovina). Anume aceasta a și devenit „circumstanța agravantă”, care a generat duritatea deosebită și caracterul cronic al conflictului sârbo-croat pe parcursul întregului secol XX. Iugoslavia ca monarhie centralizată în frunte cu dinastia sârbă era ceva de neconceput pentru croați.*

Dacă pentru sârbi reunirea pământurilor iugoslave era un mod de rezolvare a problemei naționale, pentru croați acest pas a fost doar ca o etapă intermediară în calea obținerii independenței lor naționale. La începutul anilor 20, mișcarea națională croată era condusă de S. Radič, care, în opoziție cu „iugoslavismul sârb”, a propus concepția „fедераției iugoslave”, adică a uniunii militaro-politice a statelor independente. De facto, Radič cerea suveranitatea Croației (inclusiv asupra teritoriului Dalmației). S. Radič s-a adresat, din numele poporului croat, Conferinței de Pace de la Paris cu un memorandum în care se vorbea despre dreptul națiunilor la autodeterminare și despre faptul că cercurile conducătoare trebuie să ia în considerație caracterul specific statal și etnografic al croaților. Drept răspuns, guvernul Regatului SCS l-a arestat pe S. Radič. Nereglementarea problemei statutului de drept al sârbilor croați era un motiv permanent de tensionare a relațiilor sârbo-croate.

În general, popoarele care s-au pomenit în componența Regatului SCS (din 1929 – Regatul Iugoslaviei), pe parcursul veacurilor au trăit separat, în condiții istorice diferite și se deosebeau mult din punctul de vedere al nivelului de dezvoltare social-economică, politică și culturală. În timp ce în Slovenia, Croația și Serbia se constituise sistemul de partide, în Muntenegru și

Macedonia Vardară el de-abia se afla în proces de formare. O particularitate a partidelor și mișcărilor politice ale Regatului SCS era caracterul lor național, regional și confesional, ceea ce, evident, limita sfera lor de activitate. Unul dintre factorii care amplificau tensiunea interetnică era discrepanța dintre nivelul de cultură și educație. În anul 1921, în Slovenia, printre locuitorii cu vârste de la 12 ani în sus erau analfabeți 8,8%, iar în Macedonia Vardară, Bosnia și Herțegovina acest indice depășea cifra de 80%. În anul 1931, numărul de analfabeți în toată țara constituia 44,6% (în 1921 – 51,5%). Existau diferențe mari și în ceea ce privește normele constituționale și alte norme de drept.

Referințe bibliografice:

1. AMBROSI, C. L'apogée de l'Europe. 1871-1918. Paris: Masson, 1993. 284 p. ISBN 10: 2225827893, ISBN 13: 9782225827891.
2. CORDELL, K. The politics of ethnicity in Central Europe. New York: St. Martin's Press, 2000. 224 p. ISBN 0312227906, ISBN 13: 9780333731710.
3. Dicționar de istorie a secolului XX. A. Carol, J. Carroques, M. Ivernel (ed.). București: ALL Educational, 2000. 510 p. ISBN 973-684-233-9.
4. GAILLARD, J.-M., ROWLEY, A. Istoria continentului european. Chișinău: Cartier, 2001. 672 p. ISBN 9975-79-086-0.
5. GHERMANI, I. Despre democrație. Cluj-Napoca: Dacia, 1996. 176 p. ISBN 973-35-0548-x.
6. GIRAULD, R. Identitate și conștiință europeană în secolul XX. București: Curtea Veche, 2004. 254 p. ISBN 973-8356-72-5.
7. HEINEN, A. Istoria României prin concepte. Iași: Polirom, 2010. 528 p. ISBN: 978-973-46-1803-3.
8. Istoria României prin concept. Neumann, Victor, Heinen, Armin, (ed.). Iași: Polirom, 2010. 528 p. ISBN: 978-973-46-1803-3.
9. JELAVICH, Ch., JELAVICH, B. Formarea statelor naționale balcanice, 1804-1920. Cluj-Napoca: Dacia, 1999. 396 p. ISBN 9733508632, ISBN 13: 9789733508632.
10. JELAVICH, B. Istoria Balcanilor. Vol. II. Iași: Institutul European, 2000. 432 p. ISBN 9736111547, ISBN 13: 9789736111549.
11. RAMONET, I. Geopolitica haosului, București: Doina, 1998. 159 p. ISBN 973-9193-30-7.
12. NEUMANN, Victor. Neam, popor sau națiune? Despre identitățile politice europene. București: Curtea Veche, 2005. 153 p. ISBN 9736691543, ISBN 13: 9789736691546.
13. RICHTER, Melvin. Comparative study of regimes and societies. In: The Cambridge History of Eighteenth-century Political Thought, ed. Mark Goldie; Robert Wokler. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 919 p. ISBN 0-521-37422-7, ISBN 13: 978-0-521-37422-4.
14. RUHLMANN, J. Histoire de l'Europe au XX siècle. Tome 1: 1900-1918. Bruxelles : Complexe, 1994. 480 p. ISBN 2-87027-535-8.
15. SELLIER, A. et SELLIER, J. Atlas des peuples d'Europe Centrale. Paris: La Decouverte, 1991. 192 p. ISBN 2707120324, ISBN 13: 9782707120328.
16. SIDJANSKI, D. L'avenir federaliste de l'Europe. Paris: Presses universitaires de France, 1992. 440 p. ISBN 2130449441, ISBN 13: 9782130449447.
17. TODOROVA, M. Balcanii și balcanismul. București: Humanitas, 2000. 398 p. ISBN 9735001004, ISBN 13: 9789735001001.
18. История южных и западных славян. Т. 1-2. Под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. Москва : МГУ, 1998. 692 p., 271 p. ISBN 5211038207, ISBN 13: 9785211038202.
19. КАМЕНЕЦКИЙ, В. М. Политическая система Югославии. Москва: Наука, 1991. 116 p. ISBN 5020104779, ISBN 13: 9785020104778.
20. Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. 293 p. ISBN 5-201-00717-1.
21. Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. 157 p. ISBN 520100718X, ISBN 13: 9785201007188.
22. ПИСАРЕВ, Ю. А. Образование югославского государства. Москва: Наука, 1975. 415 p.
23. Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917-1929). Москва: Наука, 1988. 536 p. ISBN 5-02-009941-4.
24. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Москва: Наука, 1981. 360 p.

Русины фронта двуп империй в описаниях авторов второй половины XIX – начала XX вв.

Abstract: В 30-е гг. XIX в. на австрийских землях формируется так называемое русское направление, представители которого подчеркивали общность русино-малороссийского компонента с общерусским этнокультурным пространством («Русская триада» – М. Шашкевич, И. Вагилевич, Я. Головацкий). Благодаря деятельности Дениса Зубрицкого, оказавшегося под влиянием Михаила Погодина, получает распространение идея об общности русского этнического пространства от Карпат до Чукотки.

Русинское население северной Бессарабии и буковинской Хотинщины начинает интересовать исследователей и будителей русскости во второй половине XIX в. (И. Аксаков, А. Афанасьев-Чужбинский, П. Несторовский и др.).

При этом вхождение Русской Буковины и Бессарабии в состав Российской империи, непосредственное контактирование с родственным, тогда малороссийским, сообществом и, наконец, государственная политика, направленная на унификацию этнического образа малороссов с великоросским сообществом, в немалой степени способствовали стиранию этнической обособленности русинского самосознания, которое в ходе буржуазных реформ развивалось в интеграционной связке с капитализирующимся и украинизирующимся во второй половине XIX в. населением малороссийских земель.

Ключевые слова: русины, украинцы, фронт, пограничье Российской и Австрийской империй, Бессарабия, Буковина, описание, авторы.

Abstract: In the 1830s, the so-called Russian movement was being formed in the Austrian lands; the representatives of the movement emphasized the affinity of the Rusyno-Little Russian component with the all-Russian ethno-cultural space. (“The Russian Triad”, consisting of M. Shashkevich, I. Vagilevich and Y. Golovatsky). The idea of the common Russian ethnic space from the Carpathians to Chukotka was steadily spread due to the activities of Dennis Zubritsky influenced by Mikhail Pogodin.

The Rusyn population in Northern Bessarabia and Bukovinian Khotyn region began attracting interest of researchers and activists who tried to raise Russian ethnic self-awareness in the latter half of the 19th century (I. Aksakov, A. Afanasiev-Chuzhbinsky, P. Nestorovsky et al.).

At the same time, Russian Bukovina and Bessarabia becoming part of the Russian Empire, direct contacts with the congenial (then called Little Russian) community, and, finally, the state policy aimed at the unification of the ethnic image of the Little Russians with the Great Russian community - all these factors in no small degree contributed to the elimination of the ethnic isolation of the Ruthenian self-consciousness. In the course of bourgeois reforms Ruthenian self-consciousness developed in the integration with the Ukrainian population of the Little Russian lands against the background of advancing capitalism in the latter half of the 19th century.

Keywords: Rusyns, Ukrainians, frontier, borderlands of the Russian and Austrian empires, Bessarabia, Bukovina, description, authors.

Abstract: În anii 30 ai secolului al XIX-lea, în teritoriile austriece se formează așa-zisa direcție pro-rusă, reprezentanții căreia subliniau caracterul comun al componentei ruteano-maloruse cu spațiul etnocultural rus („Trieimea rusă”, – M. Șașkeviți, I. Vaghileviți, J. Golovațki). Datorită activității desfășurate de Denis Zubrițki, care a fost influențat de Mihail Pogodin, devine răspândită ideea existenței comunității etnice rusești de la Carpați până la Ciukotka.

Populația rutenilor din nordul Basarabiei și regiunea bucovineană Hotinscina începe să intereseze cercetătorii și promotorii curentului pro-rus în a doua jumătate a secolului al XIX-lea. (I. Aksakov, A. Afanasiev-Ciujbinski, P. Nestorovski etc.).

În același timp, intrarea Bucovinei Rusești și Basarabiei în Imperiul Rus, contactul direct cu comunitatea înrudită a malorușilor (ucrainenilor), și, în cele din urmă, politica de stat orientată spre unificarea imaginii etnice a ucrainenilor cu cea a velikorușilor, a contribuit în mare măsură la ștergerea diferențelor etnice a conștiinței de sine a rutenilor, care s-a dezvoltat în decursul reformelor burgheze odată cu capitalizarea și ucrainizarea populației din spațiul malorus din a doua jumătate a secolului al XIX-lea.

Cuvinte-cheie: ruteni, ucraineni, frontieră, granițele imperiilor Rus și Austriac, Basarabia, Bucovina, descriere, autori.

Вячеслав СТЕПАНОВ,

доктор исторических наук, профессор философского факультета Орловского государственного университета, Российская Федерация

doctor habilitat în științe istorice, profesor, Facultatea de Filozofie, Universitatea de Stat din Oriol, Federația Rusă

Doctor of Historical Sciences, Professor, Philosophy Faculty, State University of Oriol, Russian Federation

Разговор в данной работе посвящен рассмотрению русинского населения в трудах исследователей XIX – начала XX вв. Особое внимание уделяется демонстрации перманентности полярных взглядов на проблему этнической принадлежности русинства, возникшую в науке и политической мысли означенного периода и продолжающую сохранять свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Насколько позволяет регламент, я представлю слушателям ряд региональных специфических промыслов и занятий, свойственных русинам российско-австрийского пограничья.

Несколько положений, в качестве введения в тему. В силу того, что этнография в России, равно как этнология в Европе, в первой половине XIX в. находилась только в стадии становления; углубленный разговор об этнической истории русинов заменялся тогда рассмотрением отдельного народа по принципу «наши» – «не наши». Нужно сказать, что на обывательском уровне подобный подход во многом сохранился и сегодня, с той лишь разницей, что современная этнологическая наука в немалой степени подгоняется под удобные схемы и клише, выработанные временем.

Напомню основные из них:

- русины рассматриваются в качестве части русского народа;
- русины рассматриваются как этнографическая группа украинского этноса;
- русины претендуют на статус отдельного, четвертого восточнославянского народа;
- и наконец, русины представляют собой славянизированных венгров.

Все эти теории не представляют ничего нового и подробно представлены как в специальной литературе, так и на страницах Интернета.

Наш разговор посвящен русинам российско-австрийского пограничья, проживающим в так называемой «русской Буковине» – в Северной Бессарабии.

Сегодня достаточно часто вспоминают труд Николая Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма», причем одна из идей автора заключается в том, что украинская идея сложилась в узком кругу интеллигенции и не имела «ни поддержки, ни отклика в народе». Отдавая должное принципиальной позиции автора, одновременно нужно отметить односторонний подход к проблеме.

Из рассуждений Н. И. Ульянова вытекает следующее: если государство не сложилось в XV–XVII вв., оно не может иметь основы для развития (2, с. 10). Обвиняя, как выражается Николай Ульянов, «кучку интеллигенции» в украинском сепаратизме, он подчеркивает неприятие в Галиции украинской пропаганды и распространение дела Якова Головацкого (28, с. 35-47), одного из будителей русскости.

Однако подобный подход представляется несколько предвзятым. Сомнительно, что небольшая по численности пророссийская интеллигенция в крае получила отдачу при пропаганде русскости в среде малограмотного, забитого и измученного всевозможными налогами русинского сообщества в полиэтническом пространстве Австрийской империи. Общерусское сознание не могло массово распространиться среди русинства габсбургской Руси, прежде всего, в связи с многовековой оторванностью этих земель от России. Причем ни в габсбургский период, ни сейчас, в годы независимости, данная региональная идентичность имела и имеет распространение, наряду с другими, перечисленными выше.

Таким образом, можно рассуждать о распространении ценностей общерусской идеи сверху, через определенный круг сторонников. Историк Н. М. Пашева, занимающийся вопросами этнических процессов в Галиции, справедливо отмечает отсутствие разделения в представлениях русофилов «Украины или России», потому что до второй половины XIX в. такой вопрос не возникал (22, с. 24).

Часть исследователей, следующих за Н. И. Ульяновым, односторонне-патриотически поддерживают высокие идеи будителей русскости, тесно связанных с единомышленниками (М. П. Погодин и др.) и официальными кругами в России. Но при этом те же официальные круги России часто закрывали глаза на процессы, протекавшие на украинских землях; более того, обвинять только австрийско-польскую политическую элиту в раскручивании украинской идеи было бы однобоким подходом. Этому процессу по-

творствовала либеральная политика властей в России, особенно на протяжении второй половины XIX в., когда появление запретительных указов 1863 и 1876 гг., направленных на использование украинского языка, наряду с другими регламентациями (34), одновременно сопровождалось закрыванием официального окна на выпуск художественной литературы на украинском языке, который осуществляли Марко Вовчок и Пантелеймон Кулиш, Михаил Котляревский и Тарас Шевченко. И даже запрет на «украинский вертеп» (так назывался украинский народный театр) прекращается сыном Александра II – Александром III (6). Официальная российская этническая политика в отношении к Малороссии и малороссиянам отличалась противоречивостью и неоднозначностью...

Возвращаясь к австрийской Галиции и малороссийским землям Российской империи, можно констатировать, что процесс этнической мобилизации населения в них имел во многом схожие черты, сочетая в себе конструктивистские усилия вдохновителей, с одной стороны, русской идеи, с другой – украинских ценностей. Это вылилось в активность творческой интеллигенции, так называемых будителей (в Галичине «Русская троица», с другой стороны – украинофилы: И. Франко, М. Драгоманов). В Малороссии второй половины XIX в. начинает приобретать известность имя украинского народника Т. Шевченко. Одновременно данный процесс накладывался на определенную политику сдерживания со стороны официальных властей двух империй по отношению к этническим процессам в австрийской Галиции и в российской Малороссии. А граница данного процесса проходила непосредственно через земли Северной Бессарабии.

При этом конструктивистско-инструменталистский рок этнической политики двух держав накладывался на симфонию этнических процессов взрослеющего этнического сознания населения с учетом региональной специфики.

В Галиции это была множественная идентичность (которая дает о себе знать вплоть до сегодняшнего дня), где наряду с русинством, а вернее в нем, сосуществовали формы самосознания лемков, бойков, гуцулов, верховинцев. Кстати, подобных примеров множественности этносознания на примере украинского пограничья можно приводить достаточно много, вспоминая этнографические группы литвинов и тех же украинских полищуков (одноименные есть и у белорусов).

В данном контексте нельзя не упомянуть труд буковинского этнографа австрийского происхождения Раймунда Фридриха Кайндля, впервые начавшего знакомство с гуцулами под влиянием своей няни – этнической гуцулки, которая сумела привить своему воспитаннику любовь к народной культуре, что впоследствии дало свой результат и вылилось в серьезное этнографическое описание народа, не утратившее своего научного значения вплоть до настоящего времени (31). В выступлении нет возможности подробно останавливаться на анализе традиционно-бытовой культуры гуцулов, но важно обратить внимание на подчеркивание автором неоднородности русинства, о чем уже говорилось выше. «Бойки, руснаки и верховинцы, которых мы называем соседями гуцулов, – пишет Р. Кайндль, – принадлежат к одному славянскому племени, которое обозначается общеупотребимым, но не извечным народным именем русины. Гуцулы также официально причисляются к русинам, но они настолько отличаются от бойков и руснаков, что дают повод для многочисленных теорий их происхождения. Не говоря уже о целиком бессмысленных взглядах о том, что в гуцулах можно увидеть славянизированные остатки скифов, готов, куманов, монголов; иная мысль склоняется к тому, что гуцулы могли сформироваться из румын и русинов; наконец считают, что гуцулы – „смешанный народ“, который якобы появился из различных элементов в недавнее время. Кто рассмотрит историю восточнокарпатского края, тот действительно не будет возражать, что в гуцулах могли бы соотнестись элементы разных народов... Главным в конце концов остается то, что гуцулы являются славянами по языку, обычаям, народным традициям, кроме отдельных особенностей, которые, конечно, нельзя недооценивать, и что они схожи со своими славянскими соседями. Нации, которые стоят на нижнем культурном уровне, могут ассимилировать другие народы только в случае их количественного перевеса. Основываясь на этом, нельзя возражать, что основная масса гуцулов – славянского происхождения» (31, с. 8-9).

Таким образом, можно лишний раз убедиться, что в рассматриваемый нами период не сложилась единая концепция относительно происхождения русинов. Р. Кайндль вообще констатирует условность отнесения гуцулов к «не извечному народному имени русины» (31, с. 8).

Говоря о бессарабских русинах, следует отметить вполне объяснимый интерес к ним и другим жителям края со стороны русских исследователей. Яркий тому пример – творчество русского исследователя и писателя И. С. Аксакова, посетившего с инспекцией Бессарабию в 1848 г. В своих письмах родным, которые он использовал как дневник, автор писал о Северной Бессарабии: «В этой части Хотинского уезда большая часть руснаки, те же, которые живут в Буковине и Галиции; они говорят по-русски гораздо чище, чем малороссияне. Они смуглы, худощавы, черноволосы и носят длинные волосы, падающие на плечи; неурожай в здешнем уезде, беспорядок управления крестьянами, их неустроенное положение – все это привело их к крайней бедности» (11, с. 56).

Будучи славянофилом, И. С. Аксаков не скрывал своей симпатии к русинскому населению, отмечая одновременно его малообразованность и невежество, подчеркивая, вместе с тем, многоступенчатую эксплуатацию крестьянства со стороны евреев, посессоров и помещиков. В качестве примера – одна из заметок автора: «Руснаки, конечно, знают об облегчениях, сделанных в Галиции рабочему классу, крестьянам, но молчат и терпят. Здесь нет такой ненависти к помещикам, как в Галиции, где помещики поляки; однако же и здешнее положение крестьян таково, что надо бы заняться ими. Мне говорил один руснак, что там лучше. Нормальный контракт, изданный Правительством для тех, кто не заключит добровольных условий, отнимает у крестьян почти всю землю, которою они владели по прежним обычаям, и оставляет им самое малое количество. Помещики, конечно и не хотят заключать добровольных условий, а требуют введения нормального контракта. Крестьяне же не верят, не верят, чтоб это было от государя, а думают, что это все бояре сочинили, и противятся введению этого контракта. Вместе с тем им дано было официально право перехода, и сначала это было просто переселение из места в место и гулянье по всей Бессарабии; но нигде не нашли они для себя выгодных условий, а только разорялись вконец. Как рассуждают местные помещики? Вот что говорил мне Кишиневский Окружной Предводитель дворянства Дониц, очень серьезно: отнимая землю у крестьян, мы делаем им величайшее благодеяние: чем меньше земли, тем более они будут ею дорожить, тем она ценнее, тем лучше будут ее обрабатывать!.. кроме всего этого, здесь делаются неслыханные злоупотребления... Я всячески стараюсь собрать по этому предмету верные сведения, но для этого нужны были бы официальные ресурсы, которых я требовать не вправе... (Какие однако же скоты эти помещики, да и не только в Бессарабии, и у нас в России)» (11, с. 57).

Внимание к населению Бессарабии и пограничных с ней территорий прослеживается в трудах офицеров Генерального штаба русской армии, получивших распространение после событий 1812 г.

К концу 50-х гг. офицеры Генерального штаба охватили исследованиями большую часть губерний и областей. С 1860 г. описания стали выходить по несколько томов в год, под общим заглавием «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». Согласно данным крупного российского дореволюционного историка А. Н. Пыпина, к 1865 г. вышло более 20 описаний разных губерний и областей по общему плану (23, с. 306), который был составлен в 1858 г. при департаменте Генерального штаба. Кстати, до конца Второй мировой войны данные материалы были засекречены.

В плане этнографического изучения Бессарабии особый интерес представляют среди них работы офицеров Генерального штаба М. Дарагана (7, 8) и А. Защука.

Александр Иосифович Защук (1828–1905) был членом РГО и Одесского общества истории и древностей. Он известен как исследователь, собравший богатый материал по истории, географии, демографии, этнографии и фольклору Бессарабии, сотрудничавший с «Бессарабскими губернскими ведомостями» и «Записками Одесского общества истории и древностей».

В 1863 г. А. Защуком была опубликована «Этнография Бессарабской области», в которой также затронута рассматриваемая проблема. Он, в частности, утверждал, что часть русинов «составляла племя аборигенов... этих мест». Другая же часть была переселена молдавским господарем Дукой, «который перевел их в свои владения в то время, когда был признан гетманом Украины». Еще часть перешла сюда с Украины и Волыни во время Унии, в конце XVI – XVII вв. (9, с. 504).

В другой своей работе А. Защук попытался обрисовать картину этнографического районирования Бессарабии, где север и центральная часть, по его мнению, были населены преимущественно жителями молдавского происхождения, а северо-западные части Хотинского уезда и берег Днестра – руснаками, «русинами, перешедшими из Галиции и укоренившимися здесь с давнего времени» (18, с. 100-102). Эти материалы представляют собой интерес, прежде всего, как статистический источник. Здесь же содержатся сведения о казачьих украинских формированиях на территории Бессарабии. Это история создания и расселения Новороссийского казачьего войска, в котором служили и бывшие сечевые казаки – украинцы. С данными А. И. Защука во многом перекликаются изыскания современного молдавского исследователя И. А. Анцупова (1, с. 53-110).

Описывая населенные пункты Севера Бессарабии, автор обращает внимание на тот факт, что отдельные из них были основаны казаками, в частности, знаменитое село Новоселица, выступавшее уникальным пограничным кордоном, на котором пересекались границы трех империй – Австрийской, Османской и Российской. Как подчеркивает автор, в практически первом монографическом исследовании, посвященном Бессарабии XIX в., «начало основания Новоселицы приписывают оставшимся здесь казакам, из числа пришедших вместе с гетманом Свирговским, в XVI веке, на помощь валахам против турок» (17, с. 192). Уже в материалах авторов XIX в. становится видно, что процесс заселения пограничья двух названных империй осуществлялся как с запада, так и с востока.

Среди многочисленных описаний бессарабского края XIX столетия обращает на себя внимание беллетристическая работа А. С. Афанасьева-Чужбинского «Очерки Днестра», в которой автор, практически впервые, подробно останавливается на описании жизни и быта русинов/руснаков¹ русско-австрийского пограничья.

Думается, небольшое беллетристическое описание этого поселения и его жителей, которое А. С. Афанасьев-Чужбинский осуществил на языке XIX в., не только будет способствовать освещению фактологического материала, но и хорошо передаст дух самой эпохи, реалии повседневной жизни населения пограничья двух империй: «...Если вы обжились в пограничных селениях и народ не видит в вас чиновника, то из разговоров вы легко можете узнать все новости и даже сплетни ближайших австрийских деревень и местечек» (24, с. 46).

Автор, в частности повествует о населенном пункте Ануты, разделенном, по сути, на австрийскую и русскую части, что служило своеобразным мостом для взаимоотношений, завязанных на множестве хозяйственно-бытовых и родственных интересов: «Деревенька эта, составляющая некогда целое с селом того же названия, принадлежащим Австрии, состоит из нескольких десятков хат, обитаемых руснаками, и с одной стороны лепится по берегу Днестра, а с другой потянулась к яру, над ручьем, отделяющим Бессарабию от Буковины. Пограничный наш кордон стоит в нескольких шагах от австрийского, и, чем далее идешь вверх, тем уже становится ручеек, так, что на выходе из деревни его можно перешагнуть без всякого затруднения. Домашние животные непрерывно нарушают таможенный устав, служа иногда поводом к серьезным хлопотам своих хозяев, которые, имея надобность преследовать какую-нибудь непокорную овцу в пределах чужого государства, могут подвергнуться большой ответственности... Но не одни домашние животные преступают правила: жители Анут, как бессарабских, так и австрийских, не довольствуясь разговором через нейтральный ручеек, переходят нередко заповедную черту, и преимущественно наши любят посещать австрийский кабачок, в котором водка несравненно лучше и гораздо дешевле. Хотя г. Кокарев, так горячо любящий родину, ввел особенную откупную систему в Бессарабии и, желая облагодетельствовать народ, значительно понизил цену на питье, однако, правду сказать, австрийские патриоты дей-

ствуют как-то усерднее и продают водку отличной крепости и очень дешево. Зато, если бессарабского руснака соблазняет заграничный кабачок, австрийский руснак имеет своего рода приманку в Бессарабии – дешевый туземный табак, который, как известно, в Австрии составляет казенную монополию. Впрочем, и кроме этих двух причин жители Анут, той и другой половины, переходят тайком границу, потому что связаны обширным родством, и, например, двоюродные братья и сестры не станут же хлопотать о выдаче заграничных паспортов для того, чтобы повидаться, живя в одном селении. Под вечер тут же, у кордона, происходят разговоры через ручей, и как в таможенных постановлениях не запрещено разговаривать с иностранцами, стоящими на земле другого государства, то и русский стражник, и австрийский егерь проходят молча мимо беседующих, а иногда и сами переговариваются о собственных интересах...» (24, с. 42-43).

Автор подчеркивает черты характера, свойственные приднестровским русинам – трудолюбие, добродушие и робость (А. С. Афанасьев-Чужбинский считал, что последнее качество ими было заимствованно от молдаван). Отдельные черты, такие как скрытность, хитрость, по мнению писателя, развивались близ границы, в силу участия местного населения в контрабандном бизнесе. «Приднестровские контрабандисты переносят чай, сахар, спички, полотно, но главное – переправляют лошадей и скот, смотря, где на последние цена выше. Если в Галиции скот и лошади дороже – их переправляют из Бессарабии, если же здесь цены выше, перегоняют из Австрии. Понятно, что товар этот не покупной, по большей части, а доставляется промышленниками своего рода» (24, с. 8).

Другой писатель, представленный ниже, современник А. С. Афанасьева-Чужбинского И. С. Аксаков подчеркивал, что в основном контрабандой промышляли жившие на пограничье евреи и староверы. Относительно первых он оставил следующий комментарий: «жиды (такое наименование евреев было достаточно широко распространенным в русской литературе XIX в. – В. С.) теснятся, как можно плотнее, ни у одного народа так население не возрастает, как у жидов. В Бессарабии с 1812 года их увеличилось в десять раз. Здесь они ходят все в своем старонемецком костюме, с пейсиками и сильнее удерживают общий жидовский тип; живя на границе, они то ведут контрабанду и редко попадают, потому что дружно стоят за себя. Во многих местечках видел я целый ряд домов под одной крышей, так что товар, в случае поисков, немедленно передается другому и т. д.» (11, с. 53).

Еще одним сообществом, занимавшимся контрабандным промыслом, на которое указывали авторы XIX в., были старообрядцы. И. С. Аксаков, не жаловал это этноконфессиональное сообщество, впрочем, как и евреев. Вот какое описание можно встретить в его эпистолярном наследии: «По сухопутной границе часовые стоят почти на пять верст друг от друга; хотя и есть объездчики, но контрабандные и липованские сношения совершаются беспрепятственно, – липованские еще лучше...» (11, с. 62). Продолжая свои рассуждения, писатель констатировал: «Всякий беглый каторжник, всякий мошенник, скрывающийся от суда, делается сейчас липованом и пользуется всеми удобствами этого звания. Но, переходя туда (в Австрию – В. С.), русские раскольники, как мне известно, не ограничиваются одним спокойным свободным отправлением своих обрядов и своего богослужения. Там, окруженные немцами, в земле равнодушной к политическому быту, они заряжаются тем духом, доводя свои религиозные побуждения до значения политических вопросов» (11, с. 62).

Участники этого регионального, запрещенного промысла называли солдат кордонной службы местоимением «той» (тот) (24, с. 10). В те времена от них откупались, имея излишки необходимого продукта на случай непредвиденной встречи с пограничниками. Прикордонная служба, кстати, прекрасно знала о проделках местного населения и в определенных местах находила оставленную контрабандистами плату за то, чтобы во время патрулирования с ними не пересекаться.

«Интереснее всего, как приобретается в Австрии водка, – пишет исследователь, – которая гораздо дешевле и несравненно лучше бессарабской. Здесь границей узенький Днестр. Бессарабские рыбаки ездят в челноках до половины речки, а галицийские в

таких же лодочках шныряют у своего берега. Условившись с заграничным собратом о количестве водки, руснак наш выезжает перед сумерками на ловлю. Галицианин привязывает небольшой бочонок к своей лодке и ловко передает приятелю бечевку, а наш прикрепляет ее к гвоздику и приплывает к своему берегу. Штука очень простая, если досмотрщики не ловят водки, так вероятно потому, что и сами пользуются запрещенным, но отличным и дешевым товаром». «Собственно, – продолжает автор, – в больших размерах контрабанда идет в Бессарабию по сухой границе и через Прут или по границе Подольской губернии, следуя по двум направлениям: через Хотин, где большие ее склады, и через местечко Бричаны, откуда уже развозится внутрь империи... Приднестровские же обитатели вверх Хотина, как я сказал уже, доставят вещи для собственного употребления, занимаются переправой скота и лошадей и помогают евреям в непозволительных аферах» (24, с. 10-11).

Афанасьева-Чужбинского можно назвать исследователем направления в этнологии, которое именуется «этнографией повседневности». Он указывает на еще одну сторону, не ускользнувшую от его внимания. Речь идет о наличии на пограничье категории помещиков, которые имели поместья в двух империях. «Ржавинцы памяты для меня тем, что в числе их владельцев я встретил там образованное семейство г. Добровольского – бессарабского и австрийского помещика. Тут же за границей у него есть имение, отлично устроенное, с превосходным домом, но он предпочитает жить в Бессарабии» (24, с. 47). Необходимо дополнить, что подобные представители дворянского сословия обладали особым статусом и правом упрощенного переезда границы.

Безусловно, сегодня наблюдения А. С. Афанасьева-Чужбинского представляются отчасти поверхностными, а местами односторонними и даже наивными, но следует отдать должное исследователю, впервые осуществившему экспедицию в русинские села Бессарабии. Нужно также обратить внимание на отмеченную им размеренность жизни и взаимоотношений жителей пограничья двух империй, на которую не повлияла политическая напряженность, возникшая между двумя империями в ходе Крымской кампании.

К заслуге писателя-беллетриста также нужно отнести умение осуществлять бытовые зарисовки из жизни изучаемого народа, позволяющие узнать многочисленные подробности культуры взаимоотношений, рассуждений, мировоззренческих взглядов русинов – то, чем наиболее ценен его труд.

Возвращаясь к рассмотрению взглядов авторов XIX в. относительно вопроса об этнической идентичности русинского населения, в частности на пограничье двух империй, следует отметить, что А. С. Афанасьев-Чужбинский относил русинов Бессарабии к «отрасли малороссов» (24, с. 3). Возможно, в этом на него оказал влияние официальный взгляд на малороссов как на часть единого русского народа. И тем не менее произведение А. С. Афанасьева-Чужбинского появляется в период начала размежевания русского движения Галиции на сторонников великорусской идеи и украинофилов. Сторонник украинской идеи украинский писатель Иван Франко отмечал недооценку работ Афанасьева-Чужбинского в среде украинских ученых, считавших, что «он как-то неопределенно держал себя в вопросах украинской политики: не то шел рука об руку с „громадою“, не то тянул в сторону „москалей“» (33, с. 29); сам же Франко высоко оценивал его научные заслуги.

Другой известный исследователь польского происхождения – Петр Артемович Несторовский, автор нескольких книг о русинах Севера Бессарабии. В своем труде «Бессарабские русины» исследователь не отделяет их от малороссов: «под русинами принято вообще понимать малорусское население Галиции и Буковины или потомков тех древних славян, которые в истории известны под именем Червоной Руси или червонорусов» (19, с. 1). Далее автор поясняет, что бессарабские русины за протекшее время своей обособленной жизни успели превратиться в самостоятельную этнографическую единицу, с довольно явственно обозначенной индивидуальностью: «В настоящее время они уже не русины Буковины и Галиции и не малорусы юго-западных губерний России, а племя почти самостоятельное, понимая, конечно, это последнее относительно» (19, с. 2).

Великорусский подход к проблеме демонстрирует в своем творчестве член Рус-

ского географического общества Григорий Иванович Купчанко. Он вообще рассматривает территории Буковины, Бессарабии, Молдавии, Трансильвании, гористой части Венгрии, Валахию и Банат как земли, заселенные в древности исключительно славянскими племенами. «Все историки, – писал он, – даже и румынские, одногласно утверждают, что, когда монголы были прогнаны с Дуная Людовиком, королем венгерским, румыны в 1352 году под предводительством князя Драгоша переселились из Мармороша и Семиградских гор, где вели доселе тихую пастушечью жизнь, в славянские области, именно: Буковину, Бессарабию и Валахию, смешались с здешними русскими, приняли их нравы и обычаи и даже русский (думается, автор имел в виду древнерусский – В. С.) язык» (16).

Из вышеприведенных примеров становится видно, что часть авторов, описывающих жизнь и быт русинов, находилась на пророссийских позициях (А. С. Афанасьев-Чужбинский, П. А. Несторовский, Г. И. Купчанко и др.). Отражая идеи великороссийской концепции, они одновременно не смогли повлиять на формирование общественной мысли, направленной на поддержание русинства. Русинство Бессарабии и Северной Буковины, попав под общероссийское воздействие, испытывало общий резонанс от процессов, протекавших в среде малороссийского массива населения.

Русины русского фронта Бессарабии и Северной Буковины испытывали серьезное воздействие со стороны двух составляющих. В качестве первой можно назвать мощные примордиальные реалии в виде аккультурационных и ассимиляционных процессов в среде русинского населения, импульс к развитию которых поступал со стороны восточнороманского населения, чему в немалой степени способствовало единоверие и поиск русинским населением духовного единства с родственными по религиозным воззрениям, наиболее близко проживающими молдаванами.

Вхождение Русской Буковины и Бессарабии в состав Российской империи, непосредственное контактирование с родственным, тогда малороссийским, сообществом и, наконец, государственная политика, направленная на унификацию этнического образа малороссов с великоросским сообществом в немалой степени способствовали стиранию этнической обособленности русинского самосознания в Бессарабии. В ходе буржуазных реформ самоидентификация русинов края развивалась в интеграционной связке с капитализирующимся и украинизирующимся во второй половине XIX в. населением малороссийских земель, на что начинают обращать внимание авторы конца XIX – начала XX вв. Причем эти процессы аккультурации в среде местного русинства шли в двух направлениях в сторону, прежде всего, молдаванизации, а также украинизации (В. Бутвич (5), Л. Берг (3) и др.)

Напомним, что еще в начале XIX в. единство взглядов на религиозную идентичность превалировало над иными видами идентичностей. Как справедливо отмечает И. Буркут, «многие буковинцы были выходцами из смешанных семей и владели, как минимум, двумя языками – их национальное самосознание отличалось определенной размытостью, нечеткостью. Над ним, как в средневековье, доминировало конфессиональное сознание. А общее для восточнороманского населения Буковины православие традиционно называлось здесь „волошской верой“. Отсюда и самоназвание „волохи“, содержащее не столько этнический, сколько конфессиональный смысл. Его рьяно поддерживали священники-румыны, которых назначали в этносмешанные села с целью румынизации славян» (4, с. 48-49). Кстати, при работе в экспедициях в украинском Буджаке автору не раз приходилось убеждаться в аналогичной практике украинских властей, назначающих в болгарские приходы священников, окончивших Львовскую духовную семинарию. Но это к слову...

Автор специально не касается этнических процессов, имевших место в Цислейтании, поэтому проблемы закарпатских русинов, их собратьев из Славонии и других регионов в данном контексте не затрагиваются.

Возвращаясь к сказанному выше, можно утверждать, что длительность совместного проживания на одной территории, а также религиозные миграции, особенно усилившиеся после Брестской унии 1596 г., способствовали участию русинов в этнической судьбе соседних народов: молдаван, румын и поляков. А последние, в свою очередь, не могли

не оказывать влияния на русинское население. Обобщая выводы, сделанные многими авторами XIX – начала XX вв. (А. С. Афанасьевым-Чужбинским, П. А. Несторовским, Л. С. Бергом), можно утверждать, что русинское население, попавшее под влияние восточнороманского компонента, в частности, оказалось в значительной степени подвергнуто ассимилятивным процессам. Дополняя данное утверждение, следует также констатировать, что русинское население Бессарабии и Буковины второй половины XIX – начала XX вв. оказалось в значительной степени подвержено и процессу украинизации.

Распространение украинской идентичности осуществлялось множественно, через активную миграцию в Бессарабию населения из регионов Украины в указанный период. В ряде исследований В. С. Зеленчука (10, с. 178-184) и В. М. Кабузана (12, с. 56) отмечается увеличение численности украинцев края, интенсивно заселяющих Бессарабию на протяжении XIX в., что особенно усилилось во второй его половине. Дополнительным фактором выступало расселение в Бессарабии XIX в. украинского казачества, прежде всего на юге.

В немалой степени распространению украинской идентичности среди русинского населения Северной Бессарабии и Буковины способствовали контакты русинов с жителями малороссийских территорий. Спасаясь от безденежья, русины отправлялись на заработки (фальчи), в частности в Подолию, Волынь и другие регионы Украины.

Тесному культурному малороссийскому влиянию способствовал такой региональный промысел русинов, как извоз. П. А. Несторовский в конце XIX – начале XX вв. оставил красочное описание быта русинов-фальчевников: «В таком обозе есть что-то старинное, чумацкое. Для полноты картины недостает только чумацких волов, которых буковинцы и другие русины для таких длинных поездок никогда не берут, заменяя их лошадьми» (20, с. 682). Для волов в Бессарабии не хватало земли для выпаса. Заставляла от них отказаться и их природная медлительность, непозволительная при перевозке скоропортящихся товаров, производимых в Бессарабии, в отличие от способных сохраняться долгое время, которые обычно перевозили украинские чумаки. Разбиваясь на мелкие группы, фальчевники разводили костер, на котором готовили «всегдашнее вечернее блюдо простолюдина-бессарабца – мамалыгу...», спали «тут же у повозок на голой земле, даже в дождливую пору» (21, с. 167-168).

Возвращаясь к вопросу этнической идентичности населения Западной Украины, необходимо отметить следующую ее особенность: вплоть до настоящего времени (озвучивания данного сообщения) там имеет место сочетание двуединого явления: борьбы за украинскую идею и отстаивание русского начала. И то и другое направление находили и продолжают находить своих сторонников (13). Феномен западноукраинской идентичности не может изучаться в однополярном измерении. Неправильным будет подобный подход и в отношении русинства, которое продолжает сохранять внутри себя множественную этническую идентичность.

Тема этнической идентичности населения, проживающего на пограничье восточнославянского мира, до настоящего времени выступает проблемой не только научных дискуссий, но и серьезных политических комбинаций, что, безусловно, характеризует вовлеченность в процесс формирования национальной идентичности конструктивистского начала, с одной стороны, и инструменталистского, с другой.

При этом сомнительной представляется попытка отдельных молдавских историков идеализировать идею о возрождении общерусского сознания в среде современного украинского сообщества в Республике Молдова. Речь идет о П. М. Шорникове (27, с. 151-177) и его идейном воспитаннике С. Г. Суляке (25; 26, с. 141-149), – современных продолжателей дела Я. Головацкого и Н. И. Ульянова (30) в Молдове. Как раз в данном случае речь идет о течении, которое сегодня оппоненты характеризуют как «политическое русинство» (32, с. 9-63; 15, с. 146-154).

Современные исследователи справедливо отмечают наличие в настоящее время двух тенденций в русинском движении: с одной стороны – движение народоведов-исследователей, с другой – политическую составляющую современного русинства (29, 14, с. 115), часто получающую подпитку извне.

В ряде своих работ мне приходилось неоднократно подчеркивать близость исторических судеб Бессарабии и Украины, и в этом разговоре не могу удержаться от сравнения схожести нового мобилизационного толчка, который произошел после развала СССР, дав мощный импульс возрождению украинского и русинского начала в Западной Украине и не менее показательному эквилибризму молдавской идеи, ищущей опору то в Кишиневе, то в столице самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики, где трудятся самые известные идеологи данного направления.

Я специально не затрагивал литературы, посвященной положению и состоянию русинства накануне Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии, считая, что данная тема требует отдельного рассмотрения.

Примечания

1. В литературе и интернет-ресурсах получила распространение точка зрения о том, что термин «руснак» (синоним «русин») является противопоставлением этнониму «поляк» (Кто такие русины? [дата обращения: 06.06.2018]. Режим доступа: <http://ya-rusin.com/kultura-rusinov/kto-takie-rusiny.html>; Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее // Международный исторический журнал «Русин». Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2007. Т. 10. С. 29-56. и др.). Думается, что в данном случае над объективностью доминирует попытка искусственного противопоставления двух славянских общностей, которые в истории действительно не раз пересекались, но самоназвание формировалось скорее в силу специфики словотворчества в славянских языках. Можно даже допустить, что данный термин мог возникнуть как подражание форме одного самоназвания другому. Впрочем, термин «руснак» имел региональное распространение, в частности в Бессарабии. Шире использовался термин «русин» – как в народе, так и в литературе.

Библиографические ссылки:

Литература на русском языке:

1. АНЦУПОВ, И. А. Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинев, 2000. 290 с. ISBN 9975-9561-2-2.
2. АРИНШТЕЙН, Л. От сепаратизма к самостийничеству. В: Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Грифон, 1966. 278 с.
3. БЕРГ, Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность, с десятиверстной этнографической картой Бессарабии. Петроград: Б. и., 1923. 59 с.
4. БУРКУТ, И. Историческая судьба галицкого и буковинского русинства. Финал. В: Русин, 2009, № 3 (17). С. 47-60. ISSN 1857-2685 (Print). ISSN 2345-1149 (PDF).
5. БУТОВИЧ, В. Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев: скоропеч. Х. Ю. Бурштейна, 1916. 59 с.
6. ВАЛЕНТИНОВ, О. Как Российская империя породила украинский национализм [дата обращения: 22.05.2018]. Режим доступа: <http://ruspravda.info/Kak-Rossiyskaya-imperiya-porodila-ukrainskiy-natsionalizm-32252.html>.
7. ДАРАГАН, М. Военно-статистическое обозрение Бессарабской области. СПб.: в типографии Департамента Генерального Штаба, 1849. 162, 90 с., 35 л. табл.
8. ДАРАГАН, М. Записки о войне в Трансильвании в 1849 году. СПб.: Издание Я. С. Исакова, 1859. 278 с.
9. ЗАЩУК, А. И. Этнография Бессарабской области. В: Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 491-588.
10. ЗЕЛЕНЧУК, В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. 287 с.
11. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. II. Письма 1848–1851 годов. М., Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. 466 с.
12. КАБУЗАН, В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Под ред. В. С. Зеленчука. Кишинев: Штиинца, 1974. 158 с.
13. КЛОПОВА, М. Э. Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 279 с.; ISBN 978-5-91674-412-5.
14. КОЖОЛЯНКО, Г., КОЖОЛЯНКО, А. Исследование этнополитических процессов в Украине. Буркут І. Русинство: Минувле і сучасність. Чернівці. Прут, 2009. В: Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. VII. Chișinău, 2010. С. 113-116. ISSN 1857-2049.
15. КОЖУХАРЬ, В. Г. К вопросу о «политическом русинстве» в Молдове. В: Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. 1. Chișinău, 2006. С. 146-154. ISSN 1857-2049.

16. КУПЧАНКО, Г. И. Некоторые историко-географические сведения о Буковине [Песни буковинского народа]. Киев: тип. М. П. Фрица, 1875. 314 с.
17. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Обзорение Бессарабской области. Составитель – Генерального штаба капитан А. Зашук. СПб.: тип. Э. Веймера. Ч. II. 1862. 274 с.
18. Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. Составитель – Генерального штаба капитан А. Зашук. СПб., 1863. 345 с.
19. НЕСТОРОВСКИЙ, П. А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава: Сатурн, 1905. 174 с.
20. НЕСТОРОВСКИЙ, П. А. По русской Буковине (Путевые заметки). В: Исторический вестник, 1908, год 29, Т. СХІІ. С. 671-706.
21. НЕСТОРОВСКИЙ, П. А. На севере Бессарабии. Варшава: Сатурн, 1910. 207 с.
22. ПАШЕВА, Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Тип. ГПИБ, 2001. 201 с. ISBN 5-85209-100-6.
23. ПЫПИН, А. Н. История русской этнографии. Т. II. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1891. 428 с.
24. Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского) под ред. П. В. Быкова. Т. VIII. Изд. 2-е, просмотренное и исправленное. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. СПб.: Герман Гоппе, 1893. 420 с.
25. СУЛЯК, С. Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Науч. ред. П. М. Шорников. Кишинев: Издательский дом «Татьяна». 2004. 240 с. ISBN 9975-948-24-3.
26. СУЛЯК, С. Этнокультурная идентичность русинов Севера Молдавии. В: Русин, 2006, № 4 (6). С. 141 – 149. ISSN 1857-2685 (Print); ISSN 2345-1149 (PDF).
27. ШОРНИКОВ, П. М. Парабола забвения: этническое самосознание русинов Молдавии в XX – начале XXI века. В: Русин, 2005, № 2 (2). С. 151-177. ISSN 1857-2685 (Print); ISSN 2345-1149 (PDF).
28. ЩАВИНСКАЯ, Л. Л. Яков Головацкий как исследователь восточнославянских культур. В: Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре/ Отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: ИСл РАН, 2014. 360 с. ISBN – 978-5-7576-0307-0.

Литература на украинском языке:

29. БУРКУТ, І. Русинство: Минувле і сучасність. Чернівці: Прут, 2009. 384 с. ISSN 0130-6936.
30. ДАШКЕВИЧ, Я. Р. Дві рецензії. Чи існує український сепаратизм? [дата обращения: 02.03.2018]. Режим доступа: https://keui.files.wordpress.com/2010/12/17_dashkevich.pdf с. 184 и др.
31. КАЙНДЛЬ, Р. Ф. Гуцули: їх життя, звичаї та народні перекази. Чернівці: Молодий буковинець, 2000. 208 с. ISBN 966-7109-20-8.
32. МИШАНИЧ, О. Політичне русинство: історія і сучасність. Ідейні джерела закарпатського регіонального сепаратизму. В: Українці – русини: етнолінгвістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку. Голов. ред. Г. Скришник, НАН України, МАУ, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського. Київ, 2013. С. 9-63. ISBN 978-966-02-6767-1.
33. ФРАНКО, Іван. Олександр Степанович Афанасьєв-Чужбинський: Зібрання творів у п'ятидесяти томах. Літературно-критичні праці 1911–1914. Т. 39. Київ: Наукова думка, 1983. С. 23-30.
34. Хроніка заборон української мови. [дата обращения: 03.04.2018]. Режим доступа: https://zaxid.net/hronika_zaboron_ukrayinskoyi_movi_n125781.

PATRIMONIUL CULTURAL AUSTRIAC
PE TERITORIUL BASARABIEI ISTORICE
ȘI AL REPUBLICII MOLDOVA

AUSTRIAN CULTURAL HERITAGE
AT THE TERRITORY OF HISTORICAL
BESSARABIA AND THE REPUBLIC OF
MOLDOVA

АВСТРИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ НА ТЕРРИТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕССАРАБИИ
И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Moderator:
Veronica COSOVAN,
Biblioteca Națională a Republicii Moldova

P. 50 Imagine:
Muzeul Național de Artă al Moldovei, clădirea istorică Casa Herța (1903-1905, arhitect Heinrich von Lonski)
National Museum of Arts of Moldova, a historical building of Hertsa House (1903-1905, the architect Heinrich von Lonski)
Национальный музей изобразительных искусств Молдовы, историческое здание дома Херца (1903-1905, архитектор Генрих фон Лонский)

Cartea românească tipărită în Imperiul Austriac: din colecțiile Bibliotecii Naționale

Abstract: Studiul de față scoate în evidență viața culturală a românilor din Transilvania în primele decenii ale secolului al XVIII-lea. Este trecută în revistă experiența iluministă a intelectualilor ardeleni care au contribuit la dezvoltarea producției editoriale în oficiile tipografice din afara spațiului românesc, precum cel de la Buda. Autoarea valorifică producția tipografică a centrului tipografic de la Buda care a cunoscut o largă arie de răspândire în Moldova, inclusiv Basarabia. Accentul final al studiului anunțat este pus pe schimbul valorilor culturale realizat prin circulația cărților în cele patru provincii istorice: Transilvania, Muntenia, Moldova și Dobrogea.

Cuvinte-cheie: secolele XVIII-XIX, Iluminism, carte religioasă veche, Imperiul Habsburgic, intelectuali ardeleni.

Abstract: Study highlights the cultural life of the Romanians in Transylvania in the first decades of the 18th century. The Enlightenment experience of the Transylvanian intellectuals who contributed to the development of the editorial production in the printing houses outside the Romanian space, such as Buda, is reviewed. The author reevaluates the typographic production of the Buda Typographical Center, which has a wide area of spreading in Moldova, including Bessarabia. Study finally focuses on the exchange of cultural values through the circulation of books in the four historical provinces: Transylvania, Muntenia, Moldova and Dobrogea.

Keywords: 18th-19th centuries, Enlightenment, old religious books, Habsburg Empire, Ardeal intellectuals.

La sfârșitul secolului al XVII-lea, Europa a fost supusă unor schimbări, ca urmare a framântărilor politico-militare, socio-economice și culturale de la acea vreme [2, p. 3]. Este perioada când Transilvania a intrat în componența Imperiului Habsburgic, un scop nutrit mai bine de 150 de ani. Cercetătorii consideră că schimbarea a fost un act revoluționar pentru populația românească din teritoriul respectiv, tratat în decursul mai multor decenii ca o problemă complexă.

Incorporarea Transilvaniei în Imperiul Habsburgic, care de altfel a decurs pașnic, fără utilizarea armelor, a însemnat reorganizarea administrației, în domeniul vieții sociale, juridice, economice, militare, religioase și culturale. A fost influențată și activitatea tipografică. Este perioada când în Transilvania, în diverse orașe, sunt înființate tipografii, conduse de tipografi renumiți formați în Europa Centrală, cum este cazul sasului sibiian Johann I Barth. Cercetarea cărții românești transilvănene este un capitol aparte a istoriei culturii românești, cercetată de Eva Mârza, Ioan Chindriș, Anca Elisabeta Tatay, Otilia Urs etc.

Primele acte editoriale din Transilvania habsburgică aveau să apară odată cu semnarea în 1699 a De-

Veronica COSOVAN,
șef secție Carte veche și rară
Biblioteca Națională a Republicii
Moldova

Head of the Old and Rare Books
Section, National Library of the
Republic of Moldova

заведующая отделом старой и
редкой книги, Национальная
библиотека Республики
Молдова

clarației de Unire a românilor transilvăneni cu Biserica Catolică [1, p. 11]. Unirea cu Biserica Romei, a deschis calea românilor spre Europa Occidentală, beneficiind de posibilitățile de îmbunătățire a actului instructiv-educational.

Experiența iluministă a intelectualilor ardeleni a contribuit la dezvoltarea producției editoriale în officinele tipografice din afara spațiului românesc, la Buda sau Viena. În acest context putem aminti rolul lui Ioan Molnar-Puiu, medic oculist de profesie, care a finanțat tipărirea a două ediții a *Mineilor*, în 12 volume, la Buda, în 1804-1805.

**Maria Terezia a Austriei
1717-1780**

Tipografia Universității din Buda a funcționat timp de mai multe decenii. Istoria acestei importante instituții începe în 1777, când Maria Terezia a mutat la Buda, pe lângă Universitatea din Pesta, Tipografia Universității din Tirnavia – Slovacia, fondată de episcopul de Pécs, Telegdi Miklós, în 1577. Tipografia a dobândit o importanță majoră în cultura naționalităților

**Tipografia Universității din Buda,
Piața Szentharomsag 6**

care conlocuiau pe teritoriul de atunci al Ungariei, dar și pentru cultura popoarelor învecinate. Printr-un decret semnat în 1779 de regina Ungariei, Maria Terezia, tipografia universitară a obținut privilegiul de a edita marea majoritate a cărților pentru cele șaisprezece minorități din Ungaria, printre care și români. Tipăriturile bisericești, manualele școlare, publicațiile științifice și cărțile de propagare a cunoștințelor dețineau întâietatea în planul de editare al tipografiei, deoarece se cotau cel mai bine pe piața de desfacere. Între anii 1804-1848, Tipografia de la Buda a contactat cu depozitele de carte din 80 de orașe. Literatura religioasă și manualele didactice

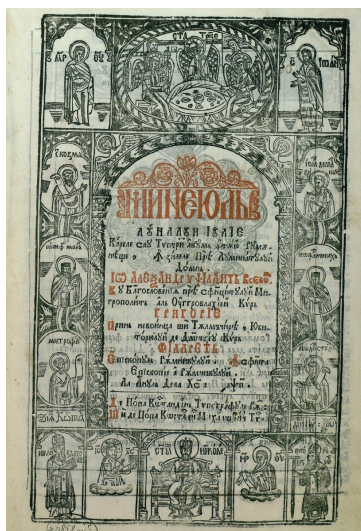
Samuil Micu
1745-1806

alcătuiau 90% din producția editorială. O bună parte a acestor publicații erau tipărite, conform tradiției de atunci, cu caractere chirilice, dar s-au publicat și scrieri românești cu caractere latine. Primele cărți în limba română au început să fie editate în anul 1780, cu alfabet latin, dar cu ortografie maghiară. Acest lucru avea să se întâmple până în 1795, când au fost cumpărate litere chirilice de la tipografia lui Ștefan Novacovici din Viena. În perioada 1780-1830, au fost scoase de sub teascurile tipografiei mai mult de 200 de volume românești. Conform unui studiu al lui Miskolczy Ambrus, din aceeași perioadă, tipografia respectivă se plasa pe locul trei din punct de vedere al cantității producției editoriale, după oficiile din București și Iași. Însă, în intervalul dintre anii 1801-1830, tipografia de la Buda le-a devansat, plasându-se pe locul întâi, editând 190 de titluri în limba română. Cu privire la această statistică, Miskolczy Ambrus spunea: „Cantitatea era însoțită de o calitate de necontestat”.

Având tipografie, universitate și bibliotecă, Buda a devenit cel mai puternic centru cultural din Europa de Est de la sfârșitul secolului al XVIII-lea. Activitatea prodigioasă a tipografiei, mai cu seamă a secției de carte românească, s-a datorat cenzorilor și corectorilor, care erau iluștri reprezentanți ai Școlii Ardelene – Samuil Micu, Gheorghe Șincai, Petru Maior, Ioan Piuariu-Molnar.

Legăturile celui din urma cu tipografia de la Buda au fost prin importanța lor profitabile din ambele părți. Aceste legături i-au asigurat lui I. Piuariu-Molnar un loc important în conducerea tipografiei, ajungând să fie un fel de „consilier” pentru cartea românească. În 1802, acesta semnează un contract de tipărit în valoare de 12 000 de florini, pentru editarea a 12 volume de *Mineie*. La baza ediției de la Buda au stat *Mineiele* de la Râmnic ale episcopilor Chesarie și Filaret.

Mineiele de la Buda nu sunt doar o compilație a celor de la Râmnic, ci au fost revizuite de episcopul Iosif de Argeș, la rugămintea lui I. Piuariu-Molnar, care a îndreptat greșelile strecurate mecanic.

Mineiul lunii iulie.
Râmnic, 1780

Episcopul Chesarie, în timpul traducerii *Mineielor* din greacă, a confruntat traduceri *Mineielor* editate la Buzău în 1698 de cronicarul muntean Radu Greceanu și traduceri *Sinaxarelor* efectuate de mitropolitul Moldovei Dosoftei. În comparație cu Radu Greceanu, care n-a tradus decât parțial textul, partea ce se cânta lasându-l în original, atunci episcopul Chesarie a tradus tot textul, fără a interveni esențial în stilistica textului. Până la el traducerea totală a lucrărilor din greacă nu este cunoscută. Chiar și Antim Ivireanu, în prefața *Psaltirei* editată de dânsul la Târgoviște în 1710, atenționează că: „Înadins am pus acești doi psalmi [134 și 135] slavonește, pentru darea îndemâna cântării”. După părerea lui N. Cartoian, traducerea vechilor cărți slavone și grecești în română, implică o problemă de ordin muzical.

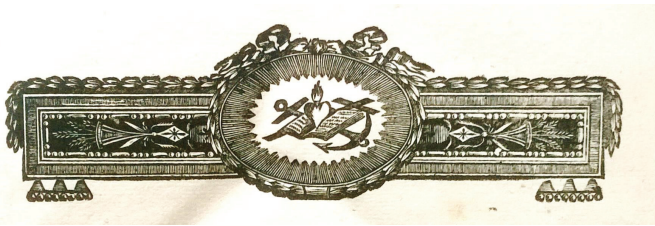
Poate că astăzi nu mai este atât de important de făcut o caracteristică fizică a cărților, însă, în ce privește documentele vechi, cercetarea, analizarea elementelor fizice, a materialului introductiv, prefețelor, ne oferă date despre condițiile în care acestea au apărut, gândurile adresate cititorilor din partea celor ce s-au trudit asupra lor. Atât prefețele, cât și epilogurile sunt adevărate surse istorice în stabilirea anumitor realități.

Drept exemplu sunt prefețele *Mineielor* sus-menționate, în care episcopul Chesarie, predecesorul erudiților Școlii Ardelene, folosește cunoștințe variate de teologie, istorie, astronomie, din dorința de a trezi conștiința națională în rândurile oamenilor simpli prin biserică. Valoarea *Mineielor* a fost pusă în evidență de mai mulți reputați savanți, istorici și cercetători în domeniu. S-a scris foarte mult despre aspectul istoric abordat în prefețe, despre faptul că au fost și sunt un mijloc de afirmare națională și propășire culturală din secolul al XVIII-lea. N-a fost trecut cu vederea nici aspectul grafic al monumentalelor capodopere. Gravurile apărute în edițiile românești de la Buda sunt foarte complexe din punct de vedere al simbolisticii și au dat mult de gândit atât oamenilor de la acea vreme, cât și celor din prezent.

Minea lunii februarie.
Buda, 1805

Pe lângă cele 8 imagini cu tematică religioasă, tipăriturile de la Buda sunt împodobite cu multe frontispicii și viniete, cu tematică diversă. Este relevantă apariția unor elemente care au legătură cu francmasoneria, elemente ce pot fi observate chiar în cadrul foii de titlu. Dacă în varianta râmniceană se întâlnesc elemente baroce brâncovenești, în cea de la Buda gravura este mai clară și mai simplă fiind utilizată gravura în lemn și metal. Coloanele reprezentate în varianta budeană se aseamănă mai mult cu Coloana lui Solomon – element masonic vechi, ce sunt înfășurate de o ghirlandă vegetală. E știut că simbolurile regnului vegetal la masoni reprezintă începuturile gândirii și exprimării. Frontispiciul de pe prima foaie reprezintă o compoziție alcătuită din: o carte deschisă lângă o ancoră, pe care se află o inimă palpitând. Conform simbolisticii ascunse, cartea reprezintă cunoștințe, ancora – speranța, iar inima – iubire.

Frontispiciu compozițional alcătuit din: cartea deschisă, ancoră și inimă

În cadrul frontispiciilor și vinițelor se mai întâlnesc și alte simboluri de acest gen, cum ar fi ochiul atotvăzător, care în erarhia masonică era acordat ucenicilor de gradul întâi. În compoziția frontispiciului ce înfățișează Sfânta Treime, se găsesc așa elemente cum ar fi sfera de care este sprijinit Dumnezeu-Fiul și hulașul cu aripile deschise, ce repetă forma triunghiului care emană raze. Sfera reprezintă puterea asupra omenirii, pe când triunghiul înflăcărat – unul dintre elementele principale masonice, care deseori este înlocuit cu o piramidă.

Xilogravura „Fariseul și vameșul” reprezintă interiorul unui templu, pardoseala căruia este alcătuită din dale dispuse oblic. Sigur că acest fapt poate fi interpretat și ca detaliu pentru obținerea unui efect decorativ vizual, dar e cunoscut faptul ca acest gen de podea e specific încăperilor unde au loc întâlnirile reprezentanților masoneriei. Un alt element masonic este și ramura de acant ce reprezintă nemurirea sufletului. Scara, soarele și luna, craniul au și ele interpretări masonice.

Frontispiciu „Sfânta Treime”

Interpretarea acestor simboluri este discutabilă. Ele pot fi explicate și prin prisma concepțului religios. Însă, în cazul *Mineielor* de la Buda, prezența acestor simboluri își are explicația ei. E cunoscut faptul că cel care le-a editat, și anume I. Piuariu-Molnar, a fost membru a Lojii Masonice de la Sibiu „Sf. Andrei la cele trei frunze de nufăr”, înființată în 1776. Fiind cunoscută ca cea mai prosperă și puternică asociație de acest tip din Transilvania. Molnar a fost atras în lojă în 1774 de Jean Louis Carra, revoluționar francez, care în 1777 a publicat *Istoria Moldovei și a Țării Românești*, cu ample mărturii despre societatea românească de la sfârșitul secolului al XVIII-lea. În 1781, Molnar este inițiat în gradul I, în 1783 – gradul II, iar în 1784 – gradul III. Meritul lui Molnar în tipărirea și răspândirea cărților religioase este unul primordial. Inițial, acest proiect editorial a fost conceput de Constantin Hagi Pop, cunoscut negustor sibian, cel care l-a aprovizionat pe episcopul Chesarie de Râmnic cu *Enciclopedia* lui Diderot, cât și cu periodice franceze și germane. Însă ideea acestuia rămâne nerealizată din cauza decesului survenit, fiind preluată mai târziu de Molnar, finul său de cununie. După 1804, când s-au tipărit cele 1000 de exemplare ale *Mineielor*, acestea s-au răspândit atât de repede în Transilvania, cât și în Țara Românească, încât, în 1805, tirajul a trebuit să fie repetat. Văzând că crește cererea de carte religioasă, Molnar s-a gândit să tipărească și alte cărți de cult. Astfel, în 1811-1812 apare tot la Buda un *Octoih* și o *Evanghelie*. *Octoihul* a fost redactat de monahul Grigorie, viitorul mitropolit al Ungro-Vlahiei între 1823-1834, discipolul lui Paisie din Lavra Neamțu. Prin

acest fapt putem demonstra relațiile constante și continue între țările române, relații care au asigurat atât circulația cărților, cât și a mijloacelor tehnice, a stilului tipografic, a ideologiilor timpurilor. Asta ar explica elementele comune, identice sesizate în gravura *Mineielor* editate la Mănăstirea Neamț, în care se regăsesc, de asemenea, elemente masonice.

În activitatea sa de editor, Molnar a fost secondat de mitropolitul Iosif al Argeșului, unul dintre cei mai distinși cărturari ai veacului său. Pentru această faptă Molnar a mai cerut și aprobarea mitropolitului de Carloviț, Ștefan Stratimirovici, care i-a dat „blagoslovenia” sa, fapt confirmat pe pagina de titlu a *Mineielor*.

Mineiele respective au cunoscut două variante: una pentru românii din Țara Românească, alta pentru cei din Transilvania, diferența fiind sesizată pe pagina de titlu, unde pentru românii din Țara Românească e menționat domnitorul Alexandru Ipsilandi, pe când pentru cei din Transilvania figurează numele lui Iosif al II-lea, succesorul Mariei Terezia.

Autorul român Mircea Popa, în monografia sa dedicată vieții și activității lui I. Piuariu-Molnar, afirmă că acesta s-a folosit de orice prilej, fie el politic sau economic, pentru a ușura situația grea a poporului său și pentru a activa liber și nestingherit de nimeni, ca un adevărat patriot pus în slujba neamului. Numai așa poate fi explicată aderența sa la mișcările novatoare specifice secolului XVIII considerat secolul luminilor. Până și N. Iorga, în lucrarea *Istoria Românilor din Ardeal și Transilvania*, care era foarte rezervat față de cărturarul ardelean, a recunoscut că Molnar a fost omul care a simțit pulsul timpului și l-a devansat în multe privințe.

În încheiere, vreau să menționez că *Mineiele* de la Buda, depozitate în cadrul Secției de carte veche și rară, sunt cele mai multe la număr și mai complete în comparație cu cele din alte biblioteci din republică. Ele reprezintă rămășițele faptelor și sufletului generațiilor trecute, ce trebuie puse în circulație publicului larg, pentru a nu dispărea în furtunile timpului.

Referințe bibliografice:

1. Cartea românească veche în Imperiul Habsburgic (1691–1830): Recuperarea unei identități culturale. Cluj-Napoca, 2016. 1016 p. ISBN 978-606-543-733-3.
2. CORNEL, Maria. Carte românească veche în tipografia dinastiei Bart: autoreferat al tezei de doctor. Alba Iulia, 2011. 33 p.

Клуб Винцентиса Фукса в социокультурном пространстве Кишинева 1820-х гг.

Abstract: Clubul ca element al vieții cotidiene a orașului și ca o formă specifică pentru petreceri de răgaz ale orașenilor reprezintă un interes deosebit pentru cercetarea vieții sociale a Chișinăului. Fondarea culturii legate de apariția și dezvoltarea cluburilor a fost influențată de originarii din Austria. Istoria primului club din Chișinău este cercetată în contextul dezvoltării mediului socio-cultural al orașului din anii 1820.

Cuvinte-cheie: club, Chișinău, cetățenii Austriei.

Abstract: Club as an element of everyday life of a town, as well as a special form of free time spending for citizens, as a part of the social life of Kishinev, is of great interest for studying. The club's culture here was influenced by the Austrian citizens. History of the first Kishinev club is investigated in the context of development of social and cultural sphere of our town during 1820s.

Keywords: club, Kishinev, Austrian citizens.

Жизнь и деятельность выходцев из Австрии в Бессарабии XIX в. мало привлекала внимание исследователей. Между тем, изучение роли иностранцев в экономической и культурной жизни края сулит, на наш взгляд, немало открытий. Этот тезис хорошо иллюстрирует вклад австрийских подданных в развитие клубных заведений Кишинева.

Первую страницу истории кишиневских клубов открывает «зала клубная», построенная в 1820 г. австрийским подданным Винцентисом^x Фуксом. Обстоятельства его приезда неизвестны, по всей видимости, они связаны с дарованными манифестом Александра I от 14 августа 1814 г. налоговыми льготами для купцов и торговцев, желавших поселиться в новоприобретенном крае. Благоприятные условия вызвали большой наплыв переселенцев из Австрии (4, с. 60), ближайшей соседки Бессарабии, с которой издавна сложились торговые связи. Наиболее обширное поле для разного рода начинаний людей с капиталами представлял Кишинев, получивший статус административного центра области.

Город «только выходил из своего сельского состояния». Этот переходный момент знаменательно отразился в кишиневской топографии, более века сохранявшей деление на старый и новый город. Нижняя, «азиатская» часть с хаотично разбегавшимися по узким кривым улицам домиками резко отличалась от планируемой по европейскому образцу

Ольга ГАРУСОВА,
научный сотрудник,
Институт Культурного Наследия
АНМ

Scientific Researcher, Institute of
Cultural Heritage, Academy of
Sciences of Moldova

cercetător științific, Institutul
Patrimoniului Cultural, AȘM

верхней территории. К началу 20-х гг. обозначился центр нового города. Появились неведомые старому Кишиневу общественные здания – митрополия, семинария, госпиталь, острог... Открываются кофейни и модные магазины. На широких прямых улицах возводятся каменные особняки местной знати, большие комфортабельные дома чиновников – «все это не столичные палаты, но и не уступали общим губернским зданиям» (9, с. 1218). Изменение пространственной среды выразилось в определенных формах городской бытовой культуры, прежде всего в проведении досуга. Кишинев знакомится с такими «благородными наслаждениями», как балы и танцевальные вечера, посещение театра, устроенного в доме титулярного советника Тодора Крупенского, публичные гулянья в саду.

Яркой приметой наступления новой эпохи в жизни Кишинева стал «клубный дом» Винцентиса Фукса.

В XIX в. понятие клуб толковалось расширительно, подразумевая «особого рода общества или собрания, само собрание, а также здание для общественных собраний» представителей одного социального слоя, чьи «цели могут быть до крайности разнообразны, начиная от удовольствий и кончая стремлениями политическими, научными, художественными, литературными» (7, с. 424). Не случайно, первое в Кишиневе «здание для общественных собраний» появилось по инициативе иностранца. Возникновение клубов в Российской империи связано с выходцами из Германии, Англии, Голландии, создавших в XVIII в., сначала в Петербурге, затем в Москве «особого рода общества» по образцу европейских. Мода на клубную жизнь распространялась быстро, и в большинстве российских городов возникают либо постоянные дворянские собрания, либо здания для них. Отсутствие таковых считалось существенным изъяном. Современник с удивлением отмечал, что в большой и многолюдной Одессе в 1820-е гг. «не было того, что можно найти во всяком, даже небольшом губернском городе: в нем не было так называемого благородного собрания или клуба, куда общество зимой еженедельно съезжается, чтобы повеселиться и потанцевать; не было простого клуба, где бы мужской пол длинные зимние вечера мог проводить за картами» (2, с. 1087).

«Жительствующий в г. Кишиневе иностранец Фукс» верно угадал необходимость в заведении, которое отвечало бы потребности местного общества, состоявшего из «нескольких, довольно резких отделов»: чиновников местного управления и канцелярии начальника области; молдавских бояр и помещиков; офицеров Генерального штаба и квартировавшей в городе 16-й пехотной дивизии (13, с. 1125). Публичных мест для общения и досуга было немного. Время проводили в домашнем кругу у общих друзей, в трактирах и кофейнях, где можно было пообедать и сыграть в бильярд. В мемуарах упомянуты расположенные в «старом» городе кондитерская Марко Манчини, трактир Антонио, заезжий двор Голды, ресторация Николетти. Из светских развлечений особо популярны были балы и «неразлучная» с ними карточная игра. Танцевальные вечера с участием всех слоев местного общества регулярно устраивались вице-губернатором Матеем Крупенским и членом Верховного совета Иордаки Варфоломеем. В домах «на европейской ноге» и строго соблюдавших светский этикет аристократических семейств, например, князя Александра Кантакузина, на балы приглашались лишь избранные лица; «здесь нельзя было встретить того же попури общества, что у Крупенского и Варфоломея».

В проекте Фукса кишиневская дума увидела «выгоды здешней публики» и в январе 1820 г. с ним был заключен контракт на постройку «с дозволения начальства в здешнем городском саду собственным иждивением каменного дома для содержания в оном клуба». В апреле строительство завершилось, «употребив на сие значительную сумму, гораздо превышающую то количество, которое полагалось при предпринятии означенной постройки» (11, с. 1). Согласно контрактным условиям, здание должно было использоваться Фуком в течение двенадцати лет исключительно для клубных целей, а по истечении срока переходило «в пользу города в надлежащей прочности». Владелец обязывался ежегодно вносить по 100 рублей ассигнациями на богоугодные заведения,

а также помещение бесплатно предоставлять для выборов членов городской думы. В качестве «привилегии» предоставлялось «содержание одному ему клубов в Кишиневе» (11, с. 2).

Место для клубного дома было выбрано с точным коммерческим расчетом. Распланированный за два года до постройки публичный сад мало-помалу становился популярным у горожан, потенциальных посетителей заведения Фукса. Тогда он представлял собой лишь две-три аллеи акаций, но в перспективе обещал превратиться в излюбленное место гуляний. Клуб, фасадом обращенный на нынешнюю улицу митрополита Бэнулеску-Бодони, находился «на одной линии» с митрополией и духовным училищем. Построен, он был, по определению современника, в виде «галереи», т.е. открыт с одной из сторон. Внутри здания центральную часть занимала большая танцевальная зала, вокруг которой располагались буфет, кондитерская лавка, бильярдная, игровая комната. Таким образом, посетителям предлагались, возможные по кишиневским условиям, принятые в светском быту развлечения.

Открытый в мае 1820 г. клубный дом Фукса стал первым и некоторое время единственным в «верхнем» городе заведением «рода ресторации», кофейни или, как его еще именовали, казино.^{xxx} До нынешнего времени в разного рода публикациях его часто называют Зеленым трактиром, что, не соответствуя реальности, порождает топографическую путаницу (7, 8, 13).^{xxx} Приезжие первым делом спешили в клуб. Здесь можно было встретить общих знакомых по Петербургу, Москве или Одессе, завести новые знакомства, к чему в особенности располагала карточная игра. «Скучная, порою, жизнь в Кишиневе сама подводила к зеленому столу. Играли обыкновенно в штос, экарте, в банк» (Бартенев). Особенно часто клуб посещали военные, много способствовавшие оживлению города. «Без этой блестящей молодежи тогдашнего кишиневского общества бал не в бал, вечер не в вечер» (3, 180). Осенью и зимой балы устраивались по подписке или с входной платой. В особо торжественные и праздничные дни в клубе собиралось все местное общество.

Частым посетителем заведения Фукса был А. С. Пушкин, приходивший сюда с приятелями. Первое его появление 22 сентября 1820 г. зафиксировал И. П. Липранди: вечером в клубе «увидел новое вошедшее лицо с адъютантом Инзова, майором Малевинским, спросил его о нем и получил ответ, что «это Пушкин, вчера прибывший в штат генерала» (9, ст. 1263). Заметим, что, благодаря воспоминаниям современников о пребывании поэта в Кишиневе, сохранились многие выразительные черты жизни клуба, как, впрочем, и города, той поры. «В кишиневском Казино на то время еще не было принято никаких определительных правил, – писал В. П. Горчаков, – каждый, принадлежавший к так называемому благородному обществу, за известную плату мог быть посетителем Казино; порядком танцев мог каждый из танцующих располагать по-произволу; но за обычными посетителями, как и всегда, оставалось первенство, конечно ни на чем не основанное» (3, с. 193). Военные же чувствовали себя хозяевами положения. Клубные нравы объясняют получивший всевозможные толки в городе инцидент между поэтом и полковником Старовым. На одном из вечеров «один молодой егерский офицер приказал музыкантам играть русскую кадрили, но Пушкин еще раньше условился с Полторацким (очевидно, распорядителем бала – О. Г.) начинать мазурку, захопал в ладоши и закричал, чтоб играли ее. Офицер-новичок повторил было свое приказание, но музыканты послушались Пушкина, которого они давно знали, даром, что был не военный и мазурка началась. Полковник Старов все это заметил и, подозревая офицера, советовал ему требовать, чтобы Пушкин по крайней мере извинился перед ним.

Застенчивый молодой человек начал мяться и отговариваться тем, что он вовсе не знаком с Пушкиным. «Ну, так я за вас поговорю!» – возразил полковник, и, после танцев подошел к Пушкину с вопросами, вследствие которых на другой день положено было поединку», который разрешился примирением обеих сторон (13, ст. 1166). По Горчакову, музыканты «приняли команду Пушкина, потому ли, что он и по их понятиям был

не то, что другие фразники, или потому, что знали его лишь, как частого посетителя». Между тем, с точки зрения светского этикета, прав был поэт; не суть важно мазурка или кадрили открывали бал, имело значение то, что последовательность танцев была определена заранее.

Во время гетерии в Бессарабию хлынули жители из Придунайских княжеств и Константинополя. С притоком знатных беженцев «общество особенно предавалось веселостям» и клуб Фукса стал числиться «постоянным собранием для танцев» (9, ст. 1244).

Сделав все возможное для приятного досуга публики, Винцентис Фукс естественно ожидал от своего предприятия прибыли. Судя по тому, что клуб пользовался популярностью, дело шло неплохо. Однако летом 1822 г. Фукс обратился в городскую думу с прошением передать в его ведение публичный сад, мотивируя тем, что «по нерадению» садовника, парк не только «не приводится в цветущее положение, но приходит в расстройство», вследствие чего он «терпит убыток» (11, с. 15). Возможно, с окончанием гетерии, количество посетителей и уменьшилось. Однако тем же летом современниками отмечалась большая посещаемость сада, в особенности в хорошую погоду и в праздничные дни. Или расчет содержателя клуба не вполне оправдался, или он предполагал расширить свой коммерческий проект, как бы то ни было, его прошение было удовлетворено с условием, чтобы он «лично наблюдал и улучшал состояние сего городского заведения с сохранением притом наилучшего удовольствия публики» (11, с. 15). Имея в виду «несомненное доставление желаемой общей пользы», Фукс обязался сад обустроить, выбрать садовника, которому, сверх положенного жалованья, готов был доплачивать по 100 руб. в год. Но исполнить план ему не удалось. В конце 1823 г., по семейным обстоятельствам, связанными со смертью жены, он возвращается в Австрию. Перед отъездом Фукс предложил купить клубный дом за 9 тысяч левов с оплатой за 3 года вперед для чертежной офицеров Генерального штаба, производивших топографические съемки в Бессарабии. Однако кишиневская дума решила не менять назначение клубного здания.

В отсутствие арендатора клуб приходил в запустение, пока осенью 1824 г. на него не обратил внимание член Верховного совета от короны, впоследствии вице-губернатор Бессарабии Ф. Ф. Вигель. В «мрачное холодное осеннее время, располагавшее к ипохондрии, – писал он, – мне вдруг пришло в голову заняться бездельем, дабы по возможности разогнать тоску вокруг меня, царствующую в целом городе» (2, с. 1141). Под «бездельем» подразумевалось возобновление в клубе балов по подписке в течение зимы до Великого поста. Регулярные танцевальные вечера преследовали не только приятное препровождение времени. «Пристрастный к Западу, к его просвещению, его общежительности», Вигель ставил целью объединить различное по образу жизни, вкусам и привычкам разноплеменное местное общество, приблизив его к «нравам европейским» испытанным способом: «во всех землях, куда проникает европейское просвещение, первым делом его бывают танцы, наряды и гастрономия» (2, с. 1142).

Найдя в Кишиневе «некоего Жозефа» и выяснив «из бумаг и аттестатов его, что он находился поваром и метрдотелем сперва у герцога Ангальдт-Кетен-Плесского, а потом у принцессы Элизы Бачиоки, сестры Наполеона», Вигель предложил ему стать «содержателем сих балов с условием, что сбор с посетителей будет весь ему принадлежать, но зато отопление, освещение и даже некоторые поправки в зале, должны быть за его счет. Он на все охотно согласился» (1, с. 1141). «Некий Жозеф» был австрийским подданным Жозефом Фарни, попавшим в Россию, возможно, во время наполеоновских походов. По утверждению Липранди, он служил метрдотелем у наместника Бессарабской области А. Н. Бахметева, с которым, возможно, и прибыл в Бессарабию.

Идею Вигеля охотно поддержали военные. Начальство даже пообещало «не слишком строго взыскивать с молодых офицеров за несоблюдение формы на сих вечеринках. С его же соизволения полковник Остафьев даром дал свою полковую музыку». Со стороны молдавской знати содействие оказала влиятельная г-жа Богдан. Убедить «молодых кукол и кукониц участвовать в сих увеселениях [...] было ей не трудно, ибо им самим до

смерти хотелось танцевать». Поначалу лишь немногие бояре согласились отпускать жен и дочерей в клуб. На первом балу присутствовало около полутора десятка человек, но зимой «число посетителей обоего пола доходило иногда до трехсот» (1, с. 1142).

Очевидно, клуб приносил доход, и Жозеф Фарни в июне 1825 г. стал его держателем, обязавшись выплатить сыну Фукса в течение четырех лет 6 тысяч левов. В контракт о найме дома на прежних условиях был включен новый пункт, по которому, «вместо исключительного употребления сего дома для клуба будет оный сверх клуба превращен в кассино – заведение не менее полезное для публики и довольно приличное для расположения его в этом месте» (11, с. 16). Вскоре в клубе открылся ресторан, где устраивались именинные обеды и банкеты^{xxxx}.

В конце 1826 г. Фарни задумал преобразовать свое заведение в «увеселительный благородный клуб», где местные и приезжие дворяне и помещики могли бы не только приятно, но и с пользой для себя проводить свободное время. С этой целью планировалось устроить библиотеку и журнальный зал, а само здание расширить. Однако открытию «благородного клуба» помешала целая вереница печальных событий. Во время длительного траура по императору Александру I были запрещены все развлечения. Затем началась эпидемия чумы, торговля упала. Фарни не имел никакого дохода, выручки не хватало даже на жалованье служащим. В 1830 г. зимой землетрясением были разрушены печи, а в июне сильная буря с ливнем повредила потолок, крышу, стены, окна дома. За счет города дом был отремонтирован. Однако через год из-за дождя обвалился потолок в танцевальной зале. Дума несколько раз освобождала Фарни от уплаты контрактных 100 руб. Его поверенный, коллежский регистратор Карчевский дал объявление о сдаче клуба в наем. С французом Луи Дуалем был заключен контракт на одногодичное содержание дома взамен произведенных им починок.

В начале 1832 г. когда согласно заключенному с В. Фуксом контракту, дом поступил в собственность города, дума вызвала желающих арендовать клуб с ежегодной платой в городской доход по 400 руб. на условиях приобретения необходимой для клуба мебели за свой счет; содержания помещения «в надлежащей чистоте и опрятности, производить в столовой и буфете торговлю как во время благородных собраний так и всегда» (11, с. 121). Дума обязалась отремонтировать здание на средства, которые разрешалось взять из так называемого десятипроцентного капитала Бессарабской области, предназначенного для общественных и благотворительных заведений.

Областной архитектор Иосиф Гакет в январе 1833 г. составил смету и план перестройки здания. Старое здание предполагалось оставить для балов, дворянских и думских выборов, специальную комнату отвести только что открывшейся публичной библиотеке, а «для выгоды благородных собраний» с двух боковых сторон пристроить помещения для бильярдной, столовой, кухни, людской (11, с. 123).

В начале 1833 г. был заключен контракт с иностранцем Францем Краузом на перестройку дома. Но в октябре 1833 года архиепископ Кишиневский и Хотинский Дмитрий обратился к губернатору П. И. Аверину с просьбой определить для клуба другое место, более удаленное от жилых комнат семинаристов. Ходатайство обосновывалось жалобами училищного начальства на то, что «во время съезда в клуб публики, музыка, стук экипажей и нескромные разговоры кучеров» под окнами училища «служат большим развлечением и соблазном для юных духовных воспитанников и могут иметь вредное влияние на их нравственность» (5, с. 4). Губернатор выбрал место для клуба на Московской улице (на пересечении нынешнего проспекта Штефан чел Маре и улицы Марии Чеботарь). Построенное в октябре 1834 года новое клубное здание было отдано Ф. Краузу в аренду. Для городских общественных мероприятий помещение по-прежнему предоставлялось бесплатно, а для дворянских собраний и выборов арендатор потребовал плату. В трех комнатах клуба разместилась публичная библиотека. Однако находилась она здесь недолго, т.к. помещение оказалось тесным, к тому же, «все печи в библиотечных комнатах до того дымили, что препятствовало посетителям заниматься чтением» (5, с. 3).

О клубе в бытность Крауза сведений не сохранилось, кроме упоминания о «роскошном буфете». По всей видимости, жизнь в нем шла по привычному ритуалу; «в известные праздничные и воскресные дни в собраниях участвовали: чиновники, военные и гражданские, дворяне и другие лица из почетных сословий с их семействами для препровождения времени в танце, дозволенных играх в карты и других увеселениях» (12, с. 1). Однако поведение посетителей, незнакомых со светским этикетом и правилами приличия, вызывали у многих «неудовольствие вместо увеселения». Доступ «лиц, кои по званию своему или по образу жизни не могли быть принимаемы в благородном обществе», (12, с. 1) послужил мотивом к решительной метаморфозе клубной жизни. Немаловажной причиной было и желание дворянства создать свое общественное объединение по образцу других больших городов. Осенью 1838 г. в клубном доме обосновался Английский клуб, членами которого могли быть лишь представители бессарабского высшего сословия. Он стал первым в Кишиневе «особого рода обществом», действовавшим по определенным правилам и уставу.

Посетивший весной 1839 г. Кишинев ученый, журналист, этнограф, бывший профессор Московского университета Н. И. Надеждин, воспринял учреждение клуба как знаковое выражение вовлечения в социальные отношения многонационального населения города: «это лучшее средство сблизить румынских бояр с русскими жителями города, расшевелить в них чувство общности» (10, с. 392). Путешественник привел много ярких наблюдений преобразования Кишинева, описывая праздничный день «в прекрасно устроенном публичном саду». «Среди сада, на широкой площадке, образуемой перекрестком аллей, гремела полковая музыка. Народ приливал густыми волнами, и частью помещался кругом площадки, частью рассыпался по аллеям. [...] заметно уже, что новое поколение решительно изменяет своим отцам. Почти вся аристократическая молодость одевается по-европейски, имеет или, по крайней мере, показывает европейские потребности и прихоти. Первый знак к отступлению от старины, разумеется, и здесь как везде, подается прекрасною половиною человеческого рода. [...] богатейшие из них разубраны по парижским, или по крайней мере венским картинкам мод» (10, с. 388). Отметим Надеждин сохранившуюся традицию бессарабских аристократов совершать «фешенебельное путешествие в заветную столицу Австрии», дав ей несколько ироничное толкование: «До Парижа далеко, и потому он известен здесь только по-слуху; но зато многие бывают в Вене. [...] Кто был в Вене, тот считается образцом всех возможных совершенств, джентельменом *pec plus ultra*» (10, с. 390).

Благодаря клубу Винцентиса Фукса, многие жители Кишинева познакомились с новым для них явлением городской культуры, сыгравшим свою роль в развитии «общественности» и привития вкуса к «благородным наслаждениям». В исторической перспективе клубная идея претерпела ряд изменений: от здания для неформальных собраний местного общества к клубу, действовавшему по уставу и объединявшему своих членов по сословному признаку, по интересам, по национальной или конфессиональной принадлежности. С течением времени в городе появляются все новые и новые клубы-общества – семейные, чиновничьи, сельских хозяев, Польский и пр. Самый знаменитый их всех, в 1858 г. учрежденный – это дворянское Благородное собрание, которое разместилось в том же здании, что и Английский клуб. С тех пор оно стало известно «всему Кишиневу» как клуб Благородного собрания. Примечательно, что подписанный с Фуксом контракт, гарантирующий регулярность собраний местного общества, не менялся на протяжении всех лет существования городского клубного здания. Какие бы заманчивые коммерческие предложения не поступали, кишиневская дума отказывалась от его продажи.

Так или иначе, к истории клубных заведений оказались причастными выходцы из Австрии. Символическим выражением вклада иностранцев в социокультурную сферу Кишинева служит построенный в 1889 г. австрийским подданным Генрихом фон Лонским клуб Благородного собрания, бывший до его исчезновения одним из красивейших зданий города.

Примечания:

^x В архивном документе имя Фукса пишется также: Винцеслаус, Вицетинис, Венцислав, Вицентий.

^{xx} В начале XIX в. клуб и казино, выполняли одинаковые развлекательные функции и их названия использовались как синонимы, пока казино не превратилось в специальный игорный дом.

^{xxx} Так, кишиневский пушкинист В. Кушниренко, неоднократно цитирует «записки» поэта В. Теплякова: «в первое время он нередко заходил в так называемый Зеленый трактир в верхнем городе, недалеко от митрополии» (7, с. 82; 8, с. 16). Существование заведения с таким названием подверг сомнению еще И. Липранди, а из воспоминаний В. Горчакова следует, что Зеленый трактир находился в Киеве. Тепляков же никогда в Кишиневе не был. Источником неверных сведений, которые популяризуются в кишиневских СМИ, является опубликованный в 1857 г. в журнале «Общезанимательный вестник» поэтом-переводчиком А. Греном мифический дневник В. Г. Теплякова. Эта подделка пушкинистами давно разоблачена. «Многочисленные фальсификации Грена создали ему весьма дурную репутацию. Его материалы о Пушкине были полностью исключены из научного оборота» (1, с. 27).

^{xxxx} Вышеизложенное опровергает утверждение о том, что «балы в клубе продолжались довольно оживленно вплоть до 1825 г., когда сделался известным памфлет Ф. Ф. Вигеля на кишиневское эмигрантское и местное молдавское общество [...]. После этого собрания в клубе вовсе прекратились на все время калифатства здесь Вигеля». См.: Халиппа И. Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина. Кишинев. 1900. С. 25.

Библиографические ссылки:

1. АЛЬТШУЛЕР, М. Г. Записки Пушкина и Баратынского в публикациях А. Е. Грена. В: Временник Пушкинской комиссии. Санкт-Петербург. 1995. Вып. 26. [Дата обращения 5 июня 2018]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v95/v95-022-.htm?cmd=r>.
2. ВИГЕЛЬ, Ф. Ф. Записки. В 2 кн. Кн. 2. Москва: Захаров, 2003. 355 р.
3. ГОРЧАКОВ, В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. В: Цявловский, М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. Москва. 1931.
4. ЖУКОВ, В. И. Города Бессарабии 1812–1861 годов. Кишинев. 1964. 252 р.
5. КИШИНЕВСКАЯ Публичная библиотека. В: Бессарабские губернские ведомости. 1882, 11 мая.
6. КЛУБ. В: Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрона. Т. 15. Санкт-Петербург. 1895.
7. КУШНИРЕНКО, В. «В стране сей отдаленной...». Летопись жизни А. С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Киеве и Одессе и связанных с ним событий с 20 сентября 1820 года по 1 августа 1824 года. В 2-х т. Кишинев, 1999. Т. 1. 392 р. Т. 2. 527 р.
8. КУШНИРЕНКО, В. «И весь там Кишинев гуляет...». В: Русское слово. Кишинев. 2008, nr. 17, апрель.
9. ЛИПРАНДИ, И. П. Из дневника и воспоминаний. В: Русский архив. Москва. 1867, nr. 45/46.
10. НАДЕЖДИН, Н. И. Прогулка по Бессарабии. В: Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1840.
11. НАЦИОНАЛЬНЫЙ Архив Республики Молдова. – 1 Ф. 75. О. 1. Д. 108.
12. НАЦИОНАЛЬНЫЙ Архив Республики Молдова. – 2 Ф. 2. О. 1. Д. 2890.
13. ПУШКИН в Южной России. (Материалы для его биографии, собираемые П. Бартневым). В: Русский архив. Москва, 1867, nr. 41/42.

Генрих фон Лонский – архитектор старого Кишинёва

Abstract: Heinrich von Lonski (sau Ghenrih Filippovici Lonski, cum era numit la Chişinău), cetăţean al Imperiului Austriac, a făcut parte din constelaţia de arhitecţi eminenţi, care au creat imaginea unică a oraşului nostru şi au făcut Chişinăul unul dintre cele mai atractive oraşe ale Europei la începutul sec. XX. Cel puţin treizeci de ani din viaţa sa i-a dedicat creării edificiilor mari şi importante, clădirilor administrative din Chişinău şi din întreaga regiune. Deşi Heinrich von Lonski nu a avut un serviciu oficial în oraş, el a fost implicat în construirea obiectelor urbane de importanţă naţională, iar lucrările sale au fost recunoscute drept cele mai bune. Este bine cunoscut faptul colaborării sale profesionale cu arhitectul Alexandru Bernardazzi, care a deţinut funcţia de arhitect-şef al Chişinăului timp de 22 de ani. Mai apoi, colaborarea lor fructuoasă s-a prelungit în Odesa. Cu părere de rău, biografia lui Heinrich von Lonski nu este studiată în mod amănunţit. Articolul de faţă nu pretinde să fie unul exhaustiv, dar oferă oportunitatea de a cunoaşte mai bine lucrările lui Heinrich von Lonski. Până în prezent, s-au păstrat doar unele lucrări ale arhitectului proeminent.

Cuvinte-cheie: arhitectura Chişinăului, sec. XIX-XX; arhitecţi; patrimoniu cultural naţional; austrieci; istoria Chişinăului.

Abstract: Heinrich von Lonski (or Genrikh Filippovich Lonski as he was called here in Chişinău), a subject of the Austrian Empire, was part of a galaxy of outstanding architects who created the unique image of Chişinău and made it one of the most attractive cities in Europe at the turn of the 20th century. He devoted at least thirty years of his life to the creation of large and significant edifices and administrative buildings in Chişinău, and the entire region. Though Heinrich von Lonski did not hold an official position in our city, nevertheless he was involved in construction of the most important objects of urban development and his designs were deservedly recognized as the best. Quite well known is the fact of his professional cooperation with Alexander Bernardazzi who had been Chief Architect of Chişinău throughout 22 years; later their fruitful cooperation continued in Odessa. Unfortunately, Heinrich von Lonski's biography has not been properly studied yet. This review is not intended to be exhaustive; it provides an opportunity to get a closer acquaintance with the works of Heinrich von Lonski. The prominent architect's works were only partially preserved.

Keywords: Architecture of Chişinău in 19th-20th centuries; architects; national cultural heritage; Austrians; history of Chişinău

Генрих фон Лонский был архитектором и инженером-строителем Кишинёва и Одессы в период рубежа XIX-XX веков. Он работал в тесном и плодотворном сотрудничестве с зодчим Александром Бернардацци, который в середине XIX века был назначен городским архитектором Кишинёва, оставив после себя мощнейшее градостроительное наследие. При поддержке городских властей, Бернардацци привлекал для застройки нашего города творческих и неординарных коллег-архитекторов. Одним из таких был австриец Генрих фон Лонский.

Точные даты рождения и смерти Генриха фон Лонского нам не известны, приблизительно это 1830 – середина 1910-х годов. Возможно, он принадлежал к известному польскому роду Лёньских (Łeński) из Львова, чьи выдающиеся представители жили в XVI-XVII вв., но достоверных свидетельств у нас нет. Источники утверждают, что Генрих фон

Elina BOLGARINA,
şef secţie Literaturile lumii,
Biblioteca Naţională a Republicii
Moldova

Head of World Literatures Section,
National Library of the Republic
of Moldova

заведующая отделом литературы
мира, Национальная библиотека
Республики Молдова

Лонский (или, как его звали в Бессарабии, Генрих Филиппович Лонский) был австрийский подданный и уроженец Вены, переехавший на постоянное жительство в Кишинев (2, р. 42).

В этом контексте «прибытия» архитектора в столицу Бессарабии ярко прозвучит то, что одним из первых известных нам сооружений, возведенных по проекту и при участии Генриха фон Лонского, был комплекс **железнодорожного вокзала** в Кишиневе.

Железнодорожный вокзал

Центральная станция города впервые была построена в качестве временного деревянного сооружения при железной дороге, соединявшей Кишинев и ближайший портовый город Одессу. В августе 1871 года было открыто движение по Тираспольско-Кишинёвскому участку, положившее начало функционированию железных дорог Бессарабии (3, р. 247). Полноценное, капитальное и красивое здание вокзала возвели в начале 1870-х годов по проекту Генриха фон Лонского, а инженером-строителем выступил Александр Бернардацци (2, р. 54).

Вот что писала пресса того времени о здании вокзала: *«Кишинёвская станция 1-го класса поражает своею красотой и грандиозностью. Кроме красоты наружного фасада, состоявшего из множества башен и придающего всему зданию вид замка, его внутренность отделана весьма роскошно и удобно. Вокзал этот, окружённый мастерскими, локомотивным сараем, товарным магазином, водокачальным зданием, открытою площадью замощённой мостовой, далеко оставляет за собой все здания Кишинёва»* (16).

Железнодорожная сеть Бессарабии росла, и вокзал обслуживал большое количество пассажиров. Трёхэтажное здание было построено в эклектичном стиле с элементами готики и итальянского ренессанса, украшено несколькими квадратными башенками, увенчанными шпилями. В здании были открыты удобный и комфортабельный зал для пассажиров первого класса и залы скромнее – для второго и третьего классов. При вокзале был выстроен крытый павильон, работали кафе и магазины.

Первоначально он находился на окраине города. Позже рядом были построены Женское епархиальное училище и жилые дома. В самом конце XIX века вокзал с центром города соединила линия конной железной дороги. Три из четырёх маршрутов городского трамвая имели конечную остановку на ж/д вокзале Кишинева.

В XX веке железнодорожный вокзал ждала драматическая судьба. В 1917 году, в конце Первой мировой войны он пострадал от бомбы немецкого самолёта. Как стратегический объект, вокзал восстанавливался первым. Так, в 1941 году, он был одним из немногих вновь отремонтированных зданий города. Вокзал по праву считался «воротами города» (16).

К концу Второй мировой войны, в 1944 году, здание было сильно разрушено авианалётами. Последовавшая после войны реконструкция закончилась в 1948 году (архитек-

тор Леонид Чуприн, главный консультант Алексей Шусев, выдающийся архитектор и уроженец Кишинева). Облик здания вокзала был полностью видоизменен.

Следующее творение Генриха фон Лонского, по счастью, сохранившееся до наших дней, памятник истории и архитектуры, это **Духовное училище**.

Духовное училище

В 70-е годы XIX века застройка Кишинева подошла к своей «верхней» границе – улице Садовой, ныне улице Алексея Матеевича. Строились одноэтажные частные дома, а также крупные общественные сооружения. Здесь началось возведение Университетского квартала – комплекса учебных зданий, лабораторий, и даже циклодрома – места для велогонок.

Первым объектом, сооруженным на территории будущего Университетского квартала, стало Кишиневское мужское духовное училище. Строительство завершили в 1877 году. Автор проекта – архитектор Генрих фон Лонский (13). На выбор архитектора, строящего школу для православных священников, не повлияло то, что с большой долей вероятности Генрих фон Лонский был по вероисповеданию лютеранин. В расчет принимались неоспоримые достоинства представленного им проекта большого и просторного двухэтажного учебного здания, разработанного в классическом стиле. Оно находится на перекрестке нынешних улиц Михаила Когэлничану и Гавриила Бэнулеску-Бодони.

Замечательно, что это прекрасное сооружение по-прежнему служит образованию, являясь частью главного высшего учебного заведения страны – Государственного Университета Республики Молдова. В течение многих лет в стенах бывшего Духовного училища располагается юридический факультет. Многим из нас, в том числе и мне, приходилось слушать лекции в просторных аудиториях на первом этаже, присутствовать на занятиях в классах второго этажа, откуда открывается вид на красивейшую панораму нашего города.

Еще одно произведение архитектора и инженера фон Лонского, сохранившееся и в прекрасном состоянии, это здание **Окружного суда**.

Здание бывшего Окружного суда на пересечении улиц Галбинской и Фонтанного переулка (ныне Влайку Пыркэлаб и Вероники Микле) было построено в 1887 году. Сейчас здесь размещается администрация Молдавской железной дороги. Крупное сооружение, занимающее почти четверть городского квартала, было одним из первых специально построенных административных зданий в Кишиневе. Создавалось оно в творческом содружестве с архитектором Александром Бернардацци (2, р. 42).

Архитектура здания эклектична, создана под влиянием французского и русского классицизма. Вход решен в виде портика ионического ордера, плоскости стен рельефно

Здание Окружного суда

украшены пилястрами коринфского ордера. В нишах стен второго этажа симметрично установлены фигуры: богини правосудия и, с другой стороны, женщины, опирающейся на меч. В центре объема здания – мраморная лестница, освещенная широким потолочным световым фонарем. В отличие от других административных сооружений того времени отмечается оригинальность решения интерьера. Удачно пространственное решение вестибюля, в котором ощущается большой объем воздуха, чувствуется легкость просматриваемой отсюда высоты второго и третьего этажей. Эффект, достигнутый хорошими пропорциями в этом сочетании, остается по сей день уникальным (2, р. 42-43).

Существуют чертежи, созданные Генрихом фон Лонским для этого сооружения. Они были опубликованы в архитектурном и художественно-техническом журнале «Зодчий», СПб за 1887 год (7). Здесь можно в подробностях рассмотреть расположение залов, канцелярий, архивов, комнат разного назначения, в том числе для должностных лиц, совещаний и для вещественных доказательств.

Здание Окружного суда – одно из тех, которые в свое время в значительной мере определили формирование архитектуры центра нашего города. Оно привлекает внимание лаконичностью и законченностью форм фасадов. Принятые пропорции отвечают характеру и стилю крупных европейских городов (2, р. 42).

Исключительной красотой и значимостью для города отличалось и следующее творение фон Лонского, это здание **Благородного собрания**.

Здание Благородного собрания

Достопримечательностью Кишинева XIX века на главном его проспекте – Александровской улице – был дом Благородного собрания, возведенный в 1888-1890 годах в эклектическом стиле с элементами барокко.

Благородное собрание было местом встреч и времяпровождения дворянства и привилегированной знати Бессарабской губернии. Оно фактически открылось в 1867 году в арендованном помещении Английского клуба, которое находилось на Александровской улице, на углу городского (казенного) сада. Здесь проводились балы, концерты, выступали театральные труппы.

После случившегося в начале 1888 года пожара половина здания Английского клуба сгорела. И скоро власти Кишинева решили возвести на этом же месте новое здание для Благородного собрания, выделив на его постройку 60 тысяч рублей. Автором проекта был Генрих фон Лонский. Исполнительная комиссия под председательством градоначальника Карла Шмидта наблюдала за строительством. И к лету 1890 года внушительное здание Благородного собрания было построено.

Архитектор Лонский, по мнению современников, «хотел блеснуть своей оригинальной фантазией». Здание Благородного собрания изобиловало декоративными украшениями, заимствованными из разных эпох. В центре располагалось двухэтажное строение с крышей-купол, покрытым листовым железом, напоминавшим чешую. К этой части со стороны городского сада примыкала открытая терраса с каменной балюстрадой, стоявшая на кирпичных столбах. На фасаде располагались шесть алебастровых фигур и по всему фасаду шли лепные украшения. Сохранившееся одноэтажное строение уравнивалось такой же одноэтажной пристройкой, где и был главный вход в виде павильона с крышей-зонтиком.

Перед зданием находилась монументальная арка, по праздникам на ней вывешивали императорский штандарт.

В центральной части дома Благородного собрания находились концертно-танцевальная зала со сценой в виде раковины. Над сценой был купольный потолок. Для этой залы город приобрел бюсты композиторов Глинки, Рубинштейна, Бетховена, Моцарта и Шопена. Всё здание освещалось по новейшей в то время системе – люстрами, лампами-ручками, канделябрами. «Все отделки, – утверждала исполнительная комиссия, – богатые и необыкновенные. Специально заказывались богемские стекла для окон, зеркала, кафель и изразцы для печей. Меблировка – ковры, мягкие диваны и полукресла, складные столики приобретались за счет клуба» (5, р. 79).

Несомненно, Кишиневское Благородное собрание имел ввиду Константин Стамати-Чуря (Constantin Stamatii-Cuirea), в своем произведении «За кулисами прошлого и в фойе настоящего», 1890 года, когда писал:

«Я возвратился из дальнего путешествия восвояси. Смотрю теперь на окружающую меня жизнь, о, Господи! Какая перемена и в людях, и в природе, и в зданиях... Уютный частный домик, бывший храм Мельпомены, превратился в храм Аполлона древней Греции: снаружи колоннады – мрамор, арки, статуи, кариатиды, орнаменты, бронза и чугун, внутри фрески, живопись, бархат, люстры, позолота, хрусталь, электрическое освещение, ложи, а в них – дамы в шелках и бриллиантах... В партере статская молодежь по последнему журналу во фраках и белых галстуках, военные в мундирах, обшитых золотом. Куда головой не поверотишь – везде сверкает, блестит, ослепляет зрение, везде роскошь, богатство, просвещение и французский язык. На сцене итальянская опера; примадонна из Милана, теноры из Тоскана...» (4, р. 203-204).

Пышная архитектура Благородного собрания служила нуждам Кишинева: помимо балов и концертов, здесь постоянно проводились благотворительные и рождественские базары. Кишиневское Благородное собрание предоставляло помещение и денежные средства для разного рода мероприятий, акций общественной благотворительности. Здесь впервые в Кишиневе был проведен кинематографический сеанс фильма братьев Люмьер, спустя всего лишь два года после появления кинематографа. В 10-х годах XX

века здесь выступили поэты-футуристы, в том числе Владимир Маяковский (5, р. 79).

Позднейшая судьба здания такова: с начала 1920-х годов здесь находился Национальный театр (Teatrul Național). И уже в 1935 году здание снесли, чтобы на его месте построить современный кинотеатр. И, как мы знаем, он был построен, но уже после Второй мировой войны – с 1952 года на месте Благородного собрания стоит кинотеатр «Патрия». В чем-то (объемы, силуэт) это монументальное здание повторило архитектурные решения Генриха фон Лонского.

Генрих фон Лонский никогда не занимал официальной должности архитектора в Кишиневе, а был лишь приглашенным зодчим, однако, как мы видим, ему поручались важнейшие сооружения градостроительства, что свидетельствовало о несомненном официальном признании его таланта и мастерства. Немало свидетельств есть тому, что большая часть его работ, как в Кишиневе, так и в Одессе, выполнена в творческом тандеме с Александром Бернардацци, где архитекторы как бы менялись местами: то Бернардацци выступал архитектором проекта, а Лонский строителем, то наоборот.

Думается, что это сотрудничество было обусловлено многолетней дружбой двух выдающихся зодчих, создававших европейский облик нашего города.

Бессарабское училище виноделия, первое на Балканах:

Училище проектировал и строил Генрих фон Лонский. В журнале «Зодчий», выпуск 1 за 1895 г., опубликована его «Пояснительная записка к чертежам вновь построенного Бессарабского училища виноделия» (8).

Это было первое здание, выстроенное для старейшего в Молдове профессионального учебного заведения. Весь район, постепенно разраставшийся и в начале XX века ставший уже ближайшим предместьем города, кишиневцы стали называть «Ботаникой» благодаря училищу виноделия. При училище был ботанический сад, где культивировались экзоты, привозимые из Европы и России, и первый в Молдове «английский сад» – парк с ландшафтным эффектом, по образцу которого помещики разбивали подобные парки у себя в имениях.

Увы, здания, созданные фон Лонским для Бессарабского училища виноделия, скорее всего, разрушены полностью. Старые и заброшенные четыре сооружения долго были обнесены забором, и пользователи Интернета писали еще несколько лет назад, что видели за ним сохранившиеся великолепные деревянные веранды, резные свесы кровель, обрамления окон из резного камня... (12).

Дом Херца

Дом Херца – одно из красивейших зданий на центральном проспекте Кишинева, построенное в 1903-1905 годах архитектором Генрихом фон Лонским (1, р. 207) в стиле модернизированного венского барокко. Одноэтажное, прямоугольное в плане, на фасаде три слегка выступающих ризалита. Отличается богатой декоративной отделкой главного фасада и помещений интерьера с применением барельефов и лепных украшений

растительного орнамента. Оконные и дверные проемы выполнены в виде арок полуциркульной и коробовой формы (3, р. 517).

История дома такова: в XIX веке на этом месте на Александровской улице в течение почти 60 лет находился приют для детей-сирот Егора Бальша. В 1903 году здание выкупил очень богатый человек, титулярный советник Владимир Херца. Он снес первоначальное здание. И на этом месте Генрих фон Лонский возвел удивительной красоты особняк, выдержанный в эклектическом стиле, взяв за основу венское барокко.

По некоторым данным, скульптурные рельефы на фасаде выполнил местный скульптор Никифор Колун. Внутри здания рельефный орнамент дополнен настенной росписью, позолоченной лепниной и печами из венской терракоты. Заимствования из венского барокко и стиля модерн создали прекрасный образец эклектики, характерной для кишиневской архитектуры рубежа XIX-XX веков. В здании, помимо парадного зала и жилых помещений сохранился так называемый «мавританский зал» для игры в лото.

Дом Херца за свою долгую историю успел послужить для совершенно разных целей. Уже в 1907 году в одной из кишиневских газет появилась следующая заметка: «Большой роскошный дом Херца сдан Пехотному Волынскому полку для размещения в нем канцелярии и офицерского собрания».

До революции в нем располагался театр «Модернъ». В межвоенный период там было Министерство Бессарабии. В советский период, с 1952 года там находился Республиканский художественный музей. С 1957 года к музею присоединили находившуюся по соседству городскую виллу адвоката Клигмана, и оба здания стали восприниматься как единое целое (9).

К огромному сожалению, последнюю четверть века это очень красивое здание пустует и постепенно разрушается...

Архитектурные работы в городе Одесса

Рассказ о творчестве Генриха фон Лонского будет неполным, если не упомянуть хотя бы некоторые его архитектурные работы в городе Одессе, где он жил и работал много лет, переехав из Кишинева, по всей видимости, в последние десятилетия XIX века, как и, годами ранее, его коллега и друг Александр Бернардацци. Именно в Одессе Лонский, в составе делегации Российского императорского технического общества, чествовал своего коллегу Бернардацци с 50-летием его деятельности на поприще зодчего. Было это в 1900 году (2, р. 104). И вот некоторые творения Генриха фон Лонского в этом городе:

Инвалидный дом (Убежище для благородных)

В 1885 году Одесская Городская Дума постановила соорудить **Инвалидный дом для престарелых** в память царствования Александра II.

План здания разрабатывался Бернардацци совместно с Лонским. Фасад был сооружен в русском стиле из местного штучного камня, без штукатурки; прекрасные пропорции здания придали ему весьма внушительный вид, а оригинально разработанные

детали поставили это сооружение в ряд лучших и талантливейших произведений Бернардацци. Руководил строительством Генрих фон Лонский.

«За вполне добросовестное во всех отношениях исполнение гг. Лонским и Бернардацци работ по сооружению помянутого здания выразить им благодарность от Исполнительной комиссии по постройке Инвалидного дома в Одессе» (распоряжение комиссии от 24 октября 1886 г.) (10).

Важная «промышленная» работа Лонского – это возведение (или масштабная реконструкция) **городской скотобойни в Одессе**. В Государственном архиве Одесской области сохранилась вся документация касательно этого проекта и построек, осуществленных Г. Ф. Лонским в 1884-1885 годах (17).

Доходный дом купца I-ой гильдии Николая Короне на улице Канатной, № 7

Доходный дом Николая Короне по праву считают одним из самых красивых жилых зданий центра Одессы. Расположен он у самого порта. Белоснежное здание примечательно выразительной композицией и богатым, и при этом гармоничным, оформлением фасада. Особенность дома – сплошной балкон на втором этаже.

В декоре преобладают массивные элементы, однако распределены они с большим вкусом. Проектировал дом архитектор Генрих фон Лонский – признанный мастер деталей. Построено здание в 1900 году под руководством Моисея Линецкого – одного из лучших архитекторов Одессы того времени. Идея масштабного и выразительного фасада с балконом и двумя мощными ризалитами по краям фасада и ряд элементов отделки (например, сплошная линейная каменная кладка) несомненно принадлежит Лонскому.

Весьма любопытен тот факт, что Лонский, живший в двух кварталах от владений Короне, проектировал и строил преимущественно для владельцев участков, расположенных неподалеку. Выразительный и нарядный доходный дом Короне был завершён в период расцвета модернизированной эклектики и зарождения в Одессе традиций стиля модерн (11).

Там же, на улице Канатной, № 1, находился и **дом самого Генриха фон Лонского**. Этим домом архитектор владел с 1905 года до середины 10-х годов 20 века, перепланировав его по своему проекту. На пороге дома до конца существования здания находились инициалы владельца «Н» и «L» – Heinrich von Lonski (14).

Вошел в анналы как творение фон Лонского и **Масонский дом** в Одессе (он же – второй корпус школы Русского императорского технического общества). Дом не сохранился – обветшал и рухнул в 2016 году. Официальные документы датируют постройку 1902

годом. Ее творцами значатся Генрих фон Лонский и Семен Ландесман. Первый корпус Русского технического общества строился пятью годами ранее Александром Бернардацци и задал стилистическую основу для здания, выстроенного по проекту Генриха фон Лонского (15).

Из документов, касающихся непосредственно Генриха фон Лонского, мы можем представить читателю фотографический портрет нашего героя, в окружении коллег-архитекторов, авторов проекта **Одесской биржи** (ныне это здание Одесской филармонии). Фото 1898 года было опубликовано в газете «Одесские новости» (6, р. 40).

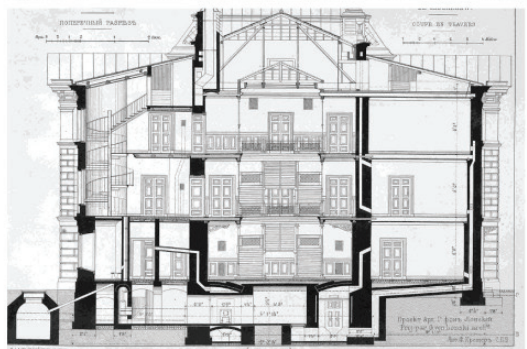
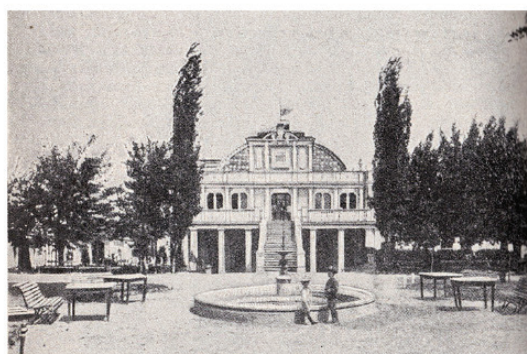
Генрих фон Лонский (крайний справа) среди архитекторов Одессы

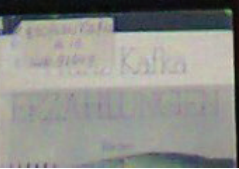
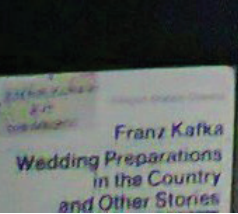
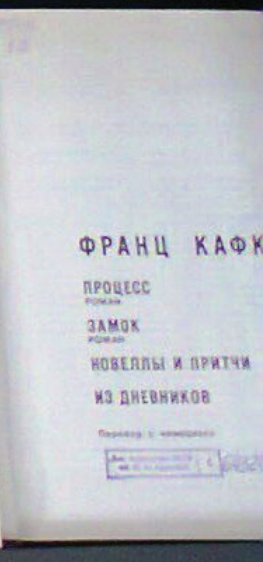
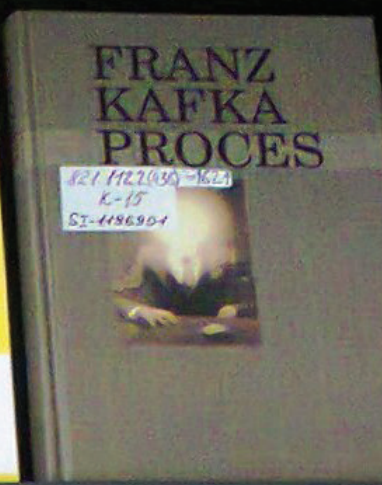
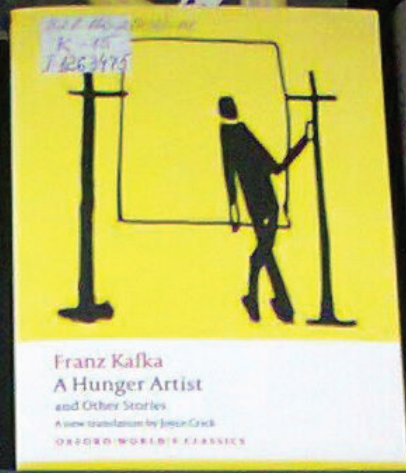
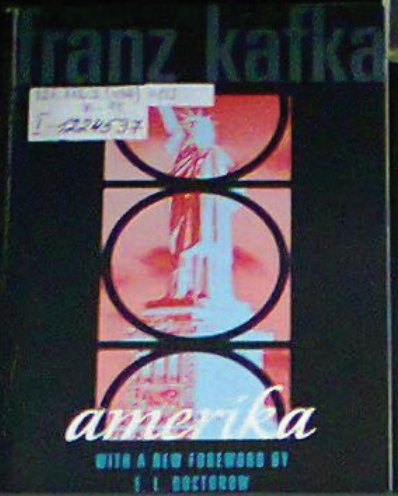
В этом обзоре мы остановились лишь на части наследия выдающегося архитектора Генриха фон Лонского. Многие из выстроенных им зданий уже нет. Но подробное изучение наследия этого яркого представителя венской архитектурной школы началось и продолжается. Открытыми остаются вопросы о датах его рождения и смерти, сведения об образовании и начальном периоде работы за пределами Бессарабии. Выражаем надежду, что в обозримом будущем все они будут выяснены и представлены вниманию общественности.

Referințe bibliografice:

1. STAVILĂ, Tudor, CIOBANU, Constantin Ion. Patrimoniul Cultural al Republicii Moldova. Ed. a 2-a. Chișinău: ARC, 2014. 288 p.: il., ISBN 978-9975-61-824-3.
2. БУБИС, И. М. Зодчие Бернардацци. Кишинэу, Louisville: s.n., 1997. 110 p., ISBN 9975-9508-7-6.
3. КИШИНЕВ: Энциклопедия: А-Я. Кишинев: Главная Редакция Молдавской Советской Энциклопедии, 1984. 576 p., il., ISBN lips.
4. СТАМАТИ-ЧУРЯ, Константин. За кулисами прошлого и в фойе настоящего. In: Загадочный человек. Кишинев: Nurelion, 1991. 454 p., ISBN 5-368-01032-X.
5. ГАРУСОВА, Ольга. Благородное собрание. In: Банки и финансы, 2003, nr. 1-2 (92-93), pp. 78-79, ISSN lips.
6. CEASTINA, Alla. Architectural creativity of Alexander Bernardazzi and Henry Lonsky in Chisinau during the second half of the XIX century. In: Revista Arta: Seria Arte Vizuale, 2017, Vol. 27, nr. 1 p. 32-40, E-ISSN 2537-6136 [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <http://artjournal.asm.md/2017/10/09/revista-arta-vol-xxvi-nr-1-2017/>, https://drive.google.com/file/d/0B_MPkqI9kqE1emMyc0dSTG9WTHM/view (PDF).
7. ЗОДЧИЙ. Журнал архитектурный и художественно-технический. 1872-1904 . [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <https://allday1.com/index.php?newsid=245079>.

8. ЗОДЧИЙ. Журнал архитектурный и художественно-технический. Орган С.-Петербургского общества архитекторов. Спб, 1985. nr. 1 [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: http://arch-grafika.ru/news/zodchij_1895_vur_1_janv_12_dek/2012-01-08-1772.
9. КУДРЯВЦЕВА, Елена. Рассказываем историю дома, в котором долгое время располагался художественный музей Молдовы. [Accesat 1 august 2018] Disponibil: <https://locals.md/2017/istoriya-kishinyova-unikalnyie-doma-herts-a-i-kligmana-v-tsentre-stolitsyi/>.
10. КОТЕЛКО. Сергей. Мечникова, 53. [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <https://sergekot.com/%D0%BC%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0-53/>.
11. ЛЕВИЦКИЙ, Александр, ШАМАТАЖИ, Дмитрий, ТОМЕНКО, Марина. Доходный дом Н. Г. Короне: Канатная, 7. [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <http://archodessa.com/all/kanatnaya-7/>.
12. МОЙ ГОРОД КИШИНЕВ: Форум. [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <http://oldchisinau.com/forum/viewtopic.php?f=19&t=670&start=20&view=print>.
13. ПАВЛОВ, Александр. «Университетский квартал Кишинева» (часть 1-я). [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <https://ardance1.livejournal.com/tag/Бессарабия%20в%20старых%20открытках>.
14. ПАРАМОНОВ, Ю. Об Одессе с любовью. [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: http://obodesse.at.ua/publ/bunina_ulica/1-1-0-120.
15. РЯБКОВ, Александр. Масонский дом. [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <https://histodessa.ru/masonskij-dom/>.
16. ШВЕЦ, Юрий. История Кишинева: Железнодорожный вокзал. [Accesat 1 august 2018]. Disponibil: <https://locals.md/2014/istoriya-kishinyova-zheleznodorozhnyiy-vokzal/>.
17. Госархив Одесской области, ф. 16, оп. 60 (1884 г.), д. 371.

FRANZ KAFKA ȘI
CONTEMPORANII SĂI,
ÎN TIMPUL SĂU ȘI AL NOSTRU

FRANZ KAFKA AND HIS
CONTEMPORARIES,
IN HIS TIME AND OURS

ФРАНЦ КАФКА И
СОВРЕМЕННОИКИ,
В ЕГО И НАШЕ ВРЕМЯ

Moderatori:
Ivan PILCHIN,
Universitatea de Stat din Moldova,
Thomas KLOIBER,
Forumul Cultural Austriac București

P. 76 Imagine:

Fragmentul expoziției jubiliare „Franz Kafka” – 135 de ani de la naștere”

Fragment of the jubilee exhibition „Franz Kafka’s 135th Anniversary”

Фрагмент юбилейной выставки, посвященной 135-летию со дня рождения Франца Кафки

Franz Kafka

Abstract: Scriitorul Franz Kafka este astăzi unul dintre cei mai cunoscuți autori ai literaturii mondiale. În ceea ce privește popularizarea operelor sale, el este comparabil doar cu Shakespeare: textele sale sunt traduse în practic toate limbile, cunoscute pe fiecare continent. Aparținând sub aspect temporal la așa-zisa epocă literară modernă și astfel fiind adesea menționat în același grup cu așa autori ca Döblin, Musil, Joyce sau Robert Walser, opera lui este în cele din urmă greu de comparat cu oricare dintre cele ale autorilor menționați mai sus. Există o serie de motive pentru aceasta: unul dintre aceste motive este folosirea specifică a limbii, originea sa evreiască, viața de zi cu zi, cercul de prieteni și mediul de lucru ca jurist în domeniul asigurărilor, precum și lecturile sale. O altă cauză este forma specială a textelor sale, care sunt comparate cu literatura fantastică. Opera lui Kafka, pe de o parte, se bazează pe o lungă tradiție care derivă din cultura germană a orașului Praga, precum și din tradițiile evreiești sau din modelele literare din Rusia, Austria, Germania și Franța. Kafka este considerat astăzi una dintre cele mai importante figuri nu numai a literaturii germane din Praga, ci și a literaturii germane în general.

Cuvinte-cheie: Franz Kafka, literatura mondială, literatura austriacă, literatura germană, cultura germană, tradiții evreiești, cercul praghez, motivul metamorfozei.

1

Der Schriftsteller Franz Kafka gehört heute zu den bekanntesten Autoren der Weltliteratur. Was die Verbreitung seiner Werke anbelangt, ist er wohl nur mit Shakespeare vergleichbar: Seine Texte sind in praktisch alle Sprachen übersetzt, auf allen Kontinenten bekannt.

Sogar die Wortschöpfung „kafkaesk“ kann man in den meisten großen Sprachen finden. Erstmals im Englischen der 30er Jahre verwendet und erst seit den 70er Jahren im deutschen Duden vertreten, hat dieses Wort dem ungewollt darin vorkommenden Schriftsteller Kafka zu einer weit über seine Literatur hinausgehende Popularität verholfen, die ihresgleichen sucht.

Zeitlich der sogenannten literarischen Moderne angehörend, und damit oft in einem Atemzug

Abstract: Writer Franz Kafka is now one of the most famous authors of world literature. As far as the popularization of his works is concerned, he might be compared only to Shakespeare. His texts are translated into virtually all languages and are known on all continents. Considering by terms of his life and work belonging to so-called modern literary age, thus so often mentioned in the same group of authors as Döblin, Musil, Joyce or Robert Walser, Kafka is ultimately difficult to compare with any of authors mentioned above. There are some good reasons for this: one of them is specific use of language, his Jewish background, everyday life, the circle of friends, and the working environment of Kafka as a jurist in the field of insurance, as well as his reading preferences. Another cause is the special form of his texts compared to fantastic literature. Kafka's work bases on a long tradition that derives from the German culture of Prague, as well as Jewish traditions or literary models from Russia, Austria, Germany and France. Kafka is acknowledged today one of the most important figures not only of German literature in Prague, but also of literature in German in general.

Keywords: Franz Kafka, world literature, German literature, Austrian literature, Jewish traditions, the Prague circle, metamorphosis theme.

Mag. Dr. Manfred MÜLLER,
Präsident der Österreichischen
Franz Kafka-Gesellschaft

președintele Societății Austriece
„Franz Kafka“ (Viena)

президент Австрийского
общества Франца Кафки

mit Autoren wie Döblin, Musil, Joyce oder Robert Walser genannt, ist sein Werk letztlich nur schwer mit irgendeinem der genannten vergleichbar. Dies hat verschiedene Gründe: Der besondere Sprachgebrauch, der sich aus Kafkas Prager Herkunft, seiner jüdischen Religionszugehörigkeit, seinem Alltagsleben, Freundeskreis und Arbeitsumfeld als Versicherungsjurist, um nur einige wichtigere Quellgebiete zu benennen, ebenso speist wie aus seinen Lektüren, ist einer dieser Gründe.

Ein weiterer ist die besondere Form seiner Texte, die oft in die Nähe der phantastischen Literatur gerückt wurde, ihr Tonfall, den viele rätselhaft, bedrohlich, apokalyptisch nennen, oder, was vielleicht überraschen mag, auch sein Humor, der in vielen Texten durchdringt und Szenarien hervorbringt, die vielleicht am ehesten an Slapstick-Komödien beispielsweise eines Charlie Chaplin erinnern.

Ein besonderes Merkmal der Literatur Kafkas ist aber ihre Offenheit, die dazu führt, dass immer mehrere Interpretationen möglich erscheinen, aber keine einzige davon endgültig oder abschließend. Ein japanischer Germanist hat mir versichert, dass diese Offenheit auch der Hauptgrund für die internationale Bedeutung Kafkas sei: Bei Texten anderer berühmter deutschsprachiger Autoren müsse man stets viel mehr erklären, meinte er. So könne man einen Thomas Mann, einen Stefan Zweig, auch einen Goethe oder Schiller in einer fremden Kultur nur verstehen, indem man darin angesprochenen oder vorausgesetzten historischen, religiösen, gesellschaftlichen Zusammenhänge nur nachvollziehen, wenn man ausführliche, erklärende Fußnoten hinzufüge. Kafka hingegen versetze seine Leser überall in die nahezu gleiche Ausgangsposition: Egal, ob man in Europa, Amerika oder Asien sei, die genannten Details seien überall ohne große Erklärungen verständlich, die Sprache bedürfe in ihrer Klarheit keiner weiteren Erläuterung, kulturelle Hintergründe würden kaum vorkommen – und wenn, dann in einer so allgemeinen Form, dass sie auf sehr viele gesellschaftliche Konstruktionen und historische Erfahrungswelten zuträfen.

Dennoch, und darüber möchte ich in der Folge sprechen, ist Kafkas Hintergrund, seine Herkunft und Religion nicht ohne Folgen für sein Werk geblieben.

2

Franz Kafka wurde 1883 in Prag geboren. Sein Vater, Hermann Kafka, war Kaufmann und hatte es zu Wohlstand gebracht: Sein Geschäft befand sich an wechselnden Orten der Prager Altstadt, aber stets in allerbesten Lage.

Der Vater stammte ursprünglich aus einfachen ländlichen Verhältnissen, seine erste Sprache war tschechisch. Die Mutter, Julie Kafka, kam hingegen aus einer deutschsprachigen Bierbrauerfamilie. Die Wahl der Sprache war somit nicht von vorne herein klar und wurde zur bewussten Entscheidung: Offenbar verstanden es die Kafkas als Teil ihres Aufstiegs, künftig deutsch zu sprechen, also die Sprache einer kleinen, aber tendenziell wohlhabenderen, gebildeteren Schicht in Prag. Es war daraufhin logisch, dass Franz Kafka von Beginn an in deutschsprachige Schulen geschickt wurde.

Dass die Familie jüdisch war, dürfte zunächst vergleichsweise weniger wichtig gewesen sein. Man weiß von Synagogenbesuchen, allerdings ist von einer besonderen religiösen Lebensweise nichts überliefert worden. Auch Franz Kafkas späteres Interesse am Judentum resultierte weniger aus einer familiären Tradition oder aus Ritualen, die von Kindheit an zu seinem Alltag gehört hätten, sondern war oft eher die Folge konkreter Überlegungen aus seiner schriftstellerischen Praxis oder Reaktionen auf Themen, die seine Umwelt an ihn herantrug, wie der Zionismus.

Als Deutschsprachiger und als Jude gehörte Kafka somit gleich zwei Minderheiten an: Die deutschsprachigen Prager machten um 1900 nicht einmal 8 % der Stadtbevölkerung aus, die Juden etwas über 6%.

Zudem muss betont werden, dass es sich bei den Kafkas (wie auch z.B. bei der Familie Max Brods) um Angehörige einer kleinen, wohlhabenden Elite handelte, mit repräsentativen Wohnungen und Geschäften am Altstädter Ring, mit großen Haushalten und vielen Angestellten.

Franz Kafka wuchs demnach in einer, wie wir es heute nennen würde, Blase auf, weit weg von den Problemen der weit ärmeren Bevölkerungsmehrheit. Inwieweit Kafka durch seine Rolle als Angehöriger von zunehmend unter Druck geratenden Minderheiten – eben den Juden oder den Deutschen in Prag – in seiner Kindheit und Jugend Verfolgungen ausgesetzt war bzw. Zeuge von solchen wurde, ist nicht genau bekannt. Zweifellos hat er aber, wie sein Biograf Reiner Stach betont, mitbekommen müssen, dass die Stimmungen in der Öffentlichkeit sich eben gegen diese Minderheiten zu richten begannen.

3

Kafkas Lebensspanne reicht von 1883 bis 1924, er hat den größten Teil davon in Prag zugebracht und dort eine Reihe großer gesellschaftlicher Umwälzungen erlebt, darunter als vielleicht bedeutendste das Ende des Ersten Weltkriegs, die Unabhängigkeit der Tschechoslowakei, und, damit einhergehend, die fundamentale Veränderung der Lebenssituation für große Teile der deutschsprachigen Bevölkerung. Kafka selbst war davon allerdings scheinbar kaum betroffen, obwohl leitender Angestellter in einer großen Versicherungsanstalt, in der im Zuge der Veränderung zahlreiche Neubesetzungen stattfanden. Er war der einzige deutschsprachige Versicherungsjurist in seiner Gehaltsklasse, der nicht nur nicht entlassen, sondern sogar noch befördert wurde. Dies spricht zum einen für seine Beliebtheit und das fachliche Ansehen, das er genoss, zum anderen ist es aber auch eine Folge der Tatsache, dass er sich in seinem Arbeitsumfeld nicht nur auf deutsch, sondern auch auf tschechisch sehr gewandt ausdrücken konnte: Viele der „amtlichen Schriften“ Kafkas sind auf tschechisch verfasst – und das wohl von ihm selbst und nicht von Übersetzern.

Auch als Teil des literarischen Lebens war Kafka ein Vermittler, der zahlreiche, auch intensive Kontakte zu tschechisch schreibenden Intellektuellen hatte, natürlich zu Milena Jesenska, aber beispielsweise auch zu Jaroslav Hasek.

Was die zweite Minderheitenzugehörigkeit betrifft, war Kafka sich seines Judentums nicht nur bewusst, es war auch ein zentrales Thema in seinem Umfeld. Viele seiner Freunde, allen voran Max Brod, waren Zionisten, Oskar Baum war sogar Organist und Kantor in einer Synagoge, Hugo Bergmann, ein Schulkollege, war ein bedeutender Judaist und wurde später Universitätsprofessor in Jerusalem. Kafka selbst spielte zeitweise, dokumentiert vor allem in den Briefen an Felice Bauer, mit dem Gedanken, nach Palästina auszuwandern. Wie ernst es ihm damit wirklich war, ist nicht bekannt. In späteren Jahren nahm er Unterricht im Hebräischen, befasste sich intensiv mit jüdischen Texten und Mythen, und hatte auch Kontakt zu Rabbinern. Wie sehr sein Alltag vom zunehmenden Antisemitismus betroffen war, kann nicht gesagt werden, da es kaum Quellen dazu gibt. Zudem profitierte das Prager Judentum in Kafkas Kindheit und Jugend von der in religiösen Angelegenheiten verhältnismäßig liberalen Politik der Habsburger, speziell Kaiser Franz Josephs.

Da Franz Kafka bereits 1924, also lang vor der Machtübernahme der Nationalsozialisten in Deutschland, an den Folgen seiner Tuberkulose starb, ist anzunehmen, dass zumindest der politische Antisemitismus von ihm noch nicht als sehr große persönliche Bedrohung empfunden wurde.

Wie sehr seine Familie und sein Umfeld später davon und konkret vom Nationalsozialismus betroffen war, ist hingegen bekannt: Alle drei Schwestern, Gabriele, Valerie und Ottilie, bekannter als Elli, Valli und Ottla, wurden mit anderen Familienmitgliedern in Konzentrationslagern ermordet, ebenso Milena Jesenská, die Freundin und Briefpartnerin Kafkas, um nur einige zu nennen.

4

Kafkas Zugehörigkeit zu zwei Minderheiten wird in der Sekundärliteratur im Allgemeinen meist kein allzu großer Einfluss auf seine Literatur zugeschrieben. Darin vorkommende Themen wie Isolation, Einsamkeit, Ausgrenzung werden eher von seiner familiären Situation her interpretiert. Als Schlüsseltext wird oft der „Brief an den Vater“ gelesen. Dieser über 100 handgeschriebene Seiten lange Brief, der 1919 verfasst, aber niemals abgeschickt wurde, dokumentiert das schwierige Verhältnis des Autors zu seinem Vater, von der frühen Kindheit bis

in die Gegenwart des 36-jährigen, zu diesem Zeitpunkt wieder mehrheitlich in der elterlichen Wohnung lebenden Schriftstellers.

Franz Kafka konstruiert in diesem Brief einen fundamentalen Gegensatz zwischen sich und dem Vater: Dieser erscheint als großer, starker, erfolgreicher Mann, der genau wisse, was er wolle und wie sich alles gehöre. Jähzornig und selbstsicher, wenngleich ohne Bildung, unterjochte er seine Familie, versuche, ihr seine Ideale aufzuzukroyieren und urteile gnadenlos über seine Umgebung.

Franz Kafka selbst erscheint im Brief als absolutes Gegenbild: Schwächling, unsicher, vergleichsweise erfolglos stehe er im Schatten des übermächtigen Vaters.

Aus dieser Konfrontation erklärt der Autor sein Verhalten in zahlreichen zentralen Lebensbereichen:

Ehe und Familie kämen für ihn nicht in Frage, weil der Vater beides auf eine Weise lebe und darstelle, die es dem Sohn für alle Zeit verderbe.

Die Religion habe ihm der Vater ebenfalls verdorben, weil dieser keinerlei echten Bezug zum Judentum herstellen könne und die wenigen Synagogenbesuche zudem ausschließlich angstbesetzt gewesen seien.

Literatur schließlich sei der einzige mögliche Ausweg: Sie sei von der Welt des Vaters so weit entfernt, dass dieser keinen Einfluss darauf habe.

Dieser Brief, den der Vater mit Sicherheit nie gelesen hat, wurde als Psychogramm des Autors Franz Kafka für zahllose Forscher zur wichtigsten Interpretationshilfe. Nicht zuletzt trägt sogar eine der besten Kafka-Biografien, jene von Peter-André Alt, den Titel „Franz Kafka: Der ewige Sohn“.

Tatsächlich spielen Väter und Söhne in Kafkas Werk eine ebenso große Rolle wie vergleichbare Hierarchien zwischen Vorgesetzten und Untergebenen oder Richtern und Verurteilten. Ebenso interessant und vermeintlich folgerichtig ist die verschwindend kleine Rolle der Mutter in vielen anderen Texten Kafkas. Demgegenüber stehen zahlreiche Aussagen von Zeitgenossen und Freunden, aber auch die tatsächlich abgeschickten Briefe Kafkas an seine Eltern, die bis zum letzten Tag in seinem Leben reichen, aus denen sich eine andere, wenn man so will „normalere“ Beziehung des Sohnes zum Vater, zur Familie, nachzeichnen ließe.

So gesehen könnte „Der Brief an den Vater“ nur ein weiterer unter den anderen literarischen Texten Kafkas sein. In den meisten davon spielen Hierarchien entscheidende Rollen, und in den meisten davon steht ein Protagonist einer ihm unverständlichen, übermächtigen Welt gegenüber.

Am bekanntesten sind die drei Romanfragmente „Der Verschollene“ oder „Amerika“, „Der Process“ und „Das Schloss“. Von Kafka nicht beendet, wurden sie von seinem Freund und Nachlassverwalter Max Brod nach Kafkas Tod als Romane veröffentlicht, obwohl zum Teil nicht einmal klar in Kapitel gegliedert. Brod machte Kafka, der zu Lebzeiten ein in literarischen Kreisen angesehener, aber darüber hinaus weitgehend unbekannter Schriftsteller war, binnen kurzer Zeit zum weltberühmten Autor. Die Erzählungen, von denen manche, wie „Die Verwandlung“, „Das Urteil“ oder „Die Strafkolonie“ schon zu Lebzeiten von Kafka selbst publiziert worden waren, vervollständigten das Bild des rätselhaften Autors, das bis heute existiert.

Eine besondere Rolle spielen die Briefe, die ebenfalls größtenteils durch Max Brod bzw. aus dessen Nachlass an die Öffentlichkeit kamen: Sie untermalen, in Zusammenarbeit mit dem erwähnten „Brief an den Vater“, den Mythos Kafka als Einzelgänger, unter Hierarchien Leidendem, kaum zu Beziehungen fähig, und, vor allem, als besessenem Schreiber.

Max Brod, dessen Bedeutung für Kafkas Nachruhm wohl gar nicht groß genug eingeschätzt werden kann, war als Kopf des von ihm selbst so genannten „Prager Kreises“ nicht nur Kafkas engster Freund, sondern auch die Zentralfigur der Prager deutschen Autoren. In diesen Netzwerken bewegte sich Kafka nahezu täglich, nahm an den dort geführten Gesprächen teil, las aus im Entstehen begriffenen eigenen Texten vor bzw. hörte anderen zu, die aus ihren Werken vortrugen.

Es ist eine besonders interessante Frage, inwieweit sich dieses Umfeld auf sein Schreiben ausgewirkt hat. Immerhin zählten zu den zeitweilig oder öfter an solchen Treffen teilnehmenden, aus Prag stammenden Autoren Personen wie die später ebenfalls weltberühmten Rainer Maria Rilke oder Franz Werfel, der Autor des „Golem“ Gustav Meyrink oder die Freunde Kafkas Felix Weltsch – ein bedeutender Zionist und Philosoph – und Oskar Baum – ein blinder Literat und Essayist.

Prag war damit trotz der zahlenmäßig kleinen deutschsprachigen Bevölkerung ein eigenständiges Zentrum des deutschsprachigen literarischen Schaffens. Der Austausch mit Berlin und Wien war gut, vor allem Max Brod, ein begnadeter Netzwerker, stand in engem Kontakt zu den wichtigsten literarischen Zeitschriften und den literarischen Zirkeln.

Inwieweit der Prager Kreis oder andere zeitgenössische Strömungen des kulturellen Prager Lebens auf Kafkas Werk Einfluss genommen haben, ist schwer darstellbar.

Eine wichtige Fährte scheint in der Form mancher seiner Texte zu liegen, die offensichtlich in einem Zusammenhang mit einer gängigen Romanform nicht nur dieser Zeit stehen und die man als „mystischen Roman“ bezeichnen könnte. Merkmale eines solchen „mystischen Romans“ sind u.a. ein Protagonist, der auf der Suche nach einer höheren Wahrheit ist und dabei auf eine besondere, mit Gott oder anderen überirdischen Kräften in Verbindung stehende Person trifft. Der Roman ist also eine Art Wanderung auf der Suche nach Erkenntnis. Der Weg dorthin ist ein individueller, das bedeutet auch einer, den jeder der Auserwählten nur allein gehen kann. Es kommen andere Figuren dazu, die unterstützen oder behindern können usw.

Beispiele für solche mystischen Romane gibt es in der Prager deutschen Literatur viele. Am bekanntesten ist vielleicht Gustav Meyrinks „Golem“, dazu gehört auch Max Brods „Tycho Brahes Weg zu Gott“, den er Franz Kafka gewidmet hat. Vor allem im Umfeld der Figur des mythischen Rabbi Löw finden sich aber zahlreiche weitere, bis hin zu Leo Perutz' „Nachts unter der steinernen Brücke“.

Kafka hat natürlich keine eindeutig mystischen Romane geschrieben, Versatzstücke davon finden sich aber in vielen seiner Texte: So kann die „Türhüterparabel“ für eben diese Suche nach einer Wahrheit stehen – allerdings, und das scheint typisch für Kafkas Umgang mit diesem Topos, in einer unterbrochenen, quasi verkehrten Form: Hier ist die Verbindung zur höheren Instanz gar nicht erst möglich, der Weg schon unmöglich, bevor er eigentlich beginnen kann, das Tor, obwohl, wie es ausdrücklich heißt, „nur für dich bestimmt“, bleibt verschlossen.

Ähnliche Muster findet man auch in anderen Texten Kafkas: Stets sind die Protagonisten auf der Suche, nie finden sie aber die Verbindung zur entscheidenden Instanz, egal ob einfach durch fehlendes gegenseitiges Verständnis (z.B. im „Bericht für eine Akademie“), durch die fehlende Möglichkeit, diese Instanzen zu erreichen (z.B. „Das Schloss“) oder durch grundsätzliches Unverständnis gegenüber dem, was gerade mit einem passiert (z.B. „Der Prozess“ oder „Die Verwandlung“).

Kafka kehrt das Prinzip der Wahrheitssuche also quasi um, stellt sie in verschiedenen Formen als grundsätzlich unmöglich dar – aber folgt doch eindeutig einem literarischen Muster, das in der Prager deutschen Literatur allgegenwärtig ist.

Hier kommt es auch wieder zu einer thematischen Verbindung mit dem Judentum, denn gerade in Prag waren viele der genannten Themen mit der jüdischen Geschichte der Stadt

eng verbunden. Und vielleicht liegt der Grund für Kafkas intensive Beschäftigungen mit der Geschichte des Prager Judentums und Prager Juden darin begründet, dass er alte Mythen oder Teile daraus wie Bausteine für seine Texte verwendete, in denen vieles, was sein Werk auszeichnet, vom rätselhaften Duktus bis zum hintergründigen Humor, bereits im Kern enthalten ist.

6

Interessant ist jedenfalls, dass das eben genannte Bild des Suchenden, der von der höheren Instanz, von der er sich Erklärungen, Wissen, Verständnis erwartet, abgetrennt ist und bleibt, einen formalen Aspekt des Kafkaschen Werks mitbegründet, der für einen großen Teil seiner Texte charakteristisch ist. Ich möchte an einem Beispiel, das sie alle kennen, zeigen, was ich meine, dem Beginn der Erzählung „Die Verwandlung“.

„Als Gregor Samsa eines Morgens aus unruhigen Träumen erwachte, fand er sich in seinem Bett zu einem ungeheuren Ungeziefer verwandelt.“

(Franz Kafka: *Die Verwandlung*)

Dieser Beginn führt unmittelbar hinein in eine neue, unverständliche Situation. Neu für uns als Leser, vor allem aber für den Protagonisten, der sich unversehens in ein Ungeziefer verwandelt wiederfindet.

Zunächst denkt man an eine alte literarische Tradition der „Metamorphosen“. Aber wo Kafkas „Vorläufer“, von Ovid bis zu zahllosen Märchen, in denen Verwandlungen beschrieben werden, höhere Mächte, also Götter, Zauberer oder andere über den Menschen stehende Instanzen, ins Spiel bringen, die die Verwandlung herbeiführen, findet sich bei Kafka niemand.

Während bei Ovid oder in Märchen die Verwandlungen fast immer als Bestrafung für begangenes Unrecht oder als eine andere Willens- und Machtbekundung erfolgen, ist Kafkas Text anders und neu: Gregor Samsa hat nichts angestellt, keine Verbrechen begangen und schon gar nicht höhere Mächte beleidigt. Seine Verwandlung erscheint völlig willkürlich: ohne Urheber, ohne nachvollziehbare Ursache, ohne tieferen Sinn.

Das Motiv der Verwandlung findet sich in Kafkas Werk in abgewandelter Form häufig. Ein weiteres, ebenso berühmtes Beispiel dafür ist der Beginn des Romanfragments „Der Process“. Auch hier wacht einer auf und ist plötzlich mit einer ihm unwiderruflich völlig unzugänglich gewordenen Umgebung konfrontiert. Der Unterschied ist, dass im Fall Gregor Samsas der Protagonist selbst der Verwandelte in einer unveränderten Umgebung ist – für Josef K. im „Process“ liegt der Fall umgekehrt: Hier ist die Umgebung eine andere, ihm gegenüber feindliche, unzugängliche, unverständliche geworden, von der Logik eines Gesetzes geprägt, das ihm verschlossen bleibt.

Der erste Satz dieses Texts lautet, sie kennen auch ihn natürlich gut:

„Jemand musste Josef K. verleumdet haben, denn ohne dass er etwas Böses getan hatte, wurde er eines Morgens verhaftet.“

Wieder gibt es keine Schuld, wieder keine klar verantwortliche Instanz, wieder bleibt der Sinn hinter der Verwandlung verborgen. Und wie in der „Verwandlung“ ist es dem Protagonisten auch hier nicht möglich, sich nach der erfolgten Verwandlung in die neue Umgebung hineinzusetzen, sie zu begreifen, sich in ihr beliebt zu machen. Auch hier beginnt wie in „Die Verwandlung“ ein stetiger Abstieg, eine Degradierung, die in einen für alle Beteiligten als Erlösung empfundenen Tod mündet.

Diese beiden berühmtesten „Verwandlungen“ sind nur zwei Beispiele für viele Arten von solchen Verschiebungen in Kafkas Texten. Dies hat dazu geführt, dass viele Interpreten von zwei Ebenen sprechen, einer realen oder empirischen, die man in Kafkas Texten finden könne – und in der Folge wurde aus genau diesem Grund versucht, Kafkas Texte in die phantastische Literatur einzuordnen, die nämlich mit ebensolchen Ebenen agiert, die die bekannte Welt neu

oder anders zeigen und von denen aus man, umgekehrt, die bekannte Welt neu und anders betrachten kann. Kafkas Texte lassen aber eine derartige Einordnung genauso wenig zu wie jede andere.

Kafkas Protagonisten sind eben keine Springer zwischen verschiedenen Bewusstseinssebenen, Sie sind Suchende, denen an irgendeinem Punkt das Verständnis für Ihre Existenz, ihre Umwelt abhanden gekommen ist.

Kafkas Literatur steht einerseits in einer langen Tradition, die sich aus der Prager deutschen Kultur ebenso speist wie aus jüdischen Überlieferungen oder literarischen Vorbildern aus Russland, Österreich, Deutschland und Frankreich.

Andererseits gilt er bis heute als eigenständige Figur inmitten einer fruchtbaren Epoche und als eine der bedeutendsten Figuren nicht nur der Prager deutschen Literatur, sondern der gesamten deutschsprachigen Literatur überhaupt.

Literaturverzeichnis:

KAFKA, Franz (1982 ff.): Gesammelte Werke in Einzelbänden in der Fassung der Handschrift. Ed. de Gerhard Neumann, Sir Malcolm Pasley, Jost Schillemeit, Gerhard Kurz. Frankfurt am Main: Ed. S. Fischer.

1. ALT, Peter-André (2005): Franz Kafka: Der ewige Sohn. München: Ed. C.H. Beck.

2. BECHER, Stefan Höhne, Jörg Krappmann, Manfred Weinberg (Ed., 2017) Handbuch der deutschen Literatur Prags und der Böhmisches Länder. Stuttgart: Ed. J.B. Metzler.

3. BLAHAK, Boris (2015): Franz Kafkas Literatursprache. Deutsch im Kontext des Prager Multilingualismus. Köln / Weimar / Wien: ed. Böhlau 2015 (= Intellektuelles Prag im 19. und 20. Jahrhundert, vol. 7).

4. BROD, Max (2014): Tycho Brahes Weg zu Gott. Göttingen: Ed. Wallstein.

5. ČAPKOVÁ, Kateřina (2012): „Ich akzeptiere den Komplex, der ich bin.“ Zionisten um Franz Kafka. In: Becher, Peter, Steffen Höhne und Marek Nekula (Ed.): Kafka und Prag. Literatur-, kultur-, sozial- und sprachhistorische Kontexte. Köln / Weimar / Wien: Ed. Böhlau 2012 (= Intellektuelles Prag im 19. und 20. Jahrhundert, vol. 3).

6. ENGEL, Manfred und Bernd Auerochs (Ed., 2010): Kafka-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart/Weimar: Ed. J.B. Metzler.

7. KILCHER, Andreas B. (2008): Kafka und das Judentum. In: Kafka-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Ed. de Bettina von Jagow und Oliver Jahraus. Göttingen: Ed. Vandenhoeck & Ruprecht.

8. MEYRINCK, Gustav (1915): Der Golem. Leipzig: Ed. Kurt Wolff.

9. NEKULA, Marek (2003): Franz Kafkas Sprachen. „... in einem Stockwerk des innern babylonischen Turmes ...“. Tübingen: Ed. Max Niemeyer.

10. PERUTZ, Leo (2000): Nachts unter der steinernen Brücke. Wien: Ed. Zsolnay.

11. STACH, Reiner (2014): Kafka. Die frühen Jahre. Frankfurt am Main: Ed. S. Fischer.

12. ŠVINGROVÁ, Simona (2012): Die Rolle der sprachlichen Qualifikation bei der Karriere eines (k.k.) Beamten: Franz Kafka und seine Kollegen bei der AUVVA. In: Becher, Peter, Steffen Höhne und Marek Nekula (Ed.): Kafka und Prag. Literatur-, kultur-, sozial- und sprachhistorische Kontexte. Köln / Weimar / Wien: Ed. Böhlau (= Intellektuelles Prag im 19. und 20. Jahrhundert, vol. 3).

13. WAGENBACH, Klaus (2006): Franz Kafka. Biographie seiner Jugend. Berlin: Ed. Wagenbach.

Franz Kafka și mediul său (Scurtă introducere)

Mag. Dr. Manfred MÜLLER,
președintele Societății Austriece
„Franz Kafka” (Viena)

1

Scriitorul Franz Kafka este unul dintre cei mai celebri autori ai literaturii mondiale. În ceea ce privește răspândirea operelor sale, el poate fi comparat doar cu nume mari precum William Shakespeare: textele sale sunt traduse în numeroase limbi și sunt cunoscute pe toate continentele. Chiar și cuvântul nou creat „kafkaesk” (rom. kafkian, n.t.) poate fi întâlnit în multe limbi de largă circulație. El a fost utilizat pentru prima oară în engleza anilor 30 și de-abia în anii 70 a fost introdus în DUDEN (*Dicționarul explicativ al limbii germane*, n.t.). Prin apariția neintenționată a scriitorului Kafka în el, acest cuvânt a contribuit la o popularitate a sa, care depășește cu mult cea datorată literaturii sale, și care e de neegalat.

Cu toate că Franz Kafka aparține din punct de vedere temporal așa-numitului modernism literar, numele său fiind amintit alături de alți autori precum Alfred Döblin, Robert Musil, James Joyce sau Robert Walser, opera sa este dificil de comparat cu cea a scriitorilor menționați. Acest fapt are diverse cauze: cea mai importantă este uzul specific al limbii lui Kafka, care se datorează originii sale, vieții sale de zi cu zi, cercului de prieteni și mediului de lucru în calitate de jurist în domeniul asigurărilor, pentru a numi doar o parte din cele mai importante surse, dar și lecturilor sale (Nekula 2003: 81 ff.).

O altă cauză o reprezintă forma specială a textelor sale, care a fost plasată în vecinătatea literaturii fantastice, sau tonalitatea, care este considerată de mulți ca fiind enigmatică, amenințătoare, apocaliptică, sau umorul lor distinctiv ce produce scenarii care amintesc câteodată de comediile Slapstick, de exemplu cele ale lui Charlie Chaplin.

O caracteristică deosebită a literaturii lui Kafka este multiperspectivitatea ei, care duce la apariția a din ce în ce mai multe interpretări posibile, fără ca vreuna dintre ele să fie finală sau definitivă (Vezi ref. la diversele posibilități de interpretare a textelor lui Kafka prezentarea sintetică a lui Manfred Engel în: Engel, Auerochs 2010: 411 ff.).

Un germanist japonez m-a asigurat odată într-o discuție că această multiperspectivitate reprezintă motivul principal pentru importanța internațională a lui Kafka. În cazul textelor altor autori renumiți de limbă germană trebuie explicat mult mai mult, era el de părere. Astfel, un Thomas Mann, un Stefan Zweig sau chiar un Goethe, sau un Schiller poate fi înțeles într-o cultură străină, teme istorice, religioase sau sociale abordate, sau presupuse a fi cunoscute pot fi numai atunci înțelese, dacă se adaugă note de subsol explicative extinse. În schimb, Kafka își plasează cititorii de pretutindeni în aceeași poziție de pornire: indiferent de continentul pe care se află, aspectele centrale ale textelor sale sunt accesibile oriunde, fără multe explicații, iar limbajul lor este atât de clar, încât nu are nevoie de nicio explicație. Totuși, fundalul textelor lui Franz Kafka, ca și originea și religia sa nu au rămas, desigur, fără urmări în opera sa.

2

Franz Kafka s-a născut în 1883 în Praga (Stach 2014; Wagenbach 2006). Tatăl lui, Hermann Kafka, era comerciant și atinsese un nivel ridicat de bunăstare. Magazinul și-a tot schimbat locația în centrul vechi al Pragăi, dar se găsea mereu într-o zonă foarte bună.

Tatăl lui provenea dintr-o familie modestă, prima lui limbă fiind ceha. Mama, Julie Kafka, provenea în schimb dintr-o familie de producători germani de bere. Alegerea limbii nu a fost prin urmare clară de la început, ea a fost o urmare a unei hotărâri conștiente: familia Kafka

considera că a vorbi germana făcea parte din ascensiunea lor, germana fiind limba unei mici, dar prospere și educate pături a populației pragheze. Era deci logic ca Franz Kafka să fie trimis încă de la început la școli cu limba de predare germană.

Faptul că familia era de origine evreiască nu a jucat un rol atât de important la început. Se știe că ea mergea la sinagogă, dar nu s-a transmis nimic referitor la un mod de viață religios. Interesul de mai târziu al lui Kafka pentru iudaism a rezultat nu atât dintr-o tradiție familială sau din ritualuri, care să-i fi marcat viața încă din copilărie, ci a fost mai curând o urmare a reflecțiilor din practica sa literară sau reacții la teme venite din jurul lui, cum ar fi sionismul.

Ca vorbitor de germană și ca evreu, Kafka aparținea în același timp mai multor minorități, într-o Pragă caracterizată de multi-, respectiv, pluriculturalism (Referitor la încadrarea lui Kafka la „minoritățile” societății pragheze din perioada sa, se desfășoară o discuție aprinsă. Vezi Becher, Höhne, Krappmann, Weinberg 2017, S. 204 ff.): praghezii de limbă germană nu alcătuiau nici măcar 8% din populație în anul 1900, iar evreii puțin peste 6% (vezi Blahak 2015: 66 ff.). În plus trebuie subliniat că familia Kafka (ca exemplu și cazul familiei lui Max Brod) se număra printre membrii unei mici elite prospere, cu locuințe și magazine reprezentative în centrul vechi al orașului și cu gospodării mari cu numeroși angajați.

Franz Kafka a crescut prin urmare într-o „bulă”, așa cum am spune azi, departe de problemele majorității populației mult mai sărace. Nu se știe sigur în ce măsură Kafka, din cauza calității sale de membru al unei minorități aflată sub o presiune din ce în ce mai mare, a fost supus persecuțiilor în copilăria și tinerețea sa, respectiv a fost martor la asemenea practici. Cu siguranță însă a simțit, așa cum subliniază biograful său Reiner Stach, că atmosfera din societate începea să se îndrepte tocmai împotriva acestor minorități (Stach 2014: 170 ff.).

3

Viața lui Kafka a durat din 1883 până în 1924, el petrecându-și-o în mare parte în Praga. Acolo a trăit o serie de mari frământări sociale, dintre care poate cea mai importantă a fost sfârșitul Primului Război Mondial, independența Cehoslovaciei și, odată cu asta, schimbarea fundamentală a situației multor părți ale populației vorbitoare de germană. Kafka însuși se pare că nu a fost aproape deloc afectat de aceasta, cu toate că era angajat într-o funcție de conducere la o societate de asigurări, unde, în timpul acestor transformări, au avut loc numeroase schimbări de personal. El a fost singurul jurist de asigurări vorbitor de germană din grupa sa salarială, care nu numai că nu a fost concediat, ba chiar a fost promovat. Asta dovedește, pe de o parte, cât de apreciat era ca om și ca profesionist, dar, pe de altă parte, este și o urmare a faptului că în mediul său de lucru nu se putea exprima cu abilitate numai în germană, ci și în cehă. Multe dintre „scrierile profesionale” ale lui Kafka, ca și scrisorile oficiale sunt concepute în cehă – parțial chiar de el însuși (vezi Švingrová 2012: 189 ff.).

Și în calitate de autor și cititor, Kafka avea numeroase și intense contacte cu intelectualii care scriau în cehă, de exemplu, Milena Jesenska, dar și Jaroslav Hašek.

În ceea ce privește apartenența sa la a doua minoritate, Kafka nu numai că era conștient de iudaismul său, dar acesta era o temă centrală abordată în mediul lui. Mulți dintre prietenii săi, în special, Max Brod, erau sioniști, Oskar Baum era organist și cantor într-o sinagogă, Hugo Bergmann, un coleg de școală, era un iudaist important, iar mai târziu a ajuns profesor universitar în Ierusalim (vezi Čapková 2012: 81 ff.). Kafka însuși a cochetat într-un timp cu gândul de a emigra în Palestina, fapt documentat în scrisorile către Felice Bauer. Nu se știe însă cât de serios se gândea la asta. În anii ce au urmat, a făcut cursuri de ebraică, s-a ocupat intens cu texte și mituri evreiești și avea legături cu rabini (vezi Kilcher 2008: 194 ff.). Nu se poate spune în ce măsură a fost afectată viața sa cotidiană de antisemitismul crescând, căci nu există aproape nicio sursă despre asta. Cum Franz Kafka a murit în 1924 din cauza urmărilor unei tuberculoze, deci cu mult înainte de preluarea puterii de către național-socialiști în Germania, este de presupus că cel puțin antisemitismul politic nu l-a perceput drept o mare amenințare personală. Se știe însă cât de mult a fost afectată familia sa și mediul său mai târziu de acest lucru, mai concret de național-socialism: cele trei surori, Gabriele, Valerie și Ottilie, mai cunoscute drept

Elli, Valli și Ottla, au murit împreună cu alți membri ai familiei în lagăre de concentrare, la fel și Milena Jesenská, prietena și partenera de corespondență a lui Kafka. Acestea sunt numai câteva dintre persoanele apropiate lui Kafka.

4

În decursul interpretării scrierilor lui Franz Kafka, „Scrisoare către tata” a fost considerat textul cheie către opera sa (Engel, Auerochs 2010: 294 ff.). Această scrisoare din 1919, care cuprinde peste 100 pagini scrise de mână, dar care nu a fost trimisă niciodată, documentează relația complicată a autorului cu tatăl său, din copilărie și până la vârsta de 36 ani, care la acea vreme trăia din nou, în mare parte, în locuința părintească.

Franz Kafka construiește în acea scrisoare o antiteză fundamentală între el și tatăl lui: acesta apare ca un bărbat mare, puternic, plin de succes, care știe exact ce vrea și ce se cuvine a fi făcut. Irascibil și sigur pe sine, chiar dacă nu are educație, el își subjugă familia și încearcă să-i impună toate idealurile sale și judecă fără scrupule mediul său. Franz Kafka apare în scrisoare ca imagine total antagonică: firav, nesigur, iar în comparație cu tatăl lui atotputernic, el stă lipsit de succes în umbra acestuia.

Această confruntare îi oferă autorului explicația pentru comportamentul său în numeroase domenii centrale ale vieții: căsnicia și familia nu intră în discuție pentru el, deoarece tatăl său le trăiește pe amândouă într-un mod care le ruinează definitiv pentru fiu.

Și relația cu religia i-a fost distrusă tot de tată, fiindcă acesta nu a reușit să creeze o legătură autentică cu iudaismul, iar puținele vizite la sinagogă erau marcate numai de frică.

Literatura a fost în final singura cale posibilă de scăpare. Ea era atât de îndepărtată de lumea tatălui, încât acesta nu avea nicio influență asupra ei.

Această scrisoare, pe care tatăl cu siguranță nu a citit-o niciodată, a devenit ca o psihogramă a autorului Franz Kafka, cel mai important ajutor în interpretarea operei sale pentru numeroși cercetători. Nu în ultimul rând, una dintre cele mai bune biografii ale lui Kafka, aceea a lui Peter-André Alt, poartă titlul: „Franz Kafka: veșnicul fiu” (Alt 2005).

Într-adevăr, tații și fiii joacă în opera lui Kafka un rol la fel de important precum ierarhiile dintre superiori și subordonați sau între judecători și condamnați. La fel de interesant și presupus logic este și rolul extrem de insignifiant al mamei în multe alte texte ale lui Kafka. Față de această abordare, există numeroase mărturii ale martorilor vremii și ale prietenilor, dar și scrisorile lui Kafka trimise cu adevărat părinților lui, care sunt datate până în ultima zi a vieții sale, din care reiese o altă relație, una „normală” a fiului cu tatăl său și cu familia.

Privită din acest punct de vedere, „Scrisoare către tată” poate fi considerat doar un alt text printre celelalte texte literare ale lui Kafka. În cele mai multe dintre ele, ierarhiile joacă un rol hotărâtor și un protagonist este pus în fața unei lumi de neînțeles pentru el, atotputernice.

Cele mai cunoscute sunt cele trei fragmente de roman „Dispărutul” (sau „America”), „Procesul” și „Castelul”. Neterminate de Kafka, ele au fost publicate postum ca romane de către prietenul și administratorul succesiunii sale, Max Brod. Brod a făcut în scurt timp din Kafka, care în timpul vieții sale era un scriitor apreciat în cercurile literare, dar necunoscut în afara lor, un autor renumit la nivel internațional. Povestirile sale, dintre care amintim „Metamorfозa”, „Verdictul” sau „Colonia penitenciară”, care au fost publicate chiar de Kafka în timpul vieții sale, întregesc imaginea enigmatică a autorului, care dăinuiește până azi.

Un rol important l-au jucat scrisorile, care au fost făcute publice în mare parte tot de către Max Brod, responsabil de moștenirea acestuia. Ele, împreună cu amintita „Scrisoare către tata”, întăresc mitul lui Kafka ca singuratic, un scriitor care a suferit din cauza ierarhiilor, care nu era capabil să aibă o relație și, mai cu seamă, ca scriitor obsesiv.

5

Max Brod, a cărui importanță pentru faima postumă a lui Kafka nu poate fi apreciată suficient de mult, a fost în calitate de conducător al „Cercului praghez”, numit de el astfel, nu numai cel mai apropiat prieten al lui Kafka, ci și figura centrală a autorilor germani din Praga. Kafka se învățea în aceste cercuri aproape zilnic, lua parte la discuțiile purtate acolo, citea din

textele pe care tocmai le scria, respectiv îi asculta pe ceilalți care citeau din operele lor (vezi Engel, Auerochs 2010: 37 ff.; Becher, Höhne, Krappmann, Weinberg 2017, S. 195 ff.).

Este deosebit de interesant de văzut în ce măsură mediul acesta a influențat scrierile sale, căci la aceste întâlniri participau ocazional sau mai des autori de origine din Praga, cum ar fi Rainer Maria Rilke sau Franz Werfel, Gustav Meyrink, care și ei au devenit faimoși mai târziu, sau prietenii lui Kafka, Felix Weltsch și Oskar Baum.

În ciuda numărului restrâns al populației vorbitoare de germană, Praga era un centru independent al creației literare de limbă germană. Schimburile de idei cu Berlinul sau Viena se desfășurau bine, în special Max Brod, foarte abil în menținerea relațiilor, se afla în strânsă legătură cu cele mai importante reviste și cercuri literare.

Este greu de spus în ce măsură Cercul praghez sau alte curente contemporane ale vieții culturale pragheze au influențat opera lui Kafka.

Un indiciu important pare a se afla în forma unora dintre textele sale, care pot fi puse în legătură cu o formă uzuală a romanului nu numai pentru acel timp și care ar putea fi denumită drept „roman mistic”. Între caracteristicile unui asemenea „roman mistic” putem enumera printre altele un protagonist care este în căutarea unui adevăr superior și întâlnește în căutarea sa o persoană deosebită care este în legătură cu Dumnezeu sau alte forțe supranaturale. Romanul este deci un fel de călătorie în căutarea cunoașterii. Această cale este individuală, adică una pe care cel ales o poate parcurge numai de unul singur. Mai apar și alte personaje care pot oferi sprijin sau ridica obstacole ș.a.m.d.

Există multe exemple de asemenea romane în literatura pragheză de limbă germană. Cel mai cunoscut este poate romanul „Golem” al lui Gustav Meyrink (Meyrinck 1915), dar și „Drumul lui Tycho Brache către Dumnezeu” al lui Max Brod (Brod 2014), pe care i l-a dedicat lui Franz Kafka. Există însă și mulți alții care au scris despre miticul rabin, până la Leo Perutz cu „Noaptea sub podul de piatră” (Perutz 2000).

Desigur, Kafka nu a scris romane vădit mistice, dar există elemente mistice în multe dintre textele sale. Astfel, parabola ușierului – „În fața legii” – poate reprezenta tocmai această căutare a adevărului, însă și asta pare a fi specific pentru Kafka la abordarea acestei teme, într-o formă întreruptă, inversă: în acest caz nu este posibilă stabilirea unei legături cu instanța superioară, drumul este imposibil de parcurs deja înainte de a-l începe; ușa, cu toate că este scris foarte clar „e destinată numai ție”, rămâne închisă.

Modele asemănătoare se găsesc și în alte texte ale lui Kafka: protagoniștii se află mereu în căutare, însă nu găsesc niciodată o conexiune cu instanța relevantă, indiferent dacă e vorba pur și simplu de lipsa înțelegerii reciproce (de exemplu, „O dare de seamă pentru Academie”), de imposibilitatea de a ajunge la aceste instanțe (de exemplu, „Castelul”) sau de neputința fundamentală de a înțelege ce se petrece cu cineva (de exemplu, „Procesul” sau „Metamorfoza”).

Kafka reversează practic principiul căutării adevărului, le prezintă sub diverse forme ca fiind imposibile, dar urmărește în mod clar un model literar care este peste tot prezent în literatura germană din Praga.

Aici se observă din nou o legătură tematică cu iudaismul, căci tocmai în Praga multe dintre temele amintite erau strâns legate de istoria iudaismului praghez. Și poate că motivul pentru care Kafka s-a preocupat atât de intens de istoria iudaismului praghez și de evreii din Praga se află tocmai în faptul că el a folosit mituri sau elemente din ele ca niște cărămizi pentru textele sale, căci mult din ceea ce caracterizează opera sa, de la scrierea sa enigmatică și până la umorul său profund, este cuprins în miezul acestora.

6

Interesant este, în orice caz, faptul că tocmai amintita imagine a căutătorului care este și rămâne despărțit de instanța superioară de la care așteaptă explicații, cunoaștere și înțelegere, constituie un aspect formal al operei lui Kafka, care este caracteristic pentru o mare parte a textelor sale. Aș dori să demonstrez printr-un exemplu, pe care îl cunoașteți cu toții, ce vreau să spun, și anume începutul povestirii „Metamorfoza”:

„Într-o bună dimineață, când Gregor Samsa se trezi în patul lui, după o noapte de vise zbuciumate, se pomeni metamorfozat într-o gănganie înspăimântătoare.”
(Franz Kafka. *Metamorfoza*)

Acest început face introducerea direct într-o situație nouă, de neînțeles. Nouă pentru noi, ca cititori, dar în special pentru protagonist, care se trezește transformat dintr-o dată într-o gănganie.

La început te gândești la vechea tradiție literară a „Metamorfozelor”. Dar acolo unde „precursorii” lui Kafka, de la Ovidiu și până la nenumăratele basme în care sunt descrise metamorfoze, fac să acționeze puteri superioare, deci zei, vrăjitori sau alte ființe superioare oamenilor care provoacă metamorfozele, la Kafka nu există nimeni.

În timp ce la Ovidiu sau în basme metamorfozele se petrec ca pedeapsă pentru o nedreptate comisă sau ca altă afișare a voinței sau puterii, textul lui Kafka este altfel, este nou: Gregor Samsa nu a făcut nimic, nu a comis nicio infracțiune și nici nu a adus jignire forțelor superioare. Metamorfoza sa pare a fi complet arbitrară: fără autor, fără o cauză comprehensibilă, fără un sens mai adânc.

Motivul metamorfozei este întâlnit destul de des în opera lui Kafka, însă sub diverse forme. Un alt exemplu la fel de cunoscut îl constituie începutul romanului fragment „Procesul”. Și în acest caz se trezește cineva și este dintr-o dată confruntat cu un mediu care i-a devenit complet și irevocabil inaccesibil. Diferența este că în cazul lui Gregor Samsa, protagonistul însuși este cel metamorfozat într-un mediu neschimbat, în timp ce pentru Josef K. din „Procesul” lucrurile stau exact invers: aici mediul a devenit altul, unul care i-a devenit ostil, inaccesibil, de neînțeles, marcat de logica unei legi care îi rămâne inaccesibilă.

Prima propoziție a acestui text sună, după cum bine știți:

„Pe Josef K. îl calomniase pesemne cineva căci, fără să fi făcut nimic rău, se pomeni într-o dimineață arestat”.

Din nou nu există nicio vină, din nou nicio instanță clar responsabilă, din nou rămâne de neînțeles sensul din spatele metamorfozei. Și, ca și în „Metamorfoza”, protagonistului nu-i este nici aici posibil să se transpună după metamorfozare în noul mediu, să-l înțeleagă, să se facă plăcut în el. Și aici, ca și în „Metamorfoza”, începe o continuă coborâre, o degradare, care culminează în moartea care este resimțită de toți protagoniștii ca mântuire.

Aceste două cele mai cunoscute „metamorfoze” reprezintă numai două exemple din multe feluri de asemenea transformări din textele lui Kafka. Aceasta a dus la faptul că mulți dintre exegeții operei lui Kafka vorbesc despre două planuri, unul real sau empiric care poate fi găsit în textele lui Kafka – și ca urmare, tocmai din acest motiv s-a încercat plasarea textelor lui Kafka în literatura fantastică, care se folosește de asemenea planuri, care poate prezenta lumea cunoscută în alt mod și din care se poate privi lumea cunoscută în alt mod. Textele lui Kafka nu permit însă o asemenea clasificare, precum nici altele nu o permit.

Protagoniștii lui Kafka nu fac salturi între diferitele planuri ale conștiinței, ei sunt căutători cărora într-un anumit punct le-a dispărut înțelegerea pentru existența și mediul lor.

Literatura lui Kafka ca operă centrală, independentă a unuia dintre cei mai importanți autori ai sec. 20 trebuie privită prin prisma unei lungi tradiții, care e alimentată pe de o parte din cultura germană a Pragăi, dar și din tradiția iudaică sau modelele literare din Rusia, Austria, Germania și Franța.

Еврейский код мироощущения Ф. Кафки, эхом отозвавшийся в творчестве еврейских писателей Восточной Галиции

Abstract: Problema includerii lui Kafka în rândul scriitorilor evrei a fost pusă în anii 1930. Cu toate acestea, criticii operei lui Kafka evită cu atenție tema apartenenței sale evreiești și a atitudinii sale față de iudaism. Poziția specială a unui evreu care vorbea germana și trăia pe pământul ceh sub steagul austro-ungar a exacerbât singurătatea și neașasamentul lui Kafka. Nu s-a încadrat în societate, singur din punct de vedere moral, Kafka se simte străin în orice comunitate istorică. Un evreu care a spart comunitatea evreiască critică grav religia iudaică. Evoluția codului evreiesc la Kafka, de la negarea completă la pătrunderea profundă în bazele iudaismului, se manifestă în mod clar în lucrările sale în perioada care a precedat Primul Război Mondial. Kafka își schimbă considerabil și dinamic atitudinea față de Hasidim, introduce în mod deschis în lucrările sale problemele reale: vitalitatea tradiției evreiești și apelul la ea al poporului adusă în spiritul raționalismului.

Mulți scriitori evrei din secolele 20 și 21 au fost atrași pe orbita influenței creativității lui Kafka, inclusiv cei din Bucovina, Galiția și Basarabia, în ale căror lucrări găsim o estetică în concordanță cu estetica lucrărilor lui Franz Kafka. Unul dintre ei este scriitorul Itzik Mangher. Analizând viața și opera lui Itzik Mangher, se poate vedea o reflectare a vieții și operei lui Franz Kafka. Măiestria lui Kafka constă în capacitatea sa de a crea o lume mitică, care a fuzionat cu lumea reală. Itzik Mangher a creat epicul folcloric al idișului, în care lumea reală a fuzionat cu lumea mitică.

Cuvinte-cheie: Franz Kafka, literatură austriacă; scriitori evrei din Basarabia, Bucovina și Galiția, iudaism.

Abstract: The question if Kafka can be considered a Jewish writer was put in the 1930s. Nevertheless, critics of Kafka's creative work still carefully discard the theme of his Jewry and his attitude toward Judaism.

The peculiar position of a Jew, who spoke German and lived on the Czech land under the Austro-Hungarian flag, exacerbated the feeling of loneliness and rootless in Kafka. Not assimilated socially, lonely morally, Kafka feels alien to any historical community. A Jew who has broken with the Jewish community, he severely criticizes the Jewish religion. The evolution of Kafka's Jewish code from complete denial to deep penetration into the foundations of Judaism is clearly manifested in his works during the period that preceded the outbreak of the First World War. Kafka appreciably and dynamically changes his attitude towards the Hasidism, openly introduces in his works the actual problems: the vitality of the Jewish tradition and the appeal to it of the people brought up in the spirit of rationalism.

Many Jewish writers of the 20th and 21st centuries were drawn into the orbit of the influence of Kafka's creativity, including those from Bukovina, Galicia and Bessarabia, in whose work we can find aesthetics consonant with the aesthetics of the works of Franz Kafka. One of them is the writer Itzik Mangher. Analyzing the life and work of Itzik Manger, one can see a reflection of Franz Kafka's life and work. Kafka's greatness is in his ability to create a mythical world, merged with the real world. Itzik Manger created the Yiddish folk epic, in which the real world merged with the mythical world.

Keywords: Franz Kafka, Austrian literature, Jewish writers from Bessarabia, Bucovina and Galicia, Judaism.

Вопрос о том, можно ли считать Кафку еврейским писателем, был поставлен еще в 30-х годах 20 века, причем в довольно необычном контексте. Как известно, Кафка назначил своим душеприказчиком Макса Брода и завещал все неизданное сжечь. Брод нарушил завет друга и издал все, что можно было подготовить к печати и опубликовать. В силу обстоятельств, произведения Кафки впервые увидели свет в еврейском «Издательстве Шокена» в 1935 году и произвели фурор среди литературных критиков. Немецкий поэт-экспрессионист Манфред Штурман с изумлением обнаружил, что: «евреи – наследники сокровищницы немецко-

Olga SIVAC,

șef oficiu, Biblioteca evreiască – Centrul Cultural „I. Mangher”, filiala Bibliotecii Municipale „B. P. Hasdeu”

Head of Section, Jewish Library and Cultural Centre „I. Mangher”, branch of Municipal Library „B. P. Hasdeu”

заведующая сектором, Еврейская библиотека – центр им. И. Мангера, филиал муниципальной библиотеки им. Б. П. Хашдеу

го языка». Клаус Манн охарактеризовал издание произведений Кафки как: «самые высокие и значительные книги, которые вышли в Германии». Герман Гессе писал: «Работы Кафки свидетельствуют о нашем страдающем поколении, чья душа рвется на части... он [Кафка] одарен искусством выражать неуверенность и муку, его мастерство волшебным ключом открывает нам путь к сумятице и трагическим картинам, но также к красоте и утешению!» В этом эпизоде ключевым является тот факт, что критика обратила внимание на еврейство самого Кафки и на то, что его произведения опубликовало еврейское издательство. Тем не менее, критики творчества Кафки до сих пор старательно обходят тему его еврейства и отношения к иудаизму.

Своеобразное положение еврея, говорившего на немецком языке и жившего на чешской земле под австро-венгерским флагом, обострило в Кафке чувство одиночества и неукорененности. Ему было 14 лет во время ноябрьских волнений 1897 года, когда протесты против австрийского господства сопровождались еврейскими погромами, и в школьной среде еврейское меньшинство называли не иначе, как «паршивым отродьем». В Праге, своем родном городе, он чувствовал себя иностранцем. С одной стороны, немецкий язык отдалял его от чешского населения, с другой, как еврей, он был изолирован от той части населения, для которой немецкий был родным. Как сын крупного коммерсанта, он стоял далеко от народа. Еврейское гетто в Праге было уничтожено, но моральное гетто продолжало существовать: «Старый, грязный еврейский город внутри нас гораздо более реален, чем новый благоустроенный город вокруг нас. Пробужденные, мы ходим во сне. Мы лишь призраки былых времен», – запишет Франц в своем дневнике. Не ассимилировавшийся социально, одинокий морально, Кафка чувствует себя чуждым любой исторической общности. Эту отчужденность он выразит такими словами: «Несмотря на ее особые черты, которые я признаю, я отнюдь не отрекаюсь от моей расы... У меня только характер странный, но нельзя забывать, что он объясняется особенностями моей расы».

Ранний Кафка всегда остается в глубине души евреем, но вместе с тем это еврей, порвавший с еврейской общиной. Он жестоко критикует иудейскую религию. В новелле, озаглавленной «В нашей синагоге», он описывает еврейскую общину как сторонний наблюдатель. Он не понимает евреев, смысл их верований и обрядов ускользает от него. Таинственное и страшное животное, которое часто появляется в синагоге в Траумюле, символизирует непонятную, не поддающуюся разгадке цель, к которой слепо обращены молитвы верующих. Здесь позиция Кафки оказывается двойственной. Это тем более опасная двойственность, что иудаизм есть одновременно социальная и религиозная общность. Иудаизм это не только дело веры, а прежде всего жизненный опыт общины, обусловленный верой. Отделившись от нее, от веры, Кафка сразу потерял и небо, и землю, порвав отношения с Богом, он порвал и отношения с людьми. Кафка, раздираемый на части между верой и ее отрицанием, испытывает крайне болезненное чувство одиночества, как еврей, оторвавшийся от своей общины, но сохраняющий в душе тоску по ней. Тоска одинокого человека, который всеми своими силами тянется к нормальному, здоровому, радостному единению с людьми, постоянно находит свое выражение в творчестве Кафки: «Я был бы принят со всеми почестями, я, в глубине души всегда чувствовавший себя стоящим вне закона, каким-то дикарем, осаждающим городские стены. Я погрузился бы в желанное тепло, исходящее от всех собак, собравшихся вокруг меня...», пишет он в повести «Исследования одной собаки».

Социальные отношения и свое положение еврея Кафка особенно остро ощутил в своей родной семье. Его отношения с отцом, в какой-то степени, усилили трения между ним и еврейской общиной и с точки зрения религиозной, и с точки зрения отношений между личностью и обществом. В традиционной еврейской семье отец – фигура священная. Исходя из этого постулата, у Кафки не только само собой сложилось представление о Боге из опыта общения с отцом, но он перенес на отца традиционное представ-

ление об отношениях людей с библейским Богом, тем более, что отец строго соблюдал еврейские обычаи и требовал от сына отправления обрядов, которые в глазах последнего были лишены всякого смысла и значения. В социальном плане конфликт Кафки с отцом не что иное, как конфликт состоявшегося делового человека, всем обязанного только себе, с сыном-поэтом. Отец был для Кафки как бы олицетворением общества, которое угнетает, отчуждает, стирает индивидуальные черты человека: «... Моих индивидуальных черт никто не признавал. Если же какая-нибудь из таких черт обнаруживалась, мне оставалось только возненавидеть того, кто ее подавлял, или считать, что этой черты нет вообще... Но, когда я старался не проявлять какую-нибудь из этих индивидуальных черт, то начинал ненавидеть себя и свою судьбу, считая себя скверным или проклятым». Принадлежа, как еврей к народу избранному, но отверженному и рассеянному по свету, испытывая к отцу чувство «обездоленного сына», изгнанного им из этого мира, Кафка замыкается в своем внутреннем мире, который постепенно становится для него настоящим прибежищем.

Только в художественном творчестве, в создании мифа Кафка пытается освободиться от противоречивости своего внутреннего мира: «Я буду писать несмотря ни на что, любой ценой. Это и есть моя борьба за то, чтобы выжить».

Эволюция еврейского кода Кафки от полного отрицания до глубокого проникновения в основы иудаизма отчетливо проявляется в его творчестве в период, предшествовавший началу Первой мировой войны.

Кафка, предлагая сборник рассказов «Сельский врач» еврейскому ежемесячнику на немецком языке в январе-феврале 1917 года, посвящает его публикацию отцу. В связи с этим, он писал Макс Броду: «Не потому, что это помогло бы примириться с отцом, у этой вражды такие корни, что их так просто не выдерешь, но все-таки я бы кое-что сделал, пусть и не переселился бы в Палестину, но хоть провел бы пальцем по карте».

Тесно общаясь в это время с Мартином Бубером, уроженцем Восточной Галиции, открывшим для себя светоч, таящийся в хасидизме, причем его открытие не было научным, историческим или критическим, его влекли эстетические и религиозные императивы творцов хасидизма; с Гершем Шоломом, исследователем еврейской мистики, которого Бубер развернул к иудаизму и к сионизму; с Георгом Лангером, который «обратился» в хасидизм и прожил многие годы в Белзе, при дворе цадика, Кафка заметно и динамично меняет свое отношение к хасидам. Первый раз, в 1915 году, он в сопровождении Лангера и Макса Брода идет на встречу с ребе из Белза, беженцем из Галиции. Макс Брод сообщает, что на обратном пути Кафка ему сказал: «Принимая все во внимание, можно подумать, что мы находимся в Африке среди племени дикарей. Вульгарное суеверие». Но уже через год, снова оказавшись вместе с Лангером среди паствы цадика из Белза, Кафка «преодолел в себе впечатление отчуждения; в подробном рассказе в его письме Макс Броду исчезли всякие следы иронии».

По мнению литературоведа и переводчика Зои Копельман, перемена в отношении Кафки к еврейской традиции, прямо сказалась на его творчестве. В содержании рассказа «Сельский врач» обращают на себя внимание некоторые странные и необязательные на первый взгляд детали: неожиданное в заснеженном пространстве сюжета сравнение лошадей с верблюдами, обидные песенки детей, а главное – навязчивое внимание рассказчика к шубе. Мотив шубы побуждает сопоставить текст Кафки с библейскими историями о пророке Элиягу и его преемнике Элише. Магический предмет, экспликация «Духа», бывшего на Элиягу и перешедшего к Элише, – в русском переводе «плащ», а на иврите «адерет» – был одеянием из овечьих или козых шкур, и позволительно распознать тот же символ в шубе врача. Кафка открыто вводит в рассказ актуальную для него проблематику: живучесть еврейской традиции и обращение к ней людей, воспитанных в духе рационализма. Отчаяние героя вызвано не тем только, что он не сумел исцелить больного. Его причина существенно глубже. Раскрывая причину и объясняя

метафоричность и образность сюжета рассказа «Сельский врач», Кафка пишет в дневнике: «Независимости не добьешься, если не обращать на это внимания, но не обращать на это внимания нельзя; независимости можно добиться только привлечением новых сил. Правда, здесь случаются неожиданности, с этим должен согласиться самый отчаявшийся человек; бывает, из ничего появляется нечто, из заброшенного свинарника вылезает кучер с лошадьми».

В годы, предшествовавшие написанию рассказа, Кафка с увлечением слушает и читает хасидские истории, где часто фигурируют загадочные возницы, кони с «говорящими» кличками, символические вожжи и кнуты. Если принять, что Библия и хасидские истории служили подтекстами к рассказу, он естественным образом станет еврейским произведением, вопреки всему его христианско-европейскому антуражу. И сравнение точеных лошадиных морд с верблюдами покажется отзвуком ориентальной экзотики, ключиком-намёком, открывающим дверцу в сокрытый от беглого взгляда тайник. «Ускользящий еврейский плащ» и «свисающая с коляски шуба, которую не достать» – равно метафоры, парафразирующие современным языком преемственную духовную суть еврейства, наиболее ярко явленную у библейских пророков и ставшую центральной ценностью в хасидизме. Стоящий за героем рассказа автор-еврей не может ни черпать из колодца традиции, ни соответствовать навязываемой ему новой универсалистско-ассимиляторской модели еврейского существования. И вновь мы находим подтверждение этой мысли в дневниковых записях Кафки: «Не инертность, не злая воля, не неумелость... заставили меня потерпеть неудачу во всем или даже позволили мне потерпеть неудачу, а отсутствие почвы, воздуха, закона. Меня не вела по жизни, по правде говоря, уже трясущаяся рука христианства, как Кьеркегора, и я не смог ухватиться за кончик ускользящего еврейского плаща, как это сделали сионисты. Я конец или начало».

В связи с этим высказыванием Кафки следует упомянуть эссе Борхеса «Кафка и его предшественники», в котором он пишет: «Слово „предшественник“ незаменимо для словаря критика, но его необходимо освободить от коннотаций полемики или соперничества». Кафка был, безусловно, весьма начитан, и под словом «предшественник» мы можем, прежде всего, выделить сонники Мартына Задеки, упоминаемые в Талмуде; Библейские истории; средневековую мистическую литературу, например Мейстера Экхарта. Из близкого нам времени: Гофмана, По, Мэри Шелли с ее «Франкенштейном», Густава Майринка с его «Големом»...

Что касается последователей Кафки, то в орбиту влияния его творчества оказались втянуты многие еврейские писатели 20 и 21 века: Мани Лейб, Зише Ландау, Мойше-Лейб Гальперн, Пауль Целан, Мойше Альтман, Исаак Бабель. К творческим приемам Кафки прибегают современные израильские писатели Иорам Каньюк, Ицхак Орпаз (Авербух, Зеньково Полтавской губ.), отчасти Ахарон Аппельфельд (родом из Черновиц) и Авраам Б. Иехошуа.

Но нас сегодня особенно интересуют еврейские писатели Буковины, Галиции, Бессарабии, в творчестве которых мы могли бы найти эстетику, созвучную эстетике творчества Франца Кафки. И здесь связующим звеном может стать имя Аврома Гольдфадена, искусство которого начиналось с оптимистических комедий. Их смех призывает к разрыву с омертвевшими традициями, с хасидской ортодоксией и всяческим ретроградством. С точки зрения драматурга, сохраняя национальную самобытность, евреи не должны пытаться жить в соответствии с устаревшими религиозными и обрядово-бытовыми нормами. В этом Гольдфаден воплощал идеи еврейского просвещения – Гаскалы. С другой стороны, отринув многовековые традиции, «новые евреи», погруженные в стихию буржуазного накопительства, обуреваемые жаждой легкой наживы в погоне за мнимыми ценностями, теряют себя. И этот конфликт между патриархальным, косным, но глубоко устойчивым религиозным сознанием – и логикой энергичного дельца, утрачивающего вместе с почвой и нравственные опоры – ведет уже прямо к творчеству Шолом-Алейхема и И. Э. Бабея.

Жанровый спектр драматургии Гольдфадена охватывает комедию, мелодраму и

«исторические оперетты» на библейские сюжеты, которые он без стеснения черпает во всех доступных источниках, вольно интерпретируя их. С другой стороны, Гольдфаден находил сюжеты и в современной ему европейской драматургии, выводил на сцену узнаваемых людей в качестве комических персонажей. Парадоксально, но драматургия Гольдфадена именно благодаря актуальности и сиюминутности пережила свой век, и уже после смерти драматурга одним из самых заинтересованных посетителей спектаклей по пьесам Гольдфадена стал Франц Кафка. В сезоне 1911-1912 года в Праге гастролировала еврейская театральная труппа, выступавшая в отеле «Централь», затем в кафе «Савой». С некоторыми актерами Кафка подружился, в особенности с Ицхоком Лёви. В репертуаре этой труппы были и пьесы Гольдфадена. О том, что Кафка серьезно изучает драматургию Гольдфадена, свидетельствует несколько записей в дневнике по поводу спектаклей «Бар-Кохба» и «Суламифь» осенью 1911 года и, например такой пассаж: «Гольдфаден расточителен даже при большой нужде. Сотня пьес. Украденные литургические мелодии сделаны народными. Весь народ поет их». Нельзя не отметить, что именно встреча с еврейским театром раннего периода, с его довольно примитивной по сравнению с современными ему австро-немецкими и чешскими образцами драматургии инспирировало обращение Кафки, выходца из относительно ассимилированной среды, к продолжительным размышлениям о культуре и традициях еврейского народа.

Во многом благодаря Гольдфадену после Первой мировой войны на литературной карте мира вновь возникли Карпатские горы, родина хасидизма. Такие места, как румынский город Яссы, родина театра на идише, театра Аврома Гольдфадена, занимали важное место. В послевоенной Европе идишские писатели и поэты вели борьбу за еврейскую автономию, они отбросили старые мифы о древних временах и нашли новые для того, чтобы литература изгнания трансформировалась в литературу обретения родины. Наверное, не было другого идишского поэта с таким острым чувством приемной родины, как Ицик Мангер, и уж точно никого, кто находил бы столько удовольствия от изобретения разного рода мифов. Анализируя жизнь и творчество Ицика Мангера, отчетливо видно, как прихотливо они перекликаются с жизнью и творчеством Франца Кафки.

Исидор Гельфанд, а именно под таким именем будущий писатель появился на свет в 1901 году в Черновцах, входивших в тот момент в состав Австро-Венгрии, рос в городской буржуазной среде, для которой настоящей культурой была высокая немецкая, точнее австрийская, культура. Немецкий язык был его первой любовью, он любил упоминать, что немецкий язык был источником его обширных знаний. Он зачитывался книгами на немецком языке: Рильке, Кант, Клейст, Манн, Гессе, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Горький. Свои первые поэтические пробы он также сделал на немецком языке. Если бы не Первая мировая война, заставившая его переехать вместе с семьей в Яссы, мы бы сегодня говорили о талантливом поэте Исидоре Гельфанде, писавшем на немецком языке.

В Яссах он познакомился с восточно-галицийским пейзажем и определился в выборе идиша, как языка поэтического творчества, своего литературного кредо – еврейского модернистского светского поэта, и окончательно утвердил за собой новое имя – Ицик Мангер.

В творчестве Ицика Мангера четко прослеживается три основных периода. В первый, румынский, период Мангер развивался как региональный поэт. Он всем своим творчеством утверждал, что Румыния это источник басен, гротеска и баллад, который питает современный идиш. Под баснями он в первую очередь подразумевал творчество бессарабского баснописца Элиэзера Штейнбарга. Под гротеском – сатирические оперетты Аврома Гольдфадена, которому он был обязан своим интересом к идишскому фольклорному театру. Наблюдая возрождение баллады в немецкой и американской поэзии, и находясь в поисках новых местных традиций, Мангер не случайно решил возвести балладу во второй ранг еврейского фольклорного эпоса. У немецкого экспрессионизма Мангер позаимствовал технику шутовских сопоставлений и мистификаций, а в американской литературе на идише ему было особенно близко поэтический модернизм

представителей группы «Ди Юнг», объединившей молодых поэтов-лириков, писавших на идиш. Мангер утверждал, что основными источниками самобытного еврейского мифа были Библия, пропущенная сквозь фильтр фольклора, и драма, представленная в виде баллады. Второй, польский, период вписал поэта в анналы идиш культуры как выдающегося народного барда-модерниста, виртуозно владеющего поэтической техникой в сочетании с простотой и естественностью, присущими народной песне.

Кафка, создавая мифы, в которых он выражает моменты открытия им реального, противоречия и движения, которое несет в себе силу внутреннего обновления, часто переносит образцы высокой морали в мир животных, что позволяет ему мастерски раскрыть тему «искания» и «незаконченности».

Зрелый Мангер, наделяя высоких библейских персонажей самыми обыденными и, более того, часто низменными помыслами, чувствами, заботами простых евреев из местечек Восточной Европы, используя свою излюбленную метафору «Пурим», возвращает еврейскую пародию, драму и Библию в повседневную жизнь. Для Мангера нет нужды учить Писание и раввинистический *мидраш*, потому что язык идиш и фольклор на нем – сами по себе священные тексты.

Величие Кафки в том, что он смог создать мифический мир, слитый с миром реальным. Все творчество Кафки проникнуто обостренным сознанием собственной ответственности за этот реальный мир. В этом ему вторит главное произведение Мангера «Медреш Ицик» («Толкование Ицика на Пятикнижие»), написанное в третий, послевоенный, период. Мангер, признанный современный классик, переписывает прошлое так, как не снилось ни одному раввину или традиционному комментатору. Написанное в лирико-драматическом жанре, изобретенном самим Мангером, это произведение стало идишской библией, *сейфером*, традиционной книгой, которая превратила фантазию поэта в еще один дар прошлому, настоящему и будущему. Как искусный маскировщик старых и новых литературных традиций, Ицик Мангер создал идишский народный эпос, который продержался дольше живого народа, живого языка и даже живого пейзажа, одновременно печального и прекрасного.

Если катастрофа Кафки носила исключительно внутренний характер, то Ицик Мангер во всей полноте пережил катастрофу европейского еврейства – Холокост, потеряв всю семью, географическую родину, и что страшнее всего, своего читателя. Его стихи перенесли потрясение гораздо лучше, чем психика. В стихах нет и следа войны или послевоенного периода, когда Мангер находился в самом ужасном состоянии духа.

Так же, как творчество Кафки дошло до нас благодаря его другу и душеприказчику, который вопреки завещанию не уничтожил рукописи, творческий архив Мангера сохранился благодаря Рохл Ауэрбах, которая чудесным образом выжила в Варшавском гетто и спасла из пламени войны бумаги Мангера вместе с некоторыми другими семейными реликвиями.

Идеальный поэт сочетает в себе всех предшествующих поэтов и приводит в литературу своих последователей. В этом отношении и Кафка, и Мангер – поэты идеальные. По Кафке, «литературное творчество – всегда только экспедиция в поисках Правды... счастлив я был бы только в том случае, если бы смог привести мир к чистоте, правде, незыблемости». Жизненный и творческий опыт Мангера убеждает в том, что достигнуть подобного счастья невозможно:

*Рабойсай, их вел айх зинген а лид,
Дос лид фунем тройерикн глик,
Вос флатерт ви а фойгл фарбай...*

*Песню о грустном счастье
Я вам спою, господи,
Как птица оно упорхнуло,
Не вернется назад никогда.*

Библиографические ссылки:

1. ЯНОУХ, Густав. Беседы с Кафкой. Москва: Астер-Х, 2011. 273 с. ISBN:978-5-982-85011-6.
2. ВАЙС, Р. Современный еврейский литературный канон. М. – Иерусалим, 2008. С. 118–123.
3. ДАВИД, Клод. Франц Кафка. Москва: Молодая гвардия, 2008. 489 с. (Сер. Жизнь замечательных людей). ISBN:978-5-235-03093-0.
4. БРОД, Макс. Биографии и мемуары: Франц Кафка. Узник абсолюта. Москва: Центрполиграф, 2003. 561 с. (Сер. Великие имена). ISBN:5-9524-01021-X.
5. ШАРП, Дарел. Незримый ворон: Конфликт и трансформация в жизни Франца Кафки. Москва: Изд-во НПО «МОДЭК», 1994. 213 с. (Сер. Библиотека аналитической психологии). ISBN:5-87224-054-6.
6. ДЫМШИЦ, Валерий. Ицик Мангер. В: Лехаим. 2010, №7(219) июль-тамуз 5770. С.75-81.
7. ДЫМШИЦ, Валерий. Ицик Мангер. Песни Пятикнижия. В: Лехаим. 2010, №10(222) октябрь-тишрей 5771. С.110-115.
8. КОПЕЛЬМАН, Зоя. Еврейский Кафка: Рассказ «Сельский врач». В: Лехаим. 2009, № 1(201) январь-тевет 5769. С. 112-118.
9. МЕНР, В.-М. Un om care a văzut paradisul. In: Realitatea evreiască. 2001. №137. P.7.ISSN 1223-7736.
10. ROZNFELD, Sh. Tsvishn Avrham Goldfaden un Yitsik Manger: Folkslid, balade un teatr. In: Toprpunkt. 2000. № 1. Z. 24-28.
11. ЕВРЕИ в мировой цивилизации. [Accesat 6 mar. 2019]. Disponibil: <http://eleven.co.il/jews-in-world/literature-journalism/12017/> электронная еврейская энциклопедия ОРТ.
12. ЕВРЕЙСКАЯ литература и публицистика. Мангер Ицик. [Accesat 6 mar. 2019]. Disponibil: <http://eleven.co.il/jewish-literature/in-yiddish/12600/> Электронная еврейская энциклопедия ОРТ.

Receptarea operei lui Franz Kafka în literatura română din Republica Moldova

Abstract: În articol este abordat specificul receptării operei lui Franz Kafka în literatura română din Republica Moldova. Se caracterizează procesul de editare și circulația traducerilor din opera lui F. Kafka în fostul spațiu sovietic și postsovietic. Articolul scoate în evidență valorificarea creației kafkiene în eseurile semnate de Mihai Cimpoi, Emilian Galaicu-Păun, Vitalie Ciobanu, în poezia lui Aureliu Busuioc, Grigore Chișer și Vasile Gârneț, în comentariile lui Mircea V. Ciobanu.

Cuvinte-cheie: receptare literară, literatura română din Republica Moldova, kafkian.

Abstract: The article deals with the specifics of the reception of Franz Kafka's work in the Romanian literature of the Republic of Moldova. It characterizes the process of editing and circulation of translations from F. Kafka's work in the former Soviet and post-Soviet space. The article highlights the reception of Kafkian creation in the essays signed by Mihai Cimpoi, Emilian Galaicu-Păun, Vitalie Ciobanu, in the poems of Aureliu Busuioc, Grigore Chișer and Vasile Gârneț, in the comments of Mircea V. Ciobanu.

Keywords: literary reception, Romanian literature from Republic of Moldova, kafkian.

Procesul receptării operei lui Franz Kafka în spațiul postsovietic avea trăsături comune în toate fostele republici socialiste, dat fiind faptul că politica culturală și editorială era dictată din centrul imperiului sovietic și se supunea rigorilor ideologice și de cenzură. Mult timp critica literară oficială sovietică îl trata pe Kafka cu reticență, cu neîncredere, impunându-i imaginea unui reprezentant al modernismului decadent, cu o viziune pesimistă asupra lumii și asupra omului aflat într-o stare de degradare morală. Totodată, era destul de evident caracterul subversiv al operei kafkiene pentru regimul sovietic, mai multe imagini și situații fiind recunoscutibile într-o realitate imediată și în întreaga atmosferă social-politică a epocii. Aceasta explică de ce primele publicații în limba rusă din opera lui Kafka încep să apară, cu multe ezitări și polemici, abia în perioada „dezghețului” hrușciovist. În 1964, în revista „Иностранная литература”, apar câteva nuvele și parabole ale lui F. Kafka, inclusiv „Metamorfoza” și „Colonia penitenciară”, acestea fiind însoțite de un studiu critic semnat de Eugenia Knipovici care conchidea: „Kafka nu este «părintele literaturii occidentale noi», așa cum o consideră modernistii, nu este un «profet», un câștigător. El este un învins, victima sau, mai exact, încă o demonstrație materială a crimelor capitalismu-

Ivan PILCHIN,
lector universitar, magistrul în
filologie germanică, Universitatea de
Stat din Moldova

University Lecturer, Master of
Germanic Philology. State University
of Moldova

преподаватель, магистр немецкой
филологии, Молдавский
Государственный Университет

lui împotriva culturii umane" (1, p. 204). Prima publicație în volum a lui F. Kafka în limba rusă apare în 1965 (celebrul „volum negru”), o singură ediție de referință completată abia în perioada „perestroikăi” cu romanul „Castelul” în seria „Литературные памятники” (1990), dar și cu fragmente din jurnal și „Scrisoarea către tata” în seria „Мастера современной прозы” (1989). Accesul preponderent la aceste cărți a și permis profesorului Sergiu Pavlicenco să afirme că „citorii din Republica Moldova au receptat opera lui Franz Kafka și prin intermediul traducerilor și al studiilor publicate în limba rusă” (2, p. 385). Totodată, este cunoscut faptul că la Chișinău, în mod neoficial, circulau și edițiile cărților lui Kafka apărute în fosta Republică Socialistă România la „Editura pentru Literatură” (1968), la Editura „Minerva” (1977), la „Editura pentru Literatură Universală” (1969). Dintr-o discuție cu scriitorul Vitalie Ciobanu am aflat că ediția lui Kafka de la Editura „Meridiane” circula clandestin printre studenții de la Universitatea de Stat de la Chișinău, fapt care se explică prin mărturisirile lui Emilian Galaicu-Păun, coleg de generație cu Vitalie Ciobanu: „Cea mai cumplită frustrare a adolescenței (generației) mele ține de accesul – în sensul de lipsă a acestuia! – la carte: autori ale căror nume nu trebuiau nici măcar pronunțate, titluri ce te făceau să visezi și care-ți transformau viața într-un coșmar odată descoperite la tine. Cine nu a citit cărți pe sub masă, învelite în «Правда» sau «Moldova socialistă», împrumutate de la unele persoane de încredere, va înțelege anevoie bucuria de a face rost de un titlu anume, acum când e suficient să dai pe «search». Ca să nu mai vorbesc despre circuitul pe sub mână al unor opere în «samizdat», semn că făceai parte dintr-o rețea bazată pe încredere – și asta tocmai în țara unde se mai pedepsea «за недоносительство»” (3, p. 47). În ceea ce privește „samizdatul”, dintr-o altă discuție cu unii colegi-filologi, am aflat că în perioada sovietică unii studenți făceau naveta la biblioteca Universității din Cernăuți, transcriau textele anumitor autori, inclusiv pe cele ale lui Kafka, texte traduse în limba română, în caiete simple, iar ulterior aceste manuscrise circulau într-un cerc închis de cititori. Totodată, în poezia „Evoluția” de A. Busuioc, citim: „Între o cafea și un coniac îi gust/ înfiorat pe Kafka și pe Proust” (4, p. 160).

Prima ediție în limba română a operei lui Kafka apare la Chișinău, în 1990, la Editura „Hyperion” (în seria „Mari prozatori ai secolului XX”), care, așa cum a mai menționat Vitalie Ciobanu, pe atunci redactor la această editură, a apărut „într-un timp al recuperărilor multiple din literatura română și universală în Basarabia postsovietică” (în aceeași serie fiind publicate romanele lui Mihail Sadoveanu, Marin Preda, David Herbert Lawrence, Umberto Eco etc.). Ediția de la „Hyperion”, apărută într-un tiraj mai mare și accesibil publicului larg, reia traduceri romanele „Castelul”, „Procesul” și povestirilor lui F. Kafka publicate în România până atunci (cu o indicație totuși mai puțin explicabilă: „traducere din limba cehă”). Prefața, intitulată „«Ciudatul» Kafka” o semnează criticul și eminescologul Mihai Cimpoi, care încearcă să explice sursele omului kafkian care, „este prin excelență omul în fața Legii” (5, p. 11), dar și trasează unele paralele între tema identității umane la Kafka și la Eminescu: „Marea temă eminesciană a redării eului sinelui său narcisic este, în viziunea kafkiană, ca și cum inversată. (...) Sinele, care la Eminescu e disponibil valorizării, explorării progresive în adâncurile rămase pure, lipsește la Kafka aproape cu desăvârșire. (...) Similitudinea motivelor căutărilor identității (a adevărului, a esenței eului) la Kafka și Eminescu o relevă cele două cercuri ale cunoașterii: cel transcendent, hyperionic și cel empiric (la autorul «Castelului»: «câinesc»). «Nu putem vedea adevărul, dar putem fi adevăr», spune Kafka în spirit absolut eminescian, căci poetul nostru, în ciuda «strâmătorii» cercului pământean, aspiră la sfere siderale, la marile cercuri ale eului. Însuși acest drum hyperionic înseamnă adevăr” (5, p. 7-8).

Într-o recenzie, intitulată „O viziune din vizuină”, Emilian Galaicu-Păun își exprimă regretul că volumul kafkian apărut la Editura „Hyperion” nu include și povestirea „Vizuină”, absența ei fiind „recompensată din plin aici, în Basarabia, prin terifianta prezență a conștiinței de vizuină, pe care-o trăim cu un fel de patriotism local devenit destin (...), balansând de la «nevoia de siguranță» (...) la neliniște și angoasă. (...) Există în «Vizuină» kafkiană o frază, ai cărei cetățeni suntem la ora aceasta cu toții, de la mic la mare: «AICI NU SE POATE SPUNE CĂ TE SIMȚI ACASĂ LA TINE, CI MAI DEGRABĂ ÎN CASA LOR». (...) Atunci când în

versiunea românească e scris «aici», locul capătă concretețe: aici, în Moldova, să zicem” (6, p. 5). În contextul apariției lui Kafka la Chișinău, Galaicu-Păun marchează șansa de ieșire din „vizuină” a literaturii noastre: „de a nu fotografia realitatea tirajând-o de la 3.000 la 40.000 de exemplare (Kafka, de-o vorbă, a apărut la Chișinău doar în 15.000), ci a-i da o perspectivă” (6, p. 5).

Scriitorul Vitalie Ciobanu consideră că în romanele „Procesul” și „Castelul” autorul „a descris ca nimeni altul neputința ontologică a individului în fața mecanismului impersonal al unei puteri strivitoare, cum ne-am obișnuit, de la Kafka încoace, să privim statul” (7, p. 37). În articolul, apărut în revista „Lettre Internationales” în rubrica „Cartea tinereții mele” mărturisește că „Procesul” lui Franz Kafka i-a marcat „intrarea în maturitatea culturală”: „Am citit [cartea] în primul an de facultate, la Chișinău, în 1981, într-un context ce aducea mult cu practicile descrise de autor, dar pe care eu nu le conștientizam, lipsindu-mi punctul privilegiat al cunoașterii ansamblului și esenței unui regim totalitar. De ce? Pentru că eram în *interior*” (8, p. 85). Acea primă lectură a „Procesului” i-a lăsat impresia unei cărți excepționale, tulburătoare, care îi „procura o dublă revelație: întâlnirea cu *adevărul politic și social al secolului XX* – masificarea și reificarea individului, – și cu *adevărul estetic al epocii* – abandonarea subiectului de tip clasic, în favoarea unuia ce ilustrează sau, mai bine zis, dă „carnalitate” unor teze preexistente” (8, p. 86). „Îi datorez, continuă V. Ciobanu, lui Kafka reperatele conduitei mele morale și accesul către un alt orizont literar. Forța lui de sugestie a spart oglinda” (8, p. 85). Ulterior, V. Ciobanu va reveni la figura scriitorului în „Jurnalul la Praga”, povestind despre „brandul” Kafka observat pretutindeni la Praga („Poate cel mai intens exploatat este Franz Kafka, pe care îl vei găsi oriunde: pe cești, tricouri, calendare, hărți, șepci etc. Sper totuși să-i cunosc urmele trecerii pe aici și altfel decât sub chip de vehicul publicitar” (9, p. 247) și despre vizita sa la expoziția „Franz Kafka” din Praga pe 14 mai 1999 (9, p. 264-266).

Universul lui Kafka a lăsat amprenta și asupra poezilor din Republica Moldova. Astfel, în poezia „Ucenicie la Kafka” (din volumul „Turnul de fildeș înclinat”, 2005), Grigore Chiper scrie: „Uneori îți vine în minte/ câte o definiție a nopții/ sau a morții/ pe care o uiți ca pe o față pierdută în mulțime/ nici cu lectura nu înaintezi/ citești ceea ce ar fi putut lipsi/ îți rămân doar niște fraze sucite/ ale lui Kafka/ pe care l-ai admirat într-o tinerețe artizanală” (10, p. 103).

Puternice accente kafkiene găsim și în poezia lui Vasile Gârneț: în volumul „Peisaje bolnave” (1990) și în volumul „Câmpia Borges” (2002). În poemul „Caligraful suferinței” citim: „Aud cum cineva rătăcește pe stradă/ merge lipsit de grabă – pașii au/ un ecou scăzut, complotitor/ ca întotdeauna mă salvez prin imaginație/ îmi spun că e Kafka – caligraful suferinței –/ într-o promenadă prin Chișinău/ trist și singur Kafka rătăcind/ într-o lume care și-a umilit de mult existența” (11, p. 29).

O perspectivă mai puțin obișnuită asupra operei kafkiene oferă, într-o postare pe Facebook, criticul literar și poetul Mircea V. Ciobanu, punând accent pe dimensiunea ironică a scriiturii lui F. Kafka: „Ne-am obișnuit să-l vedem pe Kafka tragic. Cunoscându-i biografia mai bine decât studiindu-i textele, cercetătorii îl făceau lider la «reflectarea biografiei în operă»... Fals! Nici Tolstoi (scriitor «realist») nu a reflectat în operă viața, ci a creat istorii complementare, ce să mai vorbim de un scriitor al absurdului? Modern până în măduva oaselor, Kafka, dacă e să facem vreo legătură între viața lui (deloc dulce) și operă, mai curând s-a răzbunat pe «realitate», IRONIZÂND-O, PARODIIND-O (și parodiind scrierile «realiste» despre această viață). Kafka descinde direct din Gogol... pe care numai critica vulgar-socialistă l-a catalogat drept «scriitor realist». Recitiți, acum, fără părtinire, din plăcere, «Castelul», dar și «Procesul» (de «Metamorfoză» nu mai vorbim!) Și vă veți amuza copios. Îmi notez toate astea (ca să nu le uit, vi le spun și vouă) stând întins leneș pe canapea, cu «Castelul» în față, pe care-l recitesc și care nu mi se mai pare deloc grav, ca după – îndepărtata – prima lectură. Dimpotrivă, zâmbesc și chiar mă tăvălesc de râs de acest text ludic, parodic, ironic, grotesc, absurd! Caut, din interes, diverse comentarii (majoritatea grave, desigur) și dau peste o informație care mă liniștește (mă speriasem și eu de reacția mea... deviată): Autorul citise prietenilor niște fragmente de la începutul romanului. Ascultătorii se prăpădeau de râs, împreună cu autorul”.

În eseu un „Tărâm al literaturii”, M. V. Ciobanu mărturisește: „Probabil că primul scriitor care m-a cucerit (pentru că era «altfel») a fost Kafka. Citeam *Colonia penitenciară* prin clasa a VII-a și descopeream o altă literatură decât cea din programele sovietice. Kafka nu a devenit după asta numaidecât un scriitor preferat. Era însă un semnal că ar putea să existe și *altceva*. Am căutat apoi destul de insistent acest *altceva*. Spre surprinderea mea, această literatură exista. Și fiecare descoperire era o surpriză plăcută. Mai ales într-un mediu în care toată literatura bună era interzisă sau cu acces extrem de limitat” (12, p. 20).

Astăzi, opera lui Kafka este studiată în liceele și universitățile din Republica Moldova. Astfel, un capitol aparte îi dedică scriitorului Sergiu Pavlicenco în al său manual de literatură universală pentru licee, oferind elevilor un material interesant despre autorul și specificul operei sale (2, 380-385). În sfera studiilor universitare, opera lui Kafka este analizată în lucrarea Emiliei Taraburcă în cadrul suportului de curs „Literatura universală din secolul XX” (2012) (13), dar și în lucrarea „Kafka sau Alegoria omului modern: Note de curs” (2015) (14) elaborată de Diana Vrabie și Margareta Abramciuc în cadrul Proiectului „Mise en place du master interdisciplinaire „Civilisation européenne: les grand livres” (2012-2014).

Referințe bibliografice:

1. КНИПОВИЧ, Е. Франц Кафка. In: Иностранная литература. 1964, nr. 1, pp. 195-204.
2. PAVLICENCO, S. Literatura universală. Manual pentru licee. Chișinău: Litera, 2006. 484 p. ISBN 9975-74-935-6.
3. GALAICU-PĂUN, E. Cărți de promovat adolescența. In: Clipa. 2010, nr. 3, p. 47.
4. BUSUIOC, A. Îmblânzirea mașinii de scris: poezii vechi și noi, vesele și triste. Chișinău: Editura „Literatura artistică”, 1988. 205 p. ISBN 5-368-00046-4.
5. CIMPOI, M. „Ciudatul” Kafka. In: Kafka, F. Castelul. Procesul. Verdictul și alte povestiri. Chișinău: Hyperion, 1990, pp. 5-13. 570 p. ISBN 5-368-00865-1.
6. GALAICU-PĂUN, E. Viziune din vizuină. In: Literatura și arta. 1990, 15 noiem., p. 5.
7. CIOBANU, V. Ce... dar mai ales cum că citești. In: Clipa. 2010, nr. 6, p. 34.
8. CIOBANU, V. Omul sub lupă. In: Lettre Internationales. 2004/2005, nr. 52, pp. 85-86. ISSN 1220-5998.
9. CIOBANU, V. Valsul pe eșafod. Chișinău: Cartier, 2001. 284 p. ISBN 9975-79-133-6.
10. CHIPER, G. Cărări înapoi. Iași: Tipo Moldova, 2013. 504 p. ISBN 978-606-676-086-7.
11. GÂRNET, V. Câmpia Borges. București: Editura Vinea, 2002. 95 p. ISBN 973-8234-46-8.
12. Ciobanu, M. V. Un tărâm al literaturii. [Accesat 20 mai 2018]. Disponibil: http://www.romlit.ro/index.pl/un_trm_al_literarului.
13. TARABURCĂ, E. Literatura universală din secolul XX. Suport de curs. Chișinău: CEP USM, 2012. 87 p. ISBN 978-9975-71-299-6.
14. VRABIE, D. Kafka sau Alegoria omului modern. Note de curs. Chișinău: CEP USM, 2015. 189 p. ISBN 978-9975-71-631-4.

Poem recitat de către autorul Emilian Galaicu-Păun la inaugurarea expoziției „Franz Kafka – 135 de ani de la naștere”, 12 iunie 2018, Chișinău

Praga lui Franz Kafka
Odessa lui Isaac Babel
Cernăuții lui Paul Celan
Roman-ul lui Max Blecher
Vitebsk-ul lui Marc Chagall
Drohobâci-ul lui Bruno Schultz
Petersburg-ul lui Osip Mandelștam –
fiecare oraș cu evreul lui de geniu, prins
la rever ca o stea a lui David –, tot atâtea nume –
șiboleț, de rostit la intrarea în Ierusalimul Ceresc!

Emilian GALAICU-PĂUN,
poet, scriitor, eseist, traducător

poet, writer, essayist, translator

поэт, писатель, эссеист,
переводчик

COMENTARII PE MARGINEA
CONFERINȚEI ȘTIINȚIFICE
INTERNAȚIONALE „2018 – ANUL
EUROPEAN AL PATRIMONIULUI
CULTURAL: MULTICULTURALISMUL
ȘI TRADIȚIA AUSTRIEI”

COMMENTS TO THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE
„EUROPEAN YEAR OF THE CULTURAL
HERITAGE 2018: MULTICULTURALISM
AND TRADITION OF AUSTRIA”

КОММЕНТАРИИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОД
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 2018:
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И
ТРАДИЦИЯ АВСТРИИ»

P. 104 Imagine:

Reflectarea operei lui Franz Kafka în literatura universală a sec. XX

The reflection of Franz Kafka's work in world literature of the 20th century

Отражение творчества Франца Кафки в мировой литературе XX века

Christine FREILINGER,
ambasador extraordinar și plenipotențiar
al Austriei în Republica Moldova

A true intellectual highlight was the conference on pluricultural Austrian tradition and on Franz Kafka. Dr. Johannes Feichtinger from the Austrian Academy of Sciences explained what pluriculturalism meant in the Habsburg Empire: until 1918 there was no “state language”. All 11 languages of the people of the Habsburg Empire were recognized and the administration, the military and the church worked in several languages. To speak two or more languages was deliberately encouraged by the state and by the school system. Dr. Manfred Müller, president of the Austrian Franz Kafka Society, explained that Franz Kafka belonged to a minority in two ways: as a German speaking author and as a Jew. Around 1900, only 8% of Prague citizens spoke German and only around 6% were Jewish. Given the popularity of his works, Franz Kafka can be compared with William Shakespeare.

The Czech Ambassador Zdeněk Krejčí, the Austrian Ambassador Christine Freilinger and Jessica Fernandez from the German Embassy opened together with DG Elena Pintelei an exhibition of Kafka’s literature. KEDEM musicians entertained the audience during the lunch break with traditional Jewish pieces. Another exhibition about Austria and the last days of the Habsburg-Empire was displayed in the big reading room, the venue of the conference. The film “Farewell to Europe” about Stefan Zweig’s Emigration to South America completed this remarkable event.

**Pagina Ambasadei Austriei la Chișinău pe Facebook (Austrian Embassy Chișinău)
din 13.06.2018**

Elina BOLGARINA,
șef secție Literaturile lumii, responsabilă de organizarea conferinței,
Biblioteca Națională a Republicii Moldova

12 июня 2018 года в Национальной библиотеке Республики Молдова состоялась международная научная конференция «Мультикультурализм и традиция Австрии», приуроченная к Европейскому году культурного наследия, отмечаемому в 2018 году. Это было первое в своем роде научное мероприятие, полностью посвященное Австрии – центрально-европейской стране, близкой нашей соседке. Рассматривались следующие группы тем: сущностный вклад Габсбургской империи, распавшейся 100 лет тому назад (1918 г.), в общеевропейское культурное наследие, исторические и культурные связи Бессарабии и Австрии на протяжении последних веков, а также австрийское культурное наследие на территории Республики Молдова. Переплеталась с этими темами и выбранная для конференции специальная «литературная повестка», также ставшая предметом обсуждения, а именно 135-летие со дня рождения Франца Кафки, австрийского писателя еврейского происхождения, глубоко повлиявшего на литературу XX и даже XXI веков в разных странах, в том числе и в Молдове. На конференции выступили ученые и специалисты из Республики Молдова, Австрии, России.

1. Конференция в целом явилась первым шагом к комплексному научному осмыслению общего исторического и культурного наследия Австрии и Республики Молдова.

2. Каждое выступление на конференции было вкладом в копилку позитивного результата, и особо хочется подчеркнуть значение тех докладов, в основе которых были специально проведенные исследования по неизученным (или слабоизученным ранее) темам, касающимся общего исторического и культурного наследия Австрии и Республики Молдова.

3. Плодотворна общетеоретическая база и методология, касающаяся оценки феномена империи Габсбургов, специфики вклада поликультурной Австрии в общеевропейское культурное наследие, заложенная в выступлении научного сотрудника Австрийской академии наук, доктора Йоханнеса Файхтингера.

4. Благотворен проведенный по случаю подготовки к конференции анализ книжных фондов Национальной библиотеки РМ на предмет редких и ценных изданий, связанных по тематике с Австрийской империей. Это послужило основой доклада заведующей отделом редкой книги НБРМ Вероники Косован, и получило отражение в подготовленной ею книжной выставке „Cartea românească în Imperiul Austriac”. Выявился пласт изданий, представляющих интерес для дальнейших исследований и представления публике.

5. В обзоре, сопровождавшемся показом множества слайдов, было представлено творческое наследие выдающегося зодчего, австрийского подданного Генриха фон Лонского, строителя Кишинева и Одессы на рубеже XIX – XX веков.

6. Заслуживает внимания двуплановая структура мероприятия, где, с одной стороны, рассматривалась историческая проблематика и культурные интерференции двух наших стран, а, с другой, была представлена персоналия крупного масштаба, как, в данном случае, австрийский писатель Франц Кафка, влияние которого на проблематику современной мировой культуры невозможно переоценить.

7. Из представленных в последнем разделе докладов выяснилось, что влияние Франца Кафки как на еврейскоязычную литературу Бессарабии начала XX века, а в последствии и на румыноязычную литературу Республики Молдова начала XXI века, очень велико и значительно. (Сообщения Ольги Сивак, Ивана Пилкина)

8. Продолжение научного поиска обязательно должно последовать, в форме дальнейших исследований общего культурного наследия Австрии и Республики Молдова в исторической перспективе, изучение явлений общественной жизни (театр, музыка, литература, уклад и быт и т.д.) и отдельных личностей. Приветствуется активное участие академических ученых Молдовы, в том числе специалистов Института культурного наследия Республики Молдова, исследователей из Австрии и других стран.

De la stânga la dreapta: Elina Bolgarina, șef secție Literaturile lumii, BNRM; Dr. Johannes Feichtinger, colaborator științific, Academia Austriacă de Științe (Viena); Elena Pintilei, director general al Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova; Dr. Manfred Müller, președinte al Societății Austriece „Franz Kafka”; Christine Freilinger, ambasador al Austriei în Republica Moldova; Zdeněk Krejčí, ambasador al Republicii Cehe în Republica Moldova; Thomas Kloiber, director al Forumului Cultural Austriac București; Jessica Fernandez, secretarul al III-lea al Ambasadei Republicii Federale Germane la Chișinău.

Programul Conferinței Științifice Internaționale „2018 – ANUL EUROPEAN AL PATRIMONIULUI CULTURAL: MULTICULTURALISMUL ȘI TRADIȚIA AUSTRIEI”

Biblioteca Națională a Republicii Moldova, 12 iunie 2018

9.00-9.30 Inaugurarea conferinței. Mesaje de salut

- **Elena Pintilei**, director general al BNRM
- **Christine Freilinger**, ambasadorul Austriei la Chișinău
- **Orest Dabija**, șef Direcție arte și industrii creative, Ministerul Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova

9.30-11.00 100 de ani de la destrămarea Imperiului Habsburgic: reculegere istorică și evaluarea moștenirii culturale austriece în spațiul central-european (comunicări)

Moderatori: Dr. **Lilia Zabolotnaia**, colaborator științific, Muzeul Național de Istorie a Moldovei și **Thomas Kloiber**, directorul Forumului Cultural Austriac București

- **Dr. Johannes Feichtinger**, Academia Austriacă de Științe (ÖAW)
Pluriculturalitatea în Monarhia Habsburgică târzie – contribuția specifică a Austriei la moștenirea culturală europeană
- **Dr. Lilia Zabolotnaia**, Muzeul Național de Istorie a Moldovei
Problema identității național-confesionale în spațiul post-habsburgic
- **Dr. Veaceslav Stepanov**, Universitatea de Stat din Oriol, Federația Rusă
Русины фронта двух империй в описаниях авторов второй половины XIX - начала XX вв.

Întrebări și răspunsuri

11.00-12.30 Patrimoniul cultural austriac pe teritoriul Basarabiei istorice și al Republicii Moldova (comunicări)

Moderator: **Veronica Cosovan**, șef secție Carte veche și rară, BNRM

- **Veronica Cosovan**, BNRM
Cartea românească tipărită în Imperiul Austriac: din colecțiile Bibliotecii Naționale
- **Olga Garusova**, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM
Клуб Винцентиса Фукса в социокультурном пространстве Кишинева 1820-х гг.
- **Elina Bolgarina**, BNRM
Генрих фон Лонский, архитектор старого Кишинева

Întrebări și răspunsuri

12.30-13.30 Recepție: invită dl Thomas Kloiber, director al Forumului Cultural Austriac București

13.10-13.30 Recital de muzică clasică vieneză, muzică evreiască și moldovenească:

Avraam Baltaga (nai), Centrul Cultural Evreiesc „KEDEM”, Chișinău

13.30-14.00 Inaugurarea expoziției de carte, dedicată aniversării a 135 de ani de la nașterea marelui scriitor austriac Franz Kafka

Participă cu luări de cuvânt:

- **Elena Pintilei**, director general al Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova
- **Christine Freilinger**, ambasadorul Austriei la Chișinău
- **Zdeněk Krejčí**, ambasador al Republicii Ceha în Republica Moldova
- **Jessica Fernandez**, secretarul al III-lea al Ambasadei Germaniei la Chișinău
- **Emilian Galaicu-Păun**, poet, scriitor, eseist și traducător, redactor-șef al Editurii „Cartier” din Chișinău

14.00-15.30 Franz Kafka și contemporanii săi, în timpul său și al nostru (comunicări)

Moderatori: **Ivan Pilchin**, lector, USM

Thomas Kloiber, Forumul Cultural Austriac București

- **Mag. Dr. Manfred Müller**, președintele Societății Austriece „Franz Kafka”
Franz Kafka și mediul său (Scurtă introducere)
- **Olga Sivac**, Biblioteca evreiască – Centrul Cultural „I. Mangher”
Еврейский код мироощущения Ф. Кафки, эхом отозвавшийся в творчестве еврейских писателей Восточной Галиции
- **Ivan Pilchin**, Universitatea de Stat din Moldova
Receptarea operei lui Franz Kafka în literatura română din Republica Moldova

Întrebări și răspunsuri

15.30-16.00 Pauză de cafea în stil vienez. Sponsor: Julius Meinl AG, Meinl-Gruppe

16.00-18.00 Vizionarea filmului artistic „Stefan Zweig. Farewell to Europe” (2016), dramă biografică despre scriitorul austriac Stefan Zweig (1881-1942). Regizor: Maria Schrader (coproducție Germania-Austria-Franța)

În cadrul conferinței au fost prezentate următoarele expoziții:

- *Franz Kafka – 135 de ani de la naștere: din colecțiile BNRM;*
- *Cartea românească în Imperiul Austriac din colecțiile BNRM;*
- *(Ne)-Liniștea dinaintea furtunii / Bewegte Ruhe vor dem Sturm*, expoziție oferită de Forumul Cultural Austriac București

Biblioteca Națională a Republicii Moldova
Str. 31 August 1989, nr. 78 A
Chișinău, MD-2012
Republica Moldova
Tel./Fax: (37322) 22-14-75
E-mail: biblioteca@bnrm.md

MOȘTENIRI COMUNE
COMMON HERITAGE
ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

Bun de tipar: 25.06.2019
Apărut: 2019
Coli de tipar: 7
Tiraj: 70 ex.
Tiparul sub comanda nr. 14
executat la F. P. C. Primex-Com S.R.L.
Bd. Grigore Vieru, nr. 26
Chișinău, MD-2005
Republica Moldova
Tel.: (37322) 27-53-05, (37322) 22-66-82
E-mail: primex@dnt.md